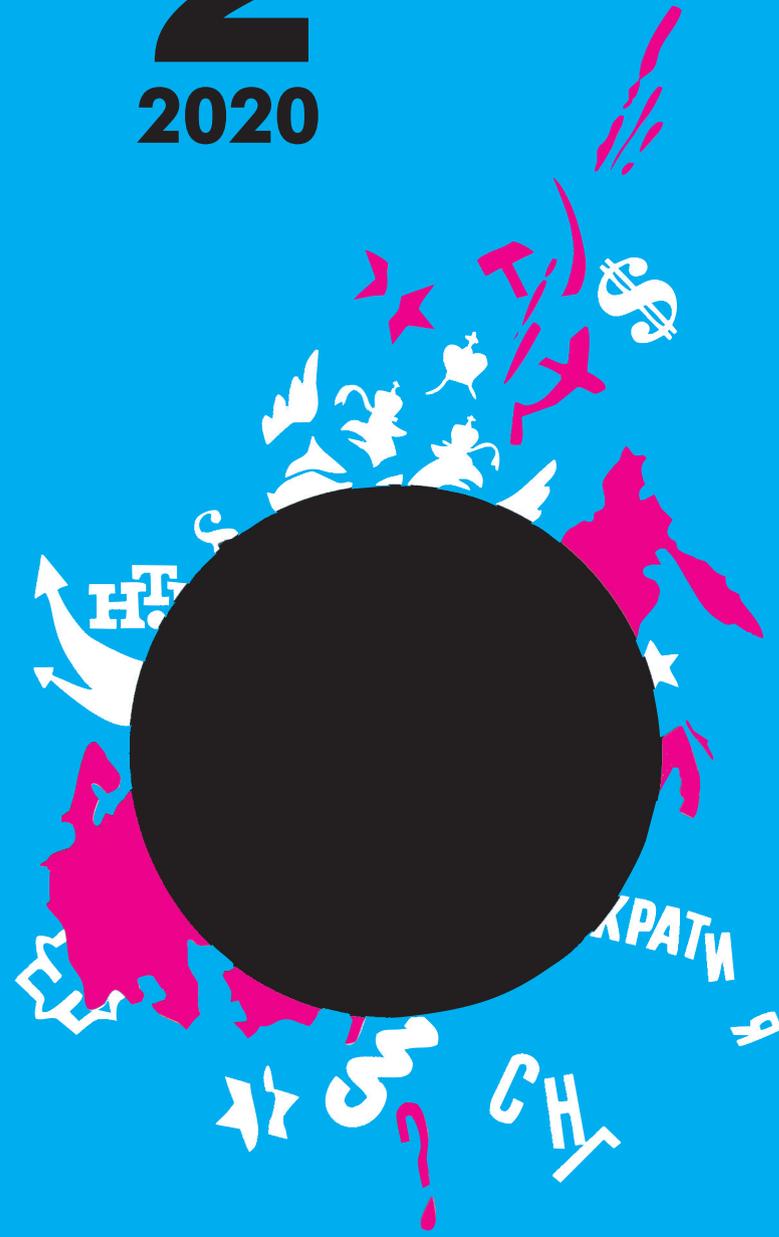

Индекс П8643

2
2020

РОССИЯ XXI 2020 2

РОССИЯ XXI

2.2020 март-апрель

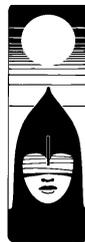
Страницы истории

Игорь Татаринов

Проблемы разграничения российско-украинских территорий в середине 1920-х гг. _____ **6**

Виктория Груздинская

Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов _____ **26**

Национальная доктрина

Салават Исхаков

«Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской России и обязательно до революции в Лондоне...»: коминтерновцы-мусульмане в 1919–1920 гг. _____ **42**

Ярлыки и мифы

Владимир Лапин

«Покорители Туркестана». Главные лица присоединения Средней Азии в исторической памяти России _____ **72**

Андрей Юрганов

О двух моделях «ленинизма» во внутрипартийной борьбе середины 20-х годов _____ **98**

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Задача не в том, чтобы превратить Россию в рай, а в том, чтобы помешать ей превратиться в ад»: либералы-центристы в I Думе _____ **122**

Любовь Писарькова

Кахановская комиссия и реформы 1880–1890-х гг. _____ **156**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

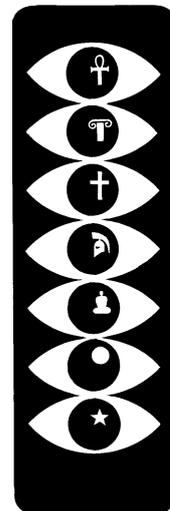
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

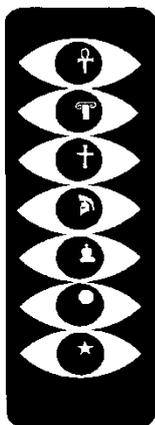
Граница – воображаемая линия между двумя государствами, отделяющая воображаемые права одного от воображаемых прав другого.

Амброз Бирс

Чтобы понять какую-либо науку,
необходимо знать историю этой науки.

Огюст Конт

Игорь Татаринов

**ПРОБЛЕМЫ
РАЗГРАНИЧЕНИЯ
РОССИЙСКО-
УКРАИНСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ В
СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(470)+94(477) «25»

Статья освещает основные события, происходившие на ключевом этапе конструирования межреспубликанских границ УССР и РСФСР в 1920-х гг. Автор опирался на хранящиеся в отечественных и зарубежных архивных учреждениях документальные материалы и проанализировал современные публикации ведущих ученых-историков. Подчеркивается, что межреспубликанское разграничение в 1920-е гг. имело противоположные векторы – от применения этнографического критерия до задействования экономических и политических аргументов. Итогом противостояния стало принятие согласованного сторонами варианта делимитации, оформленного соответствующим Постановлением ЦИК СССР.

The article covers the issues of a key stage in the construction of the Russian-Ukrainian inter-republican border in the 1920s. The author grounded on the documents and modern publications of leading historian scholars stored in domestic and foreign archival institutions. The author emphasizes that inter-republican delimitation in the 1920^s had opposite vectors – from the application of an ethnographic criterion to the involvement of economic and political arguments. The result of the confrontation was the adoption of the option of delimitation agreed upon by the parties, drawn up by the corresponding Decree of the CEC of the USSR.

Ключевые слова: Украинская ССР; РСФСР; Курская губерния; Воронежская губерния; Белгород; Таганрог; украинско-российская граница.

Keywords: Ukrainian SSR; The RSFSR; Kursk province; Voronezh province; Belgorod; Taganrog; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Комплексность и противоречивость процессов, сопровождавших формирование контуров советских республик в 1920-е годы, во многом обусловили сегодняшние трудности в межгосударственных отношениях. Попытки найти компромиссное решение не всегда оказывались эффективными, поскольку в сложившейся в то время политической ситуации было трудно выработать приемлемое решение, которое устроило бы все стороны. Для населения российско-украинского приграничья, разделенного между двумя республиками, с обретением советскими республиками в 1991 г. государственной независимости появились дополнительные сложности.

**Краткая историография
вопроса**

Вопросы формирования межреспубликанских границ в исследуемый период поднимались в работах таких украинских авторов, как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [27], Г.Ефименко [40], В.Кузьменко [41], В.Сергийчук [42] и других. Традиционно их нарратив фокусируется вокруг убеждения, что украинская граница должна быть тождественна этническим границам, ареалу проживания всех украинцев. Отметим также работы по исследуемому вопросу ведущих российских историков: Е.Борисенко [28–30], Е.Кринко [36], М.Медведева [37], Ю.Галкина [31], К.Дроздова [32–33] и другие, не менее значимые труды известных ученых [38–39]. В этих комплексных исследованиях проанализированы динамика становления региональных особенностей и границ Украины в XVII–XX веках. При этом границы и регионы рассмотрены в политическом, административном, этническом, языковом и культурном аспектах. В отличие от украинских коллег, российские ученые обращают внимание на определяющее влияние экономической составляющей при формировании границ республик в 1920-х гг. Их работы выделяются широтой оценок, богатством выводов и более основательной работой с источниками, в то время как в украинской историографии наблюдается игнорирование политико-экономического фактора, а также негативное восприятие произведенного в 1920-е гг. разграничения в Приазовье и Донбассе. Более того, гипертрофированный акцент украинских авторов на примате этнографического критерия при межреспубликанском разграничении в первой трети XX века существенно мешает им объективно и всесторонне оценить исследуемые процессы.

На основе комплекса документальных источников из отечественных и зарубежных центральных и региональных архивов, а также анализа работ ведущих ученых-историков, попытаемся проследить и проанализировать динамику, принципы и механизмы форматирования межреспубликанских границ в 1920-е годы и выявить основные факторы, обусловившие выработку компромиссного решения по украино-российскому разграничению.

**«Никто нас не спрашивал
о желани к Украине
или к Московщине...»**

Общеизвестно, что экономические факторы в 1920 году обусловили образование Донецкой губернии УССР и передачу ей ряда российских этнических территорий. Это вызвало

довольно длительные напряженные дискуссии о контурах российско-украинской границы. Спор удалось уладить вмешательством центра, однако решение не удовлетворило стороны. Заметим, что при новом административно-территориальном устройстве отпала необходимость оставлять дореволюционное губернское деление. Устаревшие рубежи видоизменялись, поскольку они уже не способствовали эффективному решению новых народно-хозяйственных задач, стоящих перед молодым советским государством.

В средствах массовой информации, прежде всего в украинских, все чаще звучали призывы о пересмотре несправедливых, по мнению украинцев, контуров российско-украинской границы. Уже в начале 1923 года исследователи обнаруживают попытки украинских партийно-государственных деятелей распространить территориальные притязания на ряд волостей Брянской, Курской и Воронежской губерний [30, с.100]. В апреле 1923 года на страницах харьковских «Известий» некий В.Мазуренко поднял вопрос о возвращении Украинской ССР Калитвенского бассейна Донской области, мотивируя это многочисленными обращениями местного населения [34]. В «Известиях ВЦИК» 18 октября 1924 г. за авторством председателя Центральной Административно-территориальной комиссии при Президиуме ВУЦИК А.Буценко вышла статья «К вопросу об урегулировании государственной границы УССР с РСФСР и БССР». В ней он призывал к неукоснительному и немедленному исполнению партийных решений по национальному вопросу [32, с.180]. Ему вторил Н.Скрипник – Генеральный прокурор УССР, требовавший включения в состав Украинской ССР украиноязычных «терри-

торий Азовской, Черноморской, Кубанской, Курской и Воронежской областей» [20, л.56].

В том же 1924 году украинская сторона подготовила в союзный ЦИК проект «О внешних границах УССР», где поднимался вопрос корректировки существовавших на тот момент межреспубликанских границ. В качестве аргументов выдвигались причины как экономического и административного, так и политического характера [19, л.2–6]. Проект состоял из двух частей. В первой части украинцы обосновывали возможные изменения границ, исходя из этнографической ситуации на пограничных территориях. Во второй части приводили различные аргументы, настаивая на передаче в состав УССР ряда волостей Курской и Воронежской губерний, где, по мнению украинской стороны, проживало 1,7 млн украинцев. То есть предполагаемые трансформации в спорных районах пояснялись сложившейся этнолингвистической ситуацией, где население состояло преимущественно из украинцев [27, с.52]. ЦИК СССР в апреле 1924 г. создал специальную комиссию для рассмотрения предложений по урегулированию границ между УССР, РСФСР и БССР. В нее вошли по 2 делегата от украинской, российской, а также белорусской сторон, которую возглавил председатель белорусского ЦИК А.Червяков. После многочисленных консультаций и переговоров был выработан компромиссный вариант, где был частично удовлетворен ряд предложений украинской делегации.

Слухи о грядущих административно-территориальных изменениях быстро просочились в народ. На адрес украинского правительства и ВУЦИК приходила масса обращений от украинского населения, прежде всего, из Центрального Черноземья, где был довольно высокий процент украинцев. В них местные жители выражали надежды, что их уезды передадут в состав УССР. Например, в письме автора из Валуйского уезда звучало: «Мы все кричим и протягиваем свои мозолистые руки к родной Украине» [32, с.173]». Более радикальная риторика прозвучала на сходе жителей Николаевской волости Валуйского уезда 5 января 1925 г.: «Никто нас не спрашивал о желании в Украину или в Московию, а судьбу нашу решали о присоединении к Украине русаки разных русских губерний, которые везде служат по учреждениям и они стараются, чтобы к Московии присоединиться, и так решили. Мы, граждане, просим ... в освобождении нас от Московии и присоединении к родной матери Украине... Пусть наши дети будут свободными украинцами. Пусть они развиваются на своем родном языке» [32, с.173]¹.

¹ Здесь и выше перевод с украинского – авт.

Следует заметить, что украинская сторона подкрепляла свою позицию довольно весомыми аргументами. В частности отмечалось, что еще в 1920 году на съездах населения некоторых волостей Рыльского и Путивльского уездов Курской губернии были вынесены решения о вхождении в состав УССР. Заслуживает также внимания выдержка из совместного постановления Белгородского, Корочанского и Новооскольского уездных исполкомов: «...Еще в 1917–1918 годах местное население единодушно высказалось в пользу присоединения к Харьковской губернии, и только немецкая оккупация Украины прервала дальнейшее осуществление этого народного желания» [24, лл.13, 39, 53, 321].

Российская сторона не была согласна с масштабными требованиями украинцев. Так, А.Белобородов – представитель РСФСР в Комиссии по урегулированию границ, выразил удивление и недоумение рядом притязаний. Он согласился обсуждать вопросы разграничения по Курской губернии «... но относительно Воронежской губернии кажется, насколько я знаю, для нас это в большинстве является неожиданным ... Поскольку Украина ставит вопрос об отторжении целых уездов, по существу, половины Курской губернии, вопрос приобретает большое экономическое и политическое значение...» [9, л.6–7]. В качестве контраргумента представители РСФСР указывали на неопределенную «лингвистическую ситуацию» на спорных пограничных территориях. Например, курский Губплан, отмечая характерные особенности спорной пограничной территории, выделял этнографическую неоднородность, затрудняющую разрешение пограничного вопроса на украинских принципах (исходя из этнографического критерия. – *авт.*). Кроме этого, касаясь этнолингвистической ситуации в спорных уездах, специалисты указывали на переходность «языка населения ...от украинского к великорусскому, ...по территории пограничной полосы ... идет полоса чисто великорусских "егунских говоров", вследствие чего "пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской» [4, л.7об.–9]. Комиссия по урегулированию границ при союзном ЦИК получила также и от российских представителей заявки на обсуждение территориальных изменений. Российская сторона заявляла претензии на Новгород-Северский уезд, ряд волостей Глуховского и Кролевецкого уездов Черниговской губернии УССР, предлагая их присоединить к РСФСР [29, с.214].

Схожие позиции занимало и руководство Воронежской губернии. Так, в губисполкоме также посчитали украинские претензии необоснованными и высказывались против изменения границ губернии. Воро-

нежцы, как и куряне, отмечали этнографическую однородность, а также почвенно-климатическое и хозяйственное единообразие губернии. Однако, как справедливо заметила Е.Борисенко, Украинской ССР противостояли лишь отдельные области РСФСР. Требуя присоединить довольно обширные территории, Украина избрала, казалось бы, беспроигрышную тактику: сослаться на волеизъявления украинского населения приграничных волостей, требующего воссоединения с «родной Украиной» и опереться на решения XII съезда РКП(б) о коренизации [29, с.216]. Лишь с последующим вмешательством центра удалось умерить территориальные аппетиты украинцев и принять взаимоприемлемое решение.

Российско-украинское разграничение проходило исключительно противоречиво. Стороны выдвигали довольно веские, и часто категоричные аргументы, что затрудняло выработку компромиссного решения. С одной стороны, нельзя не учитывать мнение населения ряда уездов о присоединении их к УССР. С другой – тревоги в связи с такими изменениями из-за активно проводимой властями УССР украинизации. Ассимиляционные процессы на спорных территориях зашли достаточно далеко, поэтому проведение украинизации школ, делопроизводства и СМИ могло быть возможно лишь принудительными административно-командными мерами. Не удивительно, что в созданной ЦИК СССР специальной комиссии по решению вопросов межреспубликанских границ часто звучали противоположные мнения. Отметим также значительную этническую чересполосицу на граничащих с Украиной российских территориях.

«Решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками...»

Спор о границах в итоге дошел до верхов. В июле 1924 г. руководство УССР получило телеграмму: «срочно выслать экономические, этнографические, географические и иные мате-

риалы по установлению границ между УССР и РСФСР» [7, л.24]. Украинский ВУЦИК направил в центр академические справки, подписанные двумя авторитетными украинскими историками того периода – академиком Д.Багалеем и М.Грушевским. Академик Д.Багалея акцентировал внимание на современном этническом состоянии спорных территорий. Так, к украинцам он относил население Богучарского, Белгородского, Бирючинского, Грайворонского, Острогожского и Путивльского уездов. Академик М.Грушевский апеллировал к «восстановлению справедливости» и обратился к истории украинской колонизации спорных

районов Курской и Воронежской губерний. Именно из этого, по его мнению, исходила необходимость передачи ряда волостей в состав Украинской ССР. Грушевский выступил с призывом отбросить «совершенно случайные» принципы губернского деления, внедренные в 1919 году и «размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достижения более планового производства и культурного развития». Он резюмировал свою справку: «Как будто бы настало время объ-

Д.И.Багалей

единить край по принципам экономической и культурной целесообразности» [8, л.18].

Российские историки не согласились с аргументами украинских коллег. Так, воронежский профессор С.Введенский в статье, посвященной украинскому населению Воронежчины, раскритиковал исторические справки академиков Багаля и Грушевского. Он указал на значительную долю преувеличений и неточностей в подсчетах украинских академиков: «... Остается в тени вопрос о самой территории, куда направлялись эти переселенцы. Создается впечатление, будто массы новых поселенцев оседали на местах, представлявших собой действительно "Новый Свет" – области, никому дотоле не принадлежавшие и никем не освоенные ни исторически, ни со стороны их географической номенклатуры» [29, с.218–219]. Ученый обратился к истории заселения Воронежского края и его принадлежности к Рязанскому княжеству и Московскому государству: «с незапамятной древности и до времени построения Воронежа (1586 г.) и других сторожевых городков (Оскол, Валуйки, Ливны и др.), территория Воронежской губернии всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежащей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами» [29, с.219].

М.С.Грушевский

Грядущие административно-территориальные изменения вызывали весьма противоречивые чувства у жителей пограничных территорий: от серьезной озабоченности до надежды на лучшую жизнь. В ноябре 1924 года на сессии Воронежского губисполкома, среди прочего, звучали слова об отрицательных настроениях среди местного крестьянства: «большинство жителей Богучарского уезда не желает присоединения к Украине из-за неудобства связи с украинскими центрами» [29, с.220]. Серьезное беспокойство вызывала проводимая в УССР украинизация. Причем негатив в связи с этим документально прослеживался как у русских, так и, как ни парадоксально, у украинского населения спорных уездов Курщины, Воронежчины и Белгородщины. Беспокоили жителей возможные трудности в связи с украинизацией. В частности, глава Острогожского исполкома отмечал невозможность украинизации в уезде, а большинство жителей «не считали себя малороссами». Они опасались, что украинизация перевернет «всю жизнь верх дном» [10, л.26]. Примечательно, что еще в 1917 году, в населенном преимущественно украинцами Острогожском уезде, земская управа проводила опрос населения относительно использования украинского языка в качестве языка обучения в местных школах. Ответы показали неприятие сельчанами украинизации: из 44 сельских общин только 9 высказалось «за», а 35 – «против» [29, с.222].

В этом вопросе активную позицию занимали различные хозяйственные органы. Так, курский губплан выделял ряд характерных особенностей в спорных пограничных территориях. Среди прочего, отмечали этнографическую чересполосность, затруднявшую решение пограничных вопросов исходя из национального состава южных уездов Курской губернии. В то же время «совершенно аналогичное явление наблюдаем и на территории УССР по смежеству с Курской губернией» [6, л.7об.]. Курские экономисты при установлении новой административной границы «по смежеству с Курской губернией решающее значение» оставить «за экономическими признаками» [6, л.9]. Активно продвигался тезис, что отторжение от Курской губернии районов согласно требованиям украинцев «нанесет серьезный ущерб и единому хозяйственному плану Союза и будущему экономическому развитию Центрально-Чернозёмной области, связанной с развитием сахарной промышленности» [6, л.14].

Вместе с курянами, Воронежский губисполком также отвергал украинские притязания, считая их необоснованными, а приведенные в украинском проекте данные неверными, высказываясь категорически против

каких-либо изменений границ губернии [6, л.99]. В спорных районах ситуация была накалена различными слухами и домыслами. В ряде населенных пунктов местными властями распространялись слухи о более высокой ставке налогообложения в УССР. Так, крестьянин с. Волоконовка Воронежской губернии Валуйского уезда, Павел Лыма-рев утверждал, что в уезде местные власти пугали крестьян в случае присоединения их к Украине повышением налогообложения. Местами наблюдался открытый саботаж и фальсифицирование итогов голосования. Так, в слободе Подгорной Россошанского уезда Воронежской губернии крестьяне Шульгин и Зобуга своим письмом сигнализировали о неправильном голосовании в слободе 4 декабря 1924 г. За присоединение слободы к УССР оказалось 53 голоса, однако засчитано всего лишь 33. В то время как за присоединение к РСФСР засчитали 49 при 27 в наличии [23, л.8–31].

Исходя из имевшихся в его распоряжении лингвистических данных, Курский губплан считал, что «пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской». Следовательно, при установлении новых границ «решающее значение должно быть за экономическими признаками» [29, с.212]. В октябре 1924 г. Президиум ВЦИК озвучил свою позицию, предложив российским членам комиссии «...идти навстречу УССР всюду, где это резко не нарушает интересов пограничного населения РСФСР» [4, л.5]. Заметим, что на членов Комиссии ЦИК СССР по урегулированию вопроса межреспубликанских границ позиция жителей спорных уездов существенного влияния не оказала. Для Москвы более весомым и определяющим, что вполне закономерно, было мнение различных административно-хозяйственных инстанций, высказавшихся против резких изменений, которые могли бы повлечь срыв решений народно-хозяйственных задач.

«Избрать паритетную комиссию из четырех товарищей...»

Помимо жаркой полемики о спорных районах Центрального Черноземья, не менее остро шла дискуссия по ранее отторгнутым от РСФСР донским землям. Среди партийно-

хозяйственного актива бытовало мнение, что украинские территориальные аппетиты в Центральном Черноземье будут частично удовлетворены за счёт уступок на юге. В частности, речь шла об Александро-Грушевском и Таганрогском районах, на возврате которых настаивала российская делегация и значительная часть местного населения. Однако

украинское партийное руководство апеллировало к важной хозяйственной идее сохранения единства Донбасса. Это мнение активно муссировалось среди местного партийно-хозяйственного актива, на собраниях трудовых коллективов. В июле 1924 г. в процесс межреспубликанского разграничения вмешалось Политбюро ЦК РКП(б), посчитав желательным возвращение спорных районов в состав РСФСР, «чтобы передаваемая территория с украинским населением была бы сокращена» [11]. По мнению Е.Борисенко, на позицию Политбюро ЦК РКП(б) оказала решающее влияние распространенная (по поручению Сталина) помощником секретаря ЦК Л.Мехлисом записка Юго-Восткрайкома РКП(б). В преддверие партплenums члены и кандидаты ЦК и Президиума ЦКК информировались о необходимости возвращения Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР [28, с.114].

Речь шла о распространенном 17 августа 1924 г. Юго-Восточным крайкомом РКП(б) секретном циркуляре, где содержалась рекомендация не принимать во внимание доводы украинских властей. Юго-Восткрайком указывал на поспешность выделения в условиях военной обстановки Таганрогского и Александро-Грушевского районов из состава Донской области с последующей их передачей Украинской ССР. По мнению российской стороны, это было сделано «без достаточного учета всех моментов экономического тяготения и вызывалось временными политическими соображениями, потерявшими своё значение... А именно: "раскачать" Дон и тем ослабить гнездо белогвардейской опоры, и объединить весь Донецкий угольный бассейн в единую угольную губернию». Там же оговаривалось, что «в пограничных линиях неизбежно существует национальная пестрота, а украинский элемент обязательно будет иметь место» [42, с.94–95]. Например, по Александро-Грушевскому району украинское население составляло всего 20–25%, что осложняло украинскую апелляцию к национальному фактору. Таганрогский район вместе с городом Таганрогом из общего числа в 210 тыс. жителей (перепись 1923 г.) насчитывал около 80 тыс. украинцев. Вместе с украинским населением Александро-Грушевского района их число составляло около 120 тыс. человек (менее 30%). Таким образом, резюмировалось в циркуляре, «несомненное экономическое тяготение районов к Юго-Востоку не противоречит национальному моменту и не создает никаких политических осложнений, а наоборот, правильно разрешает национальный вопрос» [42, с.95–97].

Опровергая украинские аргументы о необходимости сохранения единой экономической единицы – Донбасса, авторы циркуляра отмеча-

ли, что единство угольной промышленности Донбасса уже давно было нарушено разделом между четырьмя независимыми хозяйственными органами. Кроме этого, Таганрогский порт на 9/10 обслуживал нужды Юго-Востока и «не представлял для Украины никакой ценности» поскольку УССР уже имела Мариупольский, Одесский, Николаевский и Бердянский порты [42, с.96–97]. Отмечалась также энергетическая связь с Ростовом Белокалитвенской и Грушевской станций, которые планировали по плану ГОЭЛРО обслуживать Юго-Восток, но постройку которых не включили в украинский пятилетний план.

Украинский партийно-хозяйственный актив реально видел тенденции по разграничению на юге и допускал возвращение спорных донских земель РСФСР. Например, еще в 1922 году Украинский Госплан поручил «дополнительно разработать вопрос о возможности передачи Юго-восточной области узкой полосы по Донцу с Белой Калитвой. В отношении Таганрога Госплан считает, что Юго-восточная область имеет серьёзные основания претендовать на Таганрог и сельскохозяйственную часть Таганрогского округа в силу старых торговых связей с Ростовом» [42, с.98]. Специально созданная украинская комиссия по районированию признавала факт экономического тяготения и тесной связи как Таганрога с Ростовом, так и Шахтинского округа, ранее присоединенного к УССР с целью единства антрацитовых пластов Донбасса. Резюмировали документ ленинским тезисом: «социализм не может быть построен на административном экономическом делении, установленном в старину, и что пора взяться за создание целесообразно построенных административных экономических районов» [22, л.71–72].

Следует отметить последовательность и настойчивость властей РСФСР, стремившихся вернуть Таганрог, Александро-Грушевский и Екатерининско-Каменский районы в состав Юго-Восточной области РСФСР. Эти попытки происходили на фоне «желания населения» нескольких волостей Курской губернии присоединиться к «братской Украине». Российская сторона предполагала, что партийное руководство Украины пересмотрит свою позицию по своим восточным границам. Руководство Донской области постоянно ходатайствовало о возвращении указанных выше округов. Этим планам резко возражало руководство Донецкой губернии УССР, к которой в 1920 году и присоединили спорные территории. Более того, Донецк обозначал претензии еще и на Приморскую волость (ныне – Приморское сельское поселение Неклиновского района Ростовской области. – *авт.*). Госплан Украинской ССР, несмотря на наметившийся курс центра на возврат Таганрога и Шахт,

продолжал настаивать на необходимости оставить эти районы за УССР. При этом украинцы соглашались, что у РСФСР есть основания «претендовать на Таганрог и сельскохозяйственную часть Таганрогского округа в силу старых торговых связей с Ростовом, а также в силу общности сельскохозяйственной структуры Таганрога с Юго-Восточной Областью» [31, с.22].

На южных рубежах российско-украинской границы стороны в целом быстрее смогли прийти к компромиссу. Так, на совещании представителей Юго-Востока и Донецгубисполкома от 3 сентября 1924 года установили порядок реализации предложения ЦИКа СССР по вопросу возвращения Шахтинского и Таганрогского округов Юго-Восточной области РСФСР. Решили уточнить границы Таганрогского и Шахтинского округов, избрав «паритетную комиссию из четырех товарищей: два представителя от Юго-Востока и два от Донецгубисполкома». Стороны признали «желательным при уточнении границ производить деление целыми районами, не дробя их». По имущественным вопросам до 12 сентября должны были создать две комиссии: «по Таганрогскому и Шахтинскому округам. ... Руководство Донецкой губернии и Юго-Восточной области согласовали к октябрю завершить переход Таганрогского и Александро-Грушевского округов к РСФСР» [25, л.11–13]. 8 сентября 1924 г. на заседании паритетной комиссии определили районы, планируемые к передаче, решив провести границу с учетом административного управления и землепользования. Была также учтена позиция украинцев, «чтобы при уточнении границ прилегающих районов к Шараповскому в последнем не были отрезаны рудники от рудоуправления» [25, л.49].

Однако в вопросах распределения имущества передаваемых частей указанных округов Донбасса Юго-Востоку возник спор о порядке передачи. В частности, Таганрогский окрисполком в письме фракции ЦИК СССР от 14.10.1924 г., указывая на различные «нежелательные последствия», возражал: «ни с точки зрения экономической целесообразности, ни с точки зрения выдержанности принципа намеченные паритетной комиссией решения не могут быть признаны правильно разрешающими вопрос об имуществе Таг[анрогского] округа. ... фракция Таг[анрогского] окр[ужного] исполкома обращается с настойчивой просьбой к фракции Центрального исполнительного комитета Союза ССР рассмотреть этот вопрос и своим авторитетным вмешательством приостановить проведение в жизнь принятых решений о разделе имущества, перерешив затем в корне этот вопрос в смысле оставления на месте в Таганрогском округе

всего имущества, находившегося в нем до раздела, без установления при этом каких-либо компенсаций» [26, л.44–46].

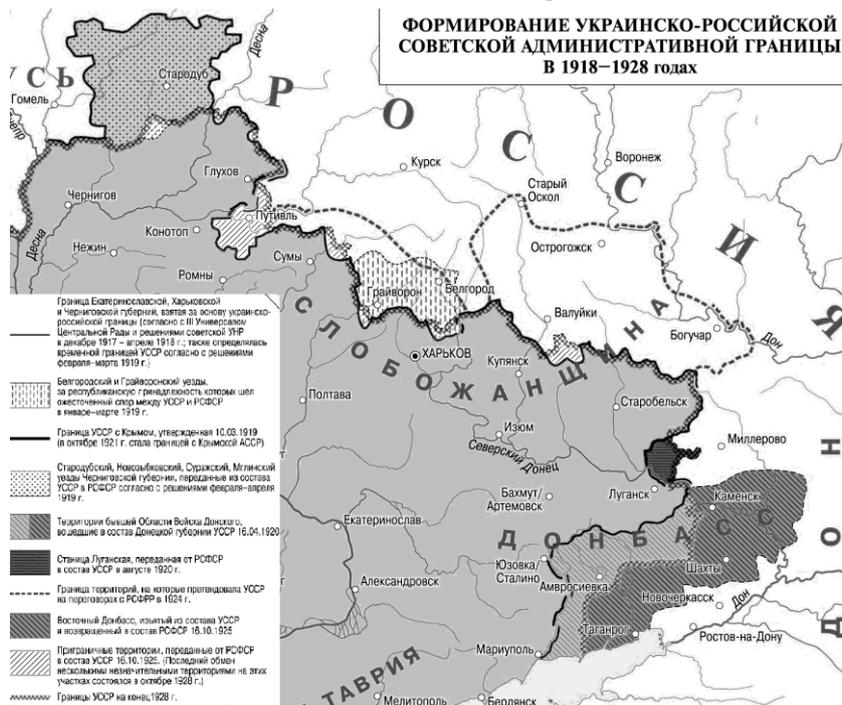
После долгих согласований и поисков компромисса, 21 октября 1924 г. на заседании Комиссии ЦИК СССР удалось зафиксировать межреспубликанскую границу в спорном Шахтинском округе по р. Большая Каменка и р. Северский Донец. К Северо-Кавказскому краю (Юго-Восточная область была упразднена 16.10.1924 г., войдя в состав Сев.-Кав. края. – *прим. авт.*) отходила часть Сорокинского района севернее р. Северский Донец, станица Гундоровская и хутор Плешаково. За Донецкой губернией оставалась остальная часть Сорокинского района, хуторы Королево и Власово [14, л.15]. Местное население не везде одобряло готовящиеся административно-территориальные трансформации, требуя присоединения к Северо-Кавказскому краю. На прошедших собраниях в оставляемых за УССР спорных районах жители отмечали удаленность действующего на тот момент губернского центра – г. Сталино, и близость – Таганрога, который возвращался в состав РСФСР. Как и в Центральном Черноземье, донское население тревожила проводимая в Украинской ССР украинизация, а жители неоднократно высказывали опасения необходимости перерождаться в связи с этим, «во всех отношениях жизни». А незнание активно внедряемого во все сферы украинского языка по мнению местных жителей, вызовет «непонимание всех распоряжений, издаваемых правительством» [15, лл.5–8, 13–22, 30, 34]. В ноябре 1924 г. на заседании Президиума ВЦИК отделение Таганрогского округа от Донской области в 1920 году было признано «недостаточно проработанным и несогласованным с точки зрения национальной и экономической» [31].

Однако украинская сторона продолжала упорствовать. Так, 29 ноября 1924 г. А.Буценко и М.Полоз – украинские представители в Комиссии ЦИК СССР по вопросам российско-украинского разграничения, обратились к союзному руководству. Они акцентировали внимание Москвы на особенностях образования Украинской ССР и несовпадении ее этнографических границ с границами 9-ти губерний, которые зафиксировали в качестве межреспубликанских в 1919 году. Однако «в острый период гражданской войны, проходившей на территории УССР, было не до уточнения границ». Поэтому вопрос отложили на «более позднее время, когда по окончании войны и укреплению советского строя, его можно будет решить во всей полноте после детального и спокойного освещения со стороны этнографических и экономических дан-

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ных» [18]. Впрочем, на позицию центра приводимые аргументы не оказали должного влияния.

Проанализировав озвученные ранее аргументы российской и украинской сторон, 30 ноября 1924 г. Комиссия ЦИК СССР решила в вопросах российско-украинского разграничения применять этнографический критерий, «присоединяя к республике непосредственно прилегающие к ней территории, заселенные в большинстве населения национальностями этой республики» [22, л.102–106]. При этом вышеуказанная Комиссия допускала некоторые исключения в применении этнографических оснований, указывая на необходимость учета экономических моментов в местах, где «экономическое тяготение ... является ярко выраженным, а также ... момент административного удобства лишь в отношении отдельных мельчайших административных делений» [9, л.10–11].

Российско-украинская граница в 1920-х гг. [40]

Казалось бы, Комиссия ЦИК приняла компромиссное решение, выслушав и приняв аргументы как российской, так и украинской сторон. Однако в итоге обе стороны оказались не удовлетворены результатом.

Украинская делегация выразила «особое мнение», настаивая на необходимости приведения границ Украинской ССР в соответствие с ее этнографическими рубежами. Это позволило бы исправить неправильное, по мнению украинцев, «размежевание по губерниям царского времени», соблюсти «национально-этнографический момент и экономическое сродство данной территории с УССР» [29, с.230]. Украинская сторона приводила также количественные доводы: «...отторгаемая ...территория имеет население (сельского) 901 287 чел., из них украинцев 478 814 чел. (53 %), великороссов 419 892 чел. (47 %) и прочих 1 581 чел. (0,17 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода, Путивля, то украинское население составит около половины». Украинцы призывали учесть очевидную этническую пестроту при заселении спорных районов и считать «целесообразным произвести лишь частичное исправление границ» [29, с.229–230].

В итоге, 16 октября 1925 г. специальным Постановлением Президиума ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» были зафиксированы новые межреспубликанские границы. Украинской ССР на юге Центрального Черноземья передавали «Семеновскую волость Новозыбковского уезда Гомельской губернии; селение Знобь Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии; селения Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии: Фатевиж, Барановку, Демьяновку, Муравейню, Толстодубово (бывш. Лемешковской волости) и Сельцо-Никитское, Сетное, деревню Грудскую (бывш. Подыводской волости); весь бывший Путивльский уезд (с гор. Путивлем), за исключением бывш. Крупецкой волости в старых её границах; бывш. Криничевскую волость бывш. Суджанского уезда Курской губернии; южную часть Грайворонской волости Грайворонского уезда Курской губернии; южную часть Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии, Троицкую волость и часть Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии» [35]. По мнению ученых из Института российской истории РАН, руководство Воронежской и Курской губерний смогло «отбиться от территориальных претензий со стороны Советской Украины и сохранить практически в целостности границы своих губерний. Самой существенной потерей явилась передача Украине всей территории Путивльского уезда (за исключением Крупецкой волости) Курской губернии» [32, с.199].

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Существенные, но ожидаемые изменения претерпел южный участок российско-украинской межреспубликанской границы. В состав РСФСР возвращали отторгнутые в 1920 году Таганрог, Шахты, а также ряд территорий прилегающих районов. Вышеуказанным Постановлением ЦИК СССР там устанавливались следующие границы: «часть Сорокинского района к северу от Северского Донца отходила к РСФСР, южная оставалась в УССР. Далее граница шла по Северскому Донцу вплоть до впадения в нее Большой Каменки. Станция Гундоровская отходила к РСФСР, но рудники оставались в УССР. Хутора Нижний Шевырев и Плешаков отходили к РСФСР, а хутора Власов и Королев оставались в УССР "с тем, что землепользование всех этих хуторов остается без изменения до производства землеустроительных работ". Далее граница шла между землепользованиями совхоза "Красная Могила" и хуторами Ковалево, Платово и Гуково, по границе Шарাপовского района. Проходя по территории Алексеевского района и оставляя в УССР землепользования станции Осташовой и хуторов Нижне-Ефремовского, Нижне-Александровского и Верхне-Тузовского, граница доходила до Таганрогского округа. Проходя по старой окружной границе Шахтинского и Таганрогского округов на протяжении 5 верст, шла по направлению

Постановление Президиума ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» от 16 октября 1925 г. [35].

к реке Тузлову по районной границе между Голодаевским и Дмитриевским районами до реки Миус. Далее по Миусу, при этом села Мариновка и Григорьевка оставались в УССР, а слобода Голодаевка отходила к РСФСР, как и немецкие колонии Бишлеровка, Мариенгейм и Густафельд. Далее по границе Амвросиевского района до речки Средний Еланчик, по землепользованиям села Покрово-Киреевки, хуторов Екатеринославского, Слюсареве до балки Грузский Еланчик, оставляя северо-западную часть Екатериновского района в пределах УССР. Далее граница шла по балке Грузский Еланчик вплоть до границы Мариупольского округа» [36, с.641]. Всего к РСФСР отошли территории с 478 009 жителей.

Заключение

Таким образом, проведенный в 1924–1925 гг. масштабный обмен территориями между братскими республиками должен был снять напряжение между ними и нарастить усилия в

строительстве единого союзного государства. Однако межреспубликанское разграничение, проведенное на основе этнографического критерия и административно-экономических позиций, не удовлетворило стороны. Местами граница поделила как населенные пункты (село Авило-Успенка, поселок Чертково и др.), так и производственную инфраструктуру. Наиболее остро продолжилось противостояние в районе п. Меловое Старобельского округа УССР и п. Чертково Северо-Кавказского края РСФСР. Уже в 1926 году железнодорожный узел Меловое – Чертково стал предметом новых территориальных споров. В письме секретаря Старобельского ОПК Д.Казачкова в ЦК КП(б)У от 11.01.1926 г. среди прочего встречаем сведения о претензиях Северо-Кавказского края на Меловской р-н Старобельского округа УССР. Украинцы в свою очередь продолжали настаивать на переподчинении им Леоно-Калитвенского района и станции Чертково [1, л.3–5].

Проведенное в 1920-е гг. межреспубликанское разграничение проходило чрезвычайно сложно и сопровождалось многочисленными апелляциями сторон. Задействованные этнографический критерий и экономическая целесообразность не позволили оптимально решить проблему границ. Некоторые моноэтничные районы были поделены установленной между Украиной и Россией границей. Разрыв экономических связей привел к переориентации местной экономики, а в ряде мест и к ее деградации. Значительная часть русскоязычного населения отходила (в том числе и оставлялась) Украинской ССР, а украинцы, преимущест-

венно из Центрального Черноземья и частично Дона и Таганрогского округа – РСФСР. Высказывается мнение, что активно проводимая на Украине политика украинизации, как часть инициированной в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) коренизации – официального курса партии в национальном вопросе, должна была погасить недовольство среди части украинцев, не удовлетворенных итогами административно-территориального разграничения и продолжавших требовать передачи вышеуказанных территорий Украине [33, с.210]. Однако в сложившейся на тот момент политической обстановке трудно было выработать более оптимальное и взаимоприемлемое решение. А после распада СССР и с обретением бывшими советскими республиками независимости и ее неотъемлемого атрибута – государственных границ, у жителей приграничных территорий появились дополнительные сложности.

Библиографический список

1. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.П-4. Оп.1. Д.107.
2. ГА ЛНР. Ф.П-4. Оп.1. Д.216.
3. ГА ЛНР. Ф.Р-242. Оп.1. Д.79.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.5677. Оп.5. Д.27.
5. ГАРФ. Ф.Р-5637. Оп.6. Д.6.
6. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1 Д.4.
7. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1. Д.5.
8. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1. Д.9.
9. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1. Д.11.
10. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1. Д.17.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.448
12. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф.Р-1. Оп.1. Д.3.
13. ТФ ГАРО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.18.
14. ТФ ГАРО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.178.
15. ТФ ГАРО. Ф.Р-10. Оп.1. Д.18.
16. ТФ ГАРО. Ф.Р-10. Оп.1. Д.178. Л.15
17. ТФ ГАРО Ф.Р-482. Оп.1. Д.1.
18. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф.3. Оп.1. Д.1953.
19. ЦГАВОВУ. Ф.5. Оп.2. Д.331.
20. ЦГАВОВУ. Ф.3833. Оп.1. Д.197.

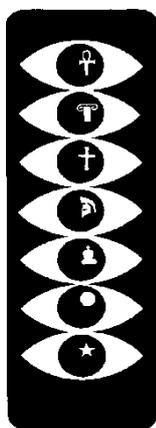
21. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). Ф.1. Оп.4. Д.1199.
22. ЦГАОО. Ф.1. Оп.20. Д.1813.
23. ЦГАОО. Ф.1. Оп.20. Д.1984.
24. ЦГАОО. Ф.5. Оп.1. Д.320.
25. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р-7. Оп.1. Д.19.
26. ЦДНИРО. Ф.Р-7. Оп.1. Д.21.
27. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К., 1994. 168 с.
28. Борисенко Е.Ю. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между Украиной и Россией в 1920-е гг. / Е.Ю.Борисенко // Родина. 1999. №8. С.111–115.
29. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С.205–237.
30. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920-1930-е годы / Институт Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
31. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М.: Щербинская тип., 2007. 64 с.
32. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.
33. Дроздов К.С. «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конференции. Белгород, 2006. С.13–21.
34. Известия ВУЦИК. 1923. 28 апреля.
35. Известия. 1926. 31 января.
36. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. №34 (4). С.639–644.
37. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. №3(9) С.204–219; 4(10). С.288–295.
38. Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. Отв. ред. Л.Горизонтов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 303 с.
39. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства: монография / под ред. В.Колосова, О.Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
40. Сфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176; Его же: Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.; Его же: Формування кордону між УСРР та РСФРР в 1917–1928 рр. // Historians. URL: [http://www.historians.in.ua/index.php /en/doslidzhennya/1342-hennadii](http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1342-hennadii)

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

yefimenko-formuvannia-kordonu-mizh-usrr-ta-rsfr-v-1917-1928-rr. (дата обращения: 21.01.2020); Его же: Формування російсько-українського кордону. Слобожанщина // Слобідська Україна та формування українсько-російського кордону. Харків, 2017. С.18–35.

41. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. №4(16). С.26–30.

42. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.

Виктория Груздинская

**ЮБИЛЕЙ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
В 1945 г. В ЗЕРКАЛЕ
ИНОСТРАННЫХ
ПРИВЕТСТВЕННЫХ
АДРЕСОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94 (47 + 57)

В июне 1945 г. в СССР с большим размахом была отмечена 220-летняя годовщина Академии наук СССР. В адрес советской Академии поступило 117 приветствий от иностранных ученых. В статье рассматриваются представления иностранных ученых об Академии наук СССР, зафиксированные в этих поздравительных адресах и телеграммах. Восприятие иностранными учеными советского академического центра было разным, но одинаково позитивным. Оно отражало надежды ученого сообщества на возобновление «разорванных» научных связей и восстановление коммуникативного поля «нормальной науки».

The 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences was celebrated on a large scale in June 1945. The Soviet Academy received 117 gratters from foreign scientists. The article discusses the representations of foreign scientists about the USSR Academy of Sciences recorded in these congratulatory addresses and telegrams. The perception by foreign scientists of the Soviet academic center was different, but equally positive. It reflected the hopes of the scientific community for the resumption of “broken” scientific ties and the restoration of the communicative field of “normal science”.

Ключевые слова: 220-летний юбилей Академии Наук СССР; приветственные адреса; коммеморативный нарратив; история науки; мировая наука.

Keywords: 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences; congratulatory address; commemorative narrative; history of science, world science.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1945 г.

«Мои дорогие собратья по общему делу! Позвольте мне, прежде всего, от всей души приветствовать всех вас, собравшихся на торжественную сессию Академии наук, посвященную 220-летию ее существования» [25, с.63], – с этих слов президента Академии наук СССР (далее – АН СССР), академика В.Л.Комарова, произнесенных 16 июня 1945 г. под сводами Большого театра, начался грандиозный праздник науки.

Заседание Юбилейной сессии Академии Наук СССР
в Колонном зале Дома Союзов (Москва, 17 июня 1945 г.)

Торжественные мероприятия продлились две недели и завершились 30 июня приемом гостей советским правительством в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Гости ждали насыщенная программа юбилейной сессии. Это и общие заседания сессии (в Большом театре – 16 июня, в Колонном зале Дома Союзов – 17 июня, в Конференц-зале АН СССР – 23 июня, в Колонном зале Ленинградской филармонии – 26 июня), и встречи в Отделениях, Институтах, Лабораториях АН СССР; культурная программа (экскурсии, спектакли московских и ленинградских театров), посещение парада Победы (24 июня), банкеты (обед в гостинице «Москва» – 16 июня, прием Ленинградского Исполкома в Таврическом дворце – 27 июня, прием в Георгиевском зале Кремля – 30 июня).

Это коммеморативное событие, состоявшееся в атмосфере всеобщей радости от Победы, не осталось без внимания современных исследователей. На сегодняшний день более подробно изучен аспект, связанный с подготовкой и проведением академического праздника [см.: 4; 5; 15; 16; 20], затронута проблема выстраивания научной коммуникации после войны [см.: 12; 13].

Можно расширить исследовательское поле темы, изучив также и те представления о российской науке у иностранных ученых, которые зафиксированы в поздравительных адресах и телеграммах. По нашим подсчетам, основанным на сохранившихся в Архиве РАН материалах фонда «Всесоюзного комитета по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР» [2], их число составляет 117. В Библиотеке Академии наук (БАН) удалось обнаружить весьма любопытное издание из серии «Юбилейная сессия Академии наук СССР. 15 июня–3 июля 1945» [24], в которое были включены все поступившие в адрес АН СССР приветствия и телеграммы. По всей вероятности, это проспект так и непубликованного последнего, третьего, тома серии. Тексты адресов, вошедших в это издание, и аналоги, сохранившиеся в Архиве РАН, идентичны. В честь своего 220-летия АН СССР получила поздравления практически из всех уголков Земного шара. Представители не всех приславших приветствия научных и образовательных центров присутствовали на юбилейных торжествах². Более того, не все поздравительные адреса были зачитаны на юбилейной сессии – на общих собраниях в адрес Академии прозвучало лишь 20 поздравлений от иностранных гостей³.

Иностранные ученые чаще всего апеллировали к недавнему прошлому советской науки, признавая ее неоценимый вклад в дело Победы. Французские ученые, например, отмечали «решающую» роль Академии наук в создании «орудий победы» [25, с.350].

Интересен в связи с этим приветственный адрес физика Поля Ланжевена, зачитанный на общем заседании 23 июня 1945 г. Ученый не присутствовал на юбилейных торжествах по причине плохого самочувствия, но просил передать «выражение своего глубокого уважения и восхищения членам Академии наук СССР и, в частности, самому выдающемуся из них – почетному академику Иосифу Сталину»⁴ [25, с.349].

² На торжественные мероприятия приехало 123 иностранных участника из 17 стран.

³ Эти приветственные адреса были опубликованы [см.: 25, с.326–359].

⁴ Иосиф Виссарионович Сталин был избран почетным членом АН СССР 22 декабря 1939 г.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1945 г.

Ученый указал на роль И.В.Сталина в завершении дела В.И.Ленина по организации «новой жизни Академии наук», видимо, имея в виду завершение начатой в 1920-е гг. «советизации» Академии и ее переезд в 1934 г. в Москву [25, с.356]. В первые послевоенные годы личный авторитет Сталина на международной арене необычайно возрос [8, с.60–61]. Но, несмотря на это, имя главы советского правительства в приветственных адресах иностранцев встречается редко.

← Поль Ланжевен (1872–1946)

Александр Белич (1876–1960) →

«Академические» заслуги главы советского правительства отметил президент Сербской академии наук А.Белич.

← Жан Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958)

«**По следам войны**» – этой емкой фразой можно охарактеризовать выступление нобелевского лауреата, физика, Фредерика Жолио-Кюри. Примечательно, что приветственная речь ученого посвящена не только и не столько «юбилару» – Академии наук СССР, сколько тяготам французского Сопротивления, активным участником которого он являлся. Жолио-Кюри преподнес в дар АН СССР несколько экземпляров газет и листовок, издававшихся во французском подполье. При этом он заявил: «Пример Советского Союза, а также Французской революции показывает, какие великие дела могут совершать свободные народы, объединяя патриотические порывы всех своих граждан» [25, с.349].

Присланные в адрес Академии наук приветствия в своем большинстве были обезличены. Имена отечественных ученых встречаются всего в нескольких поздравительных адресах. Формально повод – юбилей Академии – не обязывал упоминать ее выдающихся представителей. Вместе с тем включение в «коммеморативный нарратив» имен ученых подчеркивало наличие тесных научных связей. К примеру, в поздравительном адресе Химического общества в Лондоне особо отмечаются заслуги некоторых отечественных исследователей – М.В.Ломоносова, Н.Н.Семенова, Н.Д.Зелинского. Признанием вклада последних двух стало избрание их в почетные члены Общества [24, с.395].

Базарын Ширендыб (1912–2001) →

«Нота» научной дружбы прослеживается и в приветственном обращении ректора Монгольского университета профессора Базарына Ширендыба. Он упомянул имена русских ученых, участвовавших в работе Монгольской комиссии АН СССР⁵ и внесших большой вклад в «дело создания и роста научных учреждений и всестороннего изучения» этой страны [25, с.336]. Это ботаник, президент АН СССР в 1936–1945 гг. В.Л.Комаров, филолог-монголовед С.А.Козин, геологи-академики В.А.Обручев, В.И.Смирнова и профессор И.П.Рачковский [см.: 17; 26]. Заслуги русских ученых в «исследовании и развитии ряда вопросов, связанных с буддизмом», отметил президент Бенгальского Королевского Азиатского общества, профессор Калькутского университета М.Саха [25, с.333]. Имена этих исследователей в приветствии не были названы, но нетрудно догадаться, что речь идет о российских востоковедах-индологах – В.П.Васильеве, И.П.Минаеве, С.Ф.Ольденбурге, Ф.И.Щербатском и др. [см.: 14; 18].

Редкое упоминание знаковых фигур отечественной науки в иностранных приветствиях контрастировало с тем, как часто советские ученые вспоминали о своих предшественниках. В частности, на общих заседаниях юбилейной сессии были представлены доклады: «Академик Панфутий Львович Чебышев и русская школа математики» (Б.Н.Делоне), «Академик Иван Петрович Павлов и русская физиологическая школа»

⁵ Монгольская комиссия АН СССР существовала в 1927–1953 гг.

(Л.А.Орбели), «Советская школа аэродинамики в Академии наук» (Б.Н.Юрьев) и др. [2, д.1].

В поздравительных адресах отражены и представления иностранных ученых о прошлом Академии наук. С этим учреждением отождествляется российская/советская наука в целом. По мнению иностранцев, история отечественной науки берет свое начало в XVIII в. – в петровской России. Так, в поздравительном адресе Королевского общества, зачитанном его президентом Робертом Робинсоном, подчеркивалось, что «основание Академии наук в 1725 г. явилось в какой-то мере результатом впечатлений, полученных царем Петром Великим во время его пребывания в Англии в 1698 г.» [25, с.327]. Подобный пассаж совпадал с самопрезентацией образа отечественной науки организаторами праздника и одновременно расходился с ней. К примеру, в «Кратких очерках по истории Академии наук СССР», подготовленных директором Архива АН СССР, Г.А.Князевым и вышедших из печати накануне праздника, история отечественной науки уходит корнями в Древнюю Русь. Продолжением этой интеллектуальной традиции, по мнению исследователя, и стала Академия наук [10]. Г.А.Князев экстраполировал идею «народной науки», основанную на единстве власти, ученых и народа и широко тиражируемую в 1940-е г., в петровские времена: «Русский народ ответил на смелый замысел Петра – создание Академии Наук, дав с далекого Севера, из-под Архангельска, – Ломоносова, а с далекого Юга, из Астрахани, – Тредиаковского» [10, с.19]. При этом автор говорит о кризисе Академии во второй половине XIX – начале XX вв., оказавшейся вытесненной на периферию производства научного знания в связи с бурным развитием университетов [10, с.33].

Отметим, что «болезненный» слом дореволюционной академической структуры в конце 1920 – середине 1930-х гг.⁶ в приветственных адресах, естественно, зафиксирован не был. Грань между советской и российской наукой оказалась размытой. АН СССР воспринималась «преемницей больших научных достижений» Императорской Академии наук [25, с.344]. В частности, в поздравлении Парижского университета читаем: «Будучи инициатором великих географических экспедиций, сде-

⁶ В конце 1920 – начале 1930-х гг. набирала обороты «советизация», точнее сказать «наступление» на академические свободы и автономию АН СССР [см.: 3; 11; 22]. При этом новый устав был разработан и «предложен» академическому сообществу специально созданной комиссией, в составе которой не было ни одного представителя АН СССР [1, с.44]. Апогеем этого «наступления» считается печально известное «академическое дело» (1929–1931).

лавших в XVIII в. предметом изучения самые отдаленные области империи, могущественной вдохновительницей математических, физических, химических и биологических исследований в лице братьев Бернулли, Михаила Ломоносова, а в наши дни – Менделеева и Павлова, центром плодотворного изучения славянской лингвистики и филологии в лице Фортунатова и Шахматова, русской истории в лице Ключевского и Платонова, в деле изучения Востока, в частности Центральной Азии, в лице плеяды ее ученых-ориенталистов, сумевшая в лице Сергея Ольденбурга объединить разрозненные усилия и организовать методически научную деятельность многих тысяч ученых, – Академия, созданная Петром Великим, чудесно преобразовалась за последние годы благодаря великодушной поддержке государства рабочих и крестьян» [24, с.373]. Хотя, заметим, в советском академическом сообществе о «наступлении» на АН СССР в конце 1920–1930-х гг. не забыли. Г.А.Князев вспоминает весьма показательный эпизод, произошедший на праздновании 75-летия В.Л.Комарова в октябре 1944 г.: «Говорил В[ладимир]Л[еонович] очень тихо, но те, кто слышал, передают, что он очень живо излагал свою биографию. Возможно, что эта "живость" и некоторые старческие обмолвки (вроде "разгром Академии наук в 1924 году") и побудили Чернова⁷ бесцеремонно класть перед президентом записки и чуть ли не дергать его за рукав» [9, с.1027].

В поздравительных речах представителей «братских» славянских стран прослеживается начавшаяся в годы войны реанимация идей «славянской взаимности» [7, с.269]. Это проявилось на самом высоком политическом уровне: в марте 1945 г., на обеде в честь Э.Бенеша, И.В.Сталин произнес тост «новых славянофилов» (к ним причислил и себя), которые «стоят за союз независимых славянских государств» [7, с.270].

Вице-президент Болгарской Академии наук Н.Г.Долапчиев начал поздравительную речь с истории освобождения болгар русским народом: «После пятивекового рабства болгарский народ был освобожден в 1877/1878 году ценою крови, пролитой сотнями тысяч русских сынов. Все наше духовное возрождение прошло под знаком русской культуры» [25, с.330]. Он особо подчеркнул уважение своих соотечественников к «труженикам русской науки», которое проявилось, в частности, в организа-

⁷ Андрей Григорьевич Чернов – помощник президента АН СССР В.Л.Комарова в 1941–1945 гг.

ции «Недели советской культуры» в Болгарии одновременно с празднованием Юбилея Академии наук СССР в Москве и Ленинграде.

В приветствиях, поступивших от польских коллег, а также из Чехословакии, акценты были сделаны на единстве славянского мира, общих корнях славянской науки. При этом советской АН отводилась роль «старшего брата». Приведем наиболее яркие фрагменты приветствий, иллюстрирующие этот тезис: «Русская Академия излучала на весь славянский мир согревающие лучи веры и надежды, всегда горела желанием поддерживать и подкреплять просветительную работу не только в России, но и среди всех славянских народов» [25, с.352] (Зд.Неедлы, министр народного просвещения ЧСР), «Славянский институт в Праге поздравляет в эти дни Академию наук СССР как ведущий научный центр всего славянства и одну из самых выдающихся академий в мире» (Славянский институт в Праге) [24, с.387], российские ученые «несли соседним народам факел науки, зажженный у себя на родине» (Польская Академия наук) [25, с.339].

Представители некоторых славянских делегаций не скрывали своего неподдельного интереса к работе советских научных учреждений. Об этом, например, сообщил в интервью корреспонденту «Известий» председатель Славянского комитета в Софии, Найден Николаев [6, с.2]. В личном фонде президента Сербской Академии наук А.Белича удалось обнаружить две рукописи конспектов под названием: «Организација и задатак Академија наука СССР»⁸ [28] и «Организација Академије наука СССР»⁹ [29]. В них зафиксированы структура, задачи и принципы работы Академии и т.д. А.Белич обращает внимание на место научного знания в российской/советской интеллектуальной традиции. «Ведь уже в самом начале существования Русской Академии появились Ломоносовы и им подобные труженики; в следующем же столетии не было почти отрасли знания и художества, в которых бы советский человек не стал в ряды самых передовых людей», – отмечает ученый. И далее продолжает: «Для Советского Союза привычное явление – в самом начале насаждения на его почве какой-нибудь науки или искусства породить таких выдающихся людей, которые, сокращая в себе долгую историю постепенного восприятия, усвоения и осиливания и дальнейшего развития наук и искусств, переходили к самым высшим ступеням, становясь их руководителями» [27]. Приведенный фрагмент, полагаем, как нельзя

⁸ «Организација и задатак Академији наука СССР» – пер. с серб.

⁹ «Организација Академији наука СССР» – пер. с серб.

лучше иллюстрирует активно применяемые в советский период, в том числе и в ходе подготовки 220-летнего юбилея АН СССР, «технологии массовой мобилизации» [23, с.205].

Идеи «славянской взаимности» не были отражены в приветственном адресе Сербской Академии наук, зачитанном 17 июня А.Беличем. Удивительно это не только потому, что сербы – «братья-славяне», но и потому, что А.Белич был тесно связан с российской интеллектуальной средой, если не сказать больше: он был ее воспитанником. В конце XIX в. будущий президент Сербской Академии наук обучался в Новороссийском, затем в Московском университетах, считался одним из учеников Ф.Ф.Фортунатова, впоследствии был избран почетным членом Петербургской Императорской Академии наук [см.: 31]. В своей речи на юбилейной сессии в честь 220-летия АН СССР он сделал акцент на подвиге Красной Армии, принесшей Югославии «на своих штыках свободу» [25, с.355]. Академия наук, по мысли А.Белича, своим неустанным трудом показала, что «научная правда и жизненная правда – одно нераздельное целое», поэтому, «восторжествовав над вражеским оружием, она поможет нам всем восторжествовать и над всеми ложными фашистскими идеологиями» [25, с.356]. А.Белич сдержан в использовании «славянской» риторики. В бумагах архивной коллекции ученого, касающихся 220-летнего юбилея Академии наук, она звучит, пожалуй, только в черновике письма, написанного по возвращении из Москвы и адресованного, видимо, Президиуму АН СССР¹⁰. А.Белич благодарит за радушный прием, подчеркивая, что «никто так не умеет встречать гостей, как представители Советского Союза, а в особенности русские, а если эти гости родственные и по крови и по душе славяне, то к врожденному гостеприимству примешивается что-то свое и близко родственное» [30].

Присланные в адрес Академии наук поздравительные приветствия стали экспонатами специальной выставки, открывшейся 29 июня 1945 г. в Фундаментальной библиотеке общественных наук. В Архиве РАН сохранилась «книга отзывов», в которой зафиксированы отклики и впечатления 22 посетителей [2, д.582]. Подписи не всех посетителей удалось распознать, но смело можно констатировать: среди них был академик Н.Д.Зелинский, «работница ЦК ВЛКСМ» и др. Внимание к Академии наук СССР со стороны иностранных научных и образовательных

¹⁰ Наше предположение основано на обращении в письме со словами благодарности к правлению АН СССР.

Страницы истории

организаций вызвало у гостей выставки целую палитру восторженных эмоций. Приведем наиболее яркие выдержки из «книги отзывов»: «выставка показывает, каким большим авторитетом пользуется Академия наук СССР среди иностранных научных учреждений» [2, д.582, л.9], «поражает многочисленность и теплота откликов на большое событие в жизни Академии – откликов, поступивших со всех концов мира» [2, д.582, л.10], «отрадно видеть, как в дни Победы культурные учреждения всего мира приветствуют нашу советскую науку и отдают ей дань уважения и признательности» [2, д.582, л.10 об.]. Последнее, на наш взгляд, как нельзя лучше подводит итог сказанному выше: «... "Наука не имеет Отечества": этот лозунг и верен и нет!..» [2, д.582, л.10 об.].

Выставка приветствий и подарков в здании Президиума АН СССР.
Один из залов выставки «220 лет Академии наук СССР» (АРАН. Р. IX. Оп. 2. Д. 42.)

Итак, с середины 1940-х гг. советское руководство стало использовать историческое прошлое как важный ресурс в культурной дипломатии. По мнению современных исследователей, особое место в этом процессе отводится юбилеям, которые «относятся к ритуальным формам существования, интерпретации воспоминаний о прошлом и являются наиболее привычной, "календарной" формой коммеморативной политики» [23, с.203]. В победном 1945 году чествовали не только советского солдата, чествовали и советского ученого, который, как писали центральные газеты, «плоть от плоти и кость от кости рабочих и крестьян», а

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1945 г.

его напряженный интеллектуальный труд обеспечил Победу над «коричневой чумой» – фашизмом [21, с.1].

Участники юбилейной сессии осматривают остатки Пулковской обсерватории, 26–28 июня 1945 г. (АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 50.)

Этот посыл также нашел отражение в большинстве приветствий иностранных ученых. Однако говорить об едином/универсальном представлении о советской науке, зафиксированном в поздравительных адресах, не приходится. Восприятие советской науки было разным, но ожидаемо – позитивным. Оно вписывалось в систему международных отношений первых послевоенных лет, с надеждой на возобновление научных связей и трансфер научных идей. Война, с одной стороны, способствовала «переформатированию» мирового научного поля, нивелировав отчасти разногласия и противоречия предвоенного периода. Одновременно победа Советского Союза над фашистской Германией обеспечила «советской науке – науке-победительнице» в еще «хрупком» научном мире особое привилегированное положение с претензией на главенство. Это диссонировало с принципами академического интернационализма и надеждами ученого сообщества.

Список сокращений

РАН – Архив Российской Академии наук

Библиографический список

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Т.1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.
2. Архив Российской академии наук. Ф.519. Оп.1.
3. Брачёв В.С. Украшение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. №4. С.120–127.
4. Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы ВОВ // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. №2. С.19–24.
5. Груздинская В.С. «Академический праздник» и «праздник академиков»: к вопросу о роли В.Л.Комарова в организации 220-летнего юбилея // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы междунауч. конф. (Москва, 15–17 октября 2019 г.). М.: Янус-К, 2019. С.68–71.
6. Известия. 1945. 13 июня.
7. Кацисс Л.Ф., Одесский М.Л. «Славянская взаимность». Модель и топика. Очерки. М.: Регинум, 2011. 312 с.
8. Кныш Н.А. Социальное пространство бытования советской науки в первое послевоенное десятилетие // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половины 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П.Корзун. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.46–66.
9. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1218 с.
10. Князев Г.А. Краткие очерки по истории Академии наук СССР. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1945. 92 с.
11. Кольцов А.В. «Атмосфера вокруг Академии сгустилась» // «За железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М.Хайнеманна, Э.И.Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С.7–28.
12. Корзун В.П. «Празднование 220-летия АН СССР: иллюзии и надежды июня 1945 года (освоение историографического пограничья)» // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В.Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С.583–587.
13. Корзун В.П. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: презентация образа советской науки в выступлениях акад. В.Л.Комарова // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы междунауч. конф. (Москва, 15–17 октября 2019 г.) М.: Янус-К, 2019. С.27–31.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1945 г.

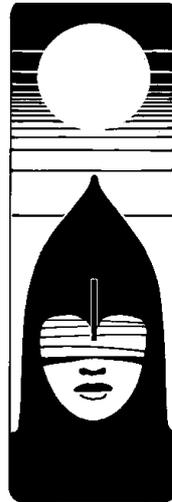
14. Котин И.Ю. Из истории научных контактов между русскими и польскими индологами в первой половине XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. №3. С.5–14.
15. Кременцов Н.Л. Плоды победы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С.794–795.
16. Лиманова С.А. В.Л.Комаров и празднование 220-летнего юбилея Академии наук (обзор документов в Архиве РАН) // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 15–17 октября 2019 г.). М.: Янус-К, 2019. С.75–78.
17. Митин В.В. Из истории деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1920-е гг. // Метаморфозы истории. 2002. Вып.2. С.106–128.
18. Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки. М.: РГГУ, 2012. 480 с.
19. Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С.31–37.
20. Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып.1 (46). С.21–25.
21. Правда. 1945. 11 июня.
22. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: «Нестор-История», 2012. 380 с.
23. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: коллективная монография. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 445 с.
24. Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г. Проспект. 462 с.
25. Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня–3 июля 1945 г. Т.1. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 430 с.
26. Юсупова Т.И. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР // Mongolica. 2017. №18. С.82–89.
27. Архив Српска академија наука и уметности. Ф. Александра Белића, 14386-III/2147.
28. Архив Српска академија наука и уметности. Ф. Александра Белића, 14386-III/2154.
29. Архив Српска академија наука и уметности. Ф. Александра Белића, 14386-III/2155.
30. Архив Српска академија наука и уметности, Ф. Александра Белића.14386-III/2172.
31. Стевановић М. Живот и дело Александра Белића // Зборник радова о Александру Белићу. Београд: Српска академја наука и уметности, 1976. S.3–52.

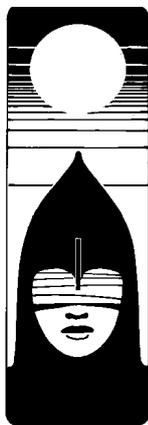
Недовольство – первый шаг
к прогрессу как у отдельного
человека, так и у народа.

Оскар Уайльд

Революция (совершенная людьми и для людей) хочет быть, претендует знаменовать собой конец религии и паломничества, мифов и сакрализации.

Жак Деррида

Салават Исхаков

**«ИНДИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ
ОСВОБОЖДЕНА
МУСУЛЬМАНСКИМ
ПРОЛЕТАРИАТОМ
ПРИ ПОМОЩИ СОВЕТСКОЙ
РОССИИ И ОБЯЗАТЕЛЬНО ДО
РЕВОЛЮЦИИ В ЛОНДОНЕ...»:**

**КОМИНТЕРНОВЦЫ-МУСУЛЬМАНЕ
В 1919–1920 гг.**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
329.3:297

В статье, основанной преимущественно на архивных данных, показаны идейно-политические устремления различных представителей мусульманского населения распавшейся Российской империи в первые годы советской власти, их отношение к Коминтерну, к теории мировой революции и ее практической реализации. Рассматриваются события, связанные с I и II конгрессами Коминтерна, и их влиянием на мусульманский мир.

The article, based mainly on archival data, shows the ideological and political aspirations of various representatives of the Muslim population of the disintegrated Russian Empire and neighboring countries in the first years of Soviet power, their attitude to the Comintern, to the theory of the world revolution and its practical implementation. The events associated with the I and II congresses of the Comintern, and their impact on the Muslim world are examined.

Ключевые слова: В.И.Ленин; И.В.Сталин; Г.З.Зиновьев; Л.Д.Троцкий; М.Баракатулла; Коминтерн; мировая революция; Туркестан; Бухара; Хива; Кавказ; ислам; мусульмане.

Key words: V.I.Lenin; I.V.Stalin; G.Z.Zinoviev; L.D.Trotsky; M.Barakatulla; Comintern; World Revolution; Turkestan; Bukhara; Khiva; the Caucasus; Isla; Muslims.

E-mail: rusrevref@mail.ru

**I конгресс III Коминтерна:
среди основателей**

История общественно-политического развития стран мусульманского Востока и деятельности в них III Коминтерна освещалась в ряде исследований советских востоковедов, отмечавших специфику этих процессов по сравнению с Европой и показавших влияние ряда факторов, через которые преломлялось отношение народных масс к национально-освободительным идеям, к различным левым политическим партиям [см., напр.: 6; 7]. Тем не менее роль самих участников и, в частности I–II конгрессов III Коминтерна, которые представляли мусульманские народы бывшей империи, не получила освещения.

Причина отсутствия исследовательского внимания к ним связана прежде всего с тем, что хранившийся в условиях строжайшей секретности комплекс документов Коминтерна, как известно, стал доступен для исследователей только после распада СССР. Однако и в постсоветской историографии эти участники также не вызывают интереса. На мой взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что они были причастны к пропаганде коммунистических идей в мусульманской среде, сотрудничали с высшим политическим руководством Советской России, что не укладывается в имиджи этих исторических деятелей, которые ныне созданы в интересах той или иной конъюнктуры в различных историографиях на всем постсоветском пространстве.

Причина отсутствия исследовательского внимания к ним связана прежде всего с тем, что хранившийся в условиях строжайшей секретности комплекс документов Коминтерна, как известно, стал доступен для исследователей только после распада СССР. Однако и в постсоветской историографии эти участники также не вызывают интереса. На мой взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что они были причастны к пропаганде коммунистических идей в мусульманской среде, сотрудничали с высшим политическим руководством Советской России, что не укладывается в имиджи этих исторических деятелей, которые ныне созданы в интересах той или иной конъюнктуры в различных историографиях на всем постсоветском пространстве.

Кем были эти новые лидеры, которые повели за собой мусульман Советской России и бывших «национальных окраин» Российской империи в условиях Гражданской войны? На этот вопрос можно ответить, обратившись к работе первых двух конгрессов III Коминтерна, которые состоялись в России в 1919–1920 гг. Настоящая статья, основанная преимущественно на впервые вводимых в научный оборот архивных данных, посвящена этим людям, их целям, их восприятию теории мировой революции, их судьбам.

Отбор делегатов-мусульман на I конгресс, который состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г., происходил впопыхах. Об этом, в частности, можно судить по примечательной телеграмме, направленной председателем Центрального Бюро (ЦБ) Мусульманских коммунистических организаций народов Востока (МКОНВ) И.В.Сталиным и его заместителем Г.Ялымовым¹ в конце февраля 1919 г. из Москвы в Саратов для

¹ Ялымов Абдул-Азиз (Газиз) Гиреевич (1885–1937) – татарин, учился в Петербурге, член РСДРП с 1905 г., в 1918–1919 гг. зам. председателя ЦБ МКОНВ, в 1920 г. директор Государственного издательства Туркестанской Советской Республики, член коллегии

местного Бюро коммунистов-мусульман. В ней сообщалось о созыве конгресса и «ввиду особой спешности дела и невозможности для делегатов с мест вовремя приехать» на него предлагалось «прислать телеграфно мандаты соответствующим секциям» при ЦБ с правом «выставления делегатов» на конгрессе [22, д.552, л.1]. Иными словами, предлагалось дать мандаты тем лицам, которые в то время уже находились в Москве по каким-то делам.

В опубликованных материалах этого конгресса в списке делегатов указаны: М.Альтемиров², Х.И.Бекентаев³, Касимов⁴, Б.Мансуров⁵,

Наркомата просвещения этой республики, затем направлен в распоряжение Совета пропаганды и действия народов Востока, который создан по решению съезда народов Востока, состоявшегося в Баку в сентябре 1920 г., и являлся вспомогательным аппаратом Исполкома Коминтерна для связи с коммунистическими и другими революционными партиями и группами в странах Ближнего и Среднего Востока, координации их деятельности, постановки революционной пропаганды на восточных языках. В 1922 г. исключен из РКП(б). В 1937 г. арестован и расстрелян.

² Альтемиров Магомет Менгевич (1891–1936) – ингуш, с 1910 г. жил в Москве, в 1912–1915 гг. учился в Московском городском народном университете имени А.Л.Шанявского, в 1913–1918 гг. служащий Московской городской управы, в 1918–1919 гг. зав. Отделом горцев Кавказа Наркомнаца РСФСР, в 1919–1920 гг. на подпольной работе на Северном Кавказе, участник партизанского движения, с 1920 г. на различных должностях на Северном Кавказе и в других регионах, член РКП(б) в 1918–1921, с 1927 г., с 1935 г. представитель Чечено-Ингушской автономной области при Президиуме ВЦИКа. В своих анкетных данных не указывал, что был участником данного конгресса Коминтерна (См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп.138. Д.142. Л.1–2, 5, 8, 12–12 об.).

³ Бекентаев (Бикентаев) Хусаин Исхакович (1896–1938) – казах, учитель, учился в Коммерческом институте в Москве, заместитель заведующего Киргизским отделом Народного комиссариата по делам национальности РСФСР (июнь 1918 – июль 1919 г.). В декабре 1919 г. арестован ВЧК, через несколько месяцев освобожден. В 1930-е годы научный сотрудник (историк), арестован в 1937 г., затем расстрелян.

⁴ Касимов Гали (Галиуллы) Сунгатуллоевич (Сунгатуллоевич) (1893–1942) – татарин, рабочий-железнодорожник, в 1915–1917 гг. служил в армии, с февраля 1917 г. член полкового комитета, организатор красногвардейских отрядов, член Уральского военного мусульманского совета и член Уральского социал-демократического комитета татар, член РКП(б) с сентября 1917 г., в 1918 г. военный комиссар по организации татарских частей, в 1919–1920 гг. воевал в Красной армии; в 1920–1921 гг. нарком РКП Татарской АССР, затем на руководящей партийной, советской работе в Крыму, в Сибири, в Средней Азии, в 1931–1933 гг. сотрудник Наркомата РКП РСФСР. Автор ряда работ по истории татарского движения. В 1940 г. арестован, затем расстрелян. В своих анкетных данных не указывал, что был участником I конгресса Коминтерна (См., напр.: ГАРФ. Р-5216. Оп.2. Д.973. Л.1–2, 4–5). В статье о Коминтерне в Интернете ошибочно указано, что участником I конгресса был Касим Касимов (см., напр.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/rwwiki/976759>).

⁵ Мансуров Бурханитдин (Бурган, Бурхан) Хуснутдинович (1889–1942) – татарин, учитель, в 1915–1917 гг. на строительстве Мурманской железной дороги в Архангельске, в

Г.Ялымов (все от «объединенной группы восточных народов России»). Кроме того, указано, что Ялымов являлся представителем Туркестанской коммунистической группы, а Багиров⁶ – Азербайджанской коммунистической группы [10, с.212, 250, 251]. Были и другие участники.

Сталин 2 марта 1919 г., в день открытия конгресса, на бланке ЦБ «Мусульманских коммунистических организаций» (первоначальное название этой организации) уже как председатель ЦБ «коммунистических организаций народов Востока» подписал мандаты следующим делегатам: М.Альтемирову (представителю секции горцев Кавказа ЦБ), О.-А.Багирову (представителю Азербайджанской секции «Гуммет» ЦБ), Х.Бекентаеву (представителю Киргизской секции ЦБ), С.Жгенти⁷ (представителю Грузинской секции ЦБ), Г.Касимову (представителю Башкирской секции ЦБ), Б.Мансурову (представителю татар Поволжья), М.Субхи⁸ (представителю Турецкой секции ЦБ), Ю.Усейнову⁹ (предста-

1918–1920 гг. член ЦК Российской мусульманской коммунистической партии, зам. председателя Центрального мусульманского комиссариата, зав. издательским отделом ЦБ МКОИВ, в 1920–1921 гг. член Президиума ЦИК Татарской АССР, затем редактор татарских газет.

⁶ Багиров Орудж-Али (1891–?) – азербайджанец, учитель, с 1917 г. член «Гуммет», в 1918 г. участник гражданской войны в Азербайджане, служил в 289-м Советском (Железном) стрелковом полку Красной армии, в 1919–1920 гг. учился в Военной академии РККА, в 1920–1921 гг. сотрудник особых поручений Полпредства РСФСР в Турции, учился в МГУ (1922–1924 гг.), в 1924–1927 гг. председатель коллегии по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской ССР, в 1928–1929 гг. служащий Русперсбанка (Иран), в 1929–1930 гг. сотрудник Азербайджанского государственного научно-исследовательского института, в 1931–1932 гг. учился в Закавказском отделении Института красной профессуры. Дальнейшая судьба неизвестна. В статье о Коминтерне в Интернете ошибочно указано, что участником I конгресса был Мир-Джафар Багиров (см., напр.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/976759>).

⁷ Жгенти (Джигенти) Семен (Тенгиз) Дмитриевич (Гигоевич) (1887–1937) – грузин, дворянин, член РСДРП с 1903 г. После Февральской революции 1917 г. один из организаторов Советов солдатских депутатов в Кавказской армии, член Кавказского областного комитета РСДРП(б), в 1918 г. член Одесского революционного комитета, в 1919 г. член Крымского обкома РКП(б), представитель Наркомата по делам национальностей РСФСР в Крыму, с 1921 г. на руководящей работе в Азербайджанской ССР. В 1921–1922 гг. ответственный секретарь Аджарского областного комитета КП(б) Грузии, председатель Революционного комитета Аджаристана. Затем секретарь ЦИК Грузинской ССР. Застрелен.

⁸ Субхи Мустафа (1882–1921) – турецкий журналист и политик, накануне Первой мировой войны бежал в Россию, где с началом войны был арестован и находился в ссылке в Калуге, затем на Урале. В 1918 г. возглавлял Партию турецких социалистско-коммунистов, сотрудник отдела международной пропаганды Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР, участник гражданской войны.

⁹ Усейнов (Усейн) Юнус (1891–1938) – крымский татарин, в 1921 г. секретарь Татар-

вителью Персидской секции ЦБ), Ялымову (представителю Туркестана и Бухары). На всех этих мандатах стоит также подпись Ялымова как секретаря ЦБ [18, д.13, л.11, 21–27, 30]. Сохранились не все мандаты, о чем свидетельствует тот факт, что в материалах конгресса фигурируют и другие представители от мусульманских организаций. Так, в списках указан М.Тунгачин¹⁰ как представитель Киргизской компартии, М.Халидов¹¹ – Компартии Башкирии, а Б.Мансуров охарактеризован также как представитель Татарской компартии [18, д.11, л.12; д.12, л.2].

Выступая на конгрессе, Ялымов сказал, что он представляет ЦБ мусульманских коммунистических организаций, переименованного перед конгрессом в ЦБ коммунистических организаций народов Востока. К началу 1919 г. это ЦБ, по его данным, объединило не менее 10 тыс. коммунистов – рабочих и крестьян мусульман из Башкирии, Кавказа, Казахстана, Поволжья, Туркестана (в этих регионах насчитывалось всего не менее 30 млн мусульманского населения), а также эмигрантские коммунистические группы из Азербайджана, Бухары, Грузии, Ирана и Турции. ЦБ имело огромное, по оценке Ялымова, «материальное влияние» среди мусульманских трудящихся масс. Среди сочувствующих коммунизму красноармейцев-мусульман в общей массе было не менее 50 тыс. человек, воевавших на Восточном и Южном фронтах против белых. С января 1918 г. по ноябрь 1918 г. ЦБ издало на татарском, турецком, киргизском языках более 4 млн экземпляров газет, брошюр и листовок. В одной лишь Москве с декабря 1918 г. по январь 1919 г. ЦБ издало на азербайджанском, арабском, киргизском, персидском, таджикском, татарском, турецком, узбекском языках более 2 млн (вместо 2 млн. М.А.Персиц ошибочно указал 200 тыс., вместо 4 млн – 400 тыс.) [11, с.64] экземпляров воззваний, брошюр, газет. ЦБ и его местными организациями выпускалось 15 газет.

ско-турецкой секции в Крыму, в 1938 г. арестован в Крыму и расстрелян.

¹⁰ Тунгачин Мухамедиар Хан (1888–1942) – казах, учитель, переводчик, военный цензор, чиновник особых поручений, член РКП(б) с 1918 г., член ВЦИК, в 1918–1920 гг. зав. Киргизским отделом Наркомнаца РСФСР, член Тургайского облсполкома, в 1919 г. член Киргизского ВРК. В декабре 1919 г. исключен из партии, выведен из Киргизского ВРК и арестован, затем освобожден. В 1937 г. арестован и репрессирован.

¹¹ Халидов Музафар (1896?–?) – татарин, в 1917 г. член солдатского комитета, член РКП(б) с 1918 г., партработник Московского комитета РКП(б), сотрудник московской газеты «Эшче» («Пролетарий») (в 1919 г. орган ЦБ МКОНВ), выходившей на татарском языке, агитатор-организатор, в 1919–1920 гг. как политработник вел агитационно-организаторскую и культурно-просветительную работу на Восточном фронте среди мусульман, работал в Уфимской губ., затем направлен на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока. Дальнейшая судьба неизвестна.

«Я не сомневаюсь, – говорил Ялымов на конгрессе далее, – что при той моральной и идейной поддержке, которую оказывает Центральному бюро Российской коммунистической партии, дело коммунизма на Востоке будет расти, а угнетенные народы Востока сплотятся в своей борьбе против империализма вокруг Советской России. Я не буду доказывать вам великое значение пробуждения Востока для разрастающейся рабочей революции на Западе. Если Восток подымется и протянет руку социалистическому Западу, империализм будет окружен, тогда и пробьет час торжества мирового социализма. Именно поэтому Центральное бюро ставит своей основной задачей пробуждение народов Востока. Именно поэтому я восклицаю: да здравствует революционный союз угнетенных народов Востока с социалистическими рабочими России и Европы!» [8, №4, с.563]. В этом «пробуждении» народов Востока важная роль отводилась представителям мусульманского мира, которых было крайне мало на стороне советской власти. Во время работы конгресса с призывом переходить на сторону этой власти обратились к горцам Северного Кавказа, к примеру, Альтемиров и Ялымов. В их обращении, в частности, подчеркивалось, что именно она «дала всем мусульманам (татарам, башкирам, туркестанцам, киргизам, кавказцам и др.) широкие права на национальное развитие и всеми средствами идет навстречу их начинаниям в области культурно-просветительной, социальной и экономической жизни» [5, 23 февраля].

О целях такого «пробуждения» также достаточно подробно сказано в статье члена Компартии Туркестана В.А.Троицкого, опубликованной 6 марта 1919 г., в день закрытия конгресса, в газете «Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Созыв этого конгресса, по его мнению, был «вызван самой жизнью для программного установления тезисов, выдвинутых Октябрьской революцией. Проводя свою действительную тактику под знаменем лозунга диктатуры пролетариата и беспощадной гражданской войны, Российская коммунистическая партия установила этим на деле принципиальные тезисы III Интернационала». Характеризуя положение, в частности, Туркестанской советской республики, провозглашенной в Ташкенте в апреле 1918 г., Троицкий полагал, что «с самого начала ее возникновения непрерывной лентой тянется стремление втянуть в орбиту коллективных действий мирового пролетариата те отставшие в социальном отношении восточные народы, классовое пробуждение которых может создать мощный, бурный поток живых сил, способный не только затопить и уничтожить плотины английского империализма, гнездившегося в Индии, Афганистане, Персии и цепкими лапами старающегося захватить Хиву и Бухару, но

способный также к творческому объединению масс [по] освобождению Востока». В статье подчеркивалось, что значение конгресса, «как установителя основных тезисов программы задач мирового пролетариата, для народов Востока приобретает смысл нового Корана, к которому, как к маятнику будущей новой жизни, станут стремиться... порабощенные массы». Что имел в виду Троицкий под «новым Кораном»? На мой взгляд, речь шла о манифесте конгресса, обращенного к пролетариям всего мира, который от имени делегации народов Восточной России подписал Ялымов [10, с.212]. После конгресса он в числе других был направлен в Туркестан для пропаганды среди мусульманских масс.

«Исламинтерн»

Планы у советского руководства на Востоке, как известно, были грандиозные. Об этом не раз заявляли в 1919–1920 гг. В.И.Ленин, И.В.Сталин и другие большевистские руководители. «Мы можем смело сказать, что, имея за собой мусульман Туркестана, будем иметь Афганистан и Персию, а оттуда откроем путь для нашего воздействия на Индию и Монголию... Можем смело сказать, что укрепление нашего влияния на мусульман Туркестана – это самая крупная победа над британским империализмом» [25, 22 октября], – писал, в частности, заместитель наркома по делам национальностей С.С.Пестковский в октябре 1919 г. в ташкентской газете, рупоре Туркестанского краевого комитета РКП(б). В этой же газете отмечалось, что «идея "панисламизма" среди мусульманства продолжает жить, как идея освобождения от гнета... Цели мусульманства тождественны с задачами советской власти: в Азии национальное освобождение, в Европе социальная революция» [25, 13 июня]. Никакой угрозы большевики не видели в таком панисламизме.

Стратегия и тактика использования ислама в «пробуждении» мусульманских масс выработывались в Политбюро ЦК РКП(б). На его заседании 20 января 1920 г. после заслушивания сталинских тезисов «о коммунистической работе среди рабочих и крестьян мусульманского Востока», которые были одобрены, было решено поручить Сталину организовать комиссию из образованных мусульман-коммунистов для разработки этого вопроса. 30 января 1920 г. Политбюро решило поручить Сталину и ЦБ Коммунистических организаций народов Востока в трехдневный срок назвать кандидатов в комиссию по подготовке материалов по восточным вопросам [15, д.59, л.1; д.60, л.2].

Одним из тех, кто глубоко разобрался в этих вопросах, был несо-

менно Пестковский. Он писал в 1920 г., что Первая мировая война, которая главной своей причиной имела как раз передел Востока между различными военно-политическими блоками, показала восточным народам и их лидерам, что европейские государства смотрят на них исключительно с точки зрения сырьевого источника. Однако правящие круги восточных стран не могли объединить своих действий, не могли найти между собой общего языка. Причем «наиболее мощное из таких национально-религиозных течений – панисламтум¹², несмотря на всю свою силу, объясняемую распространением магометанства на Востоке, не получил надлежащего политического оформления именно по этой причине». Даже эта «религиозная спайка не давала достаточной возможности для совместных повстанческих действий». Поэтому национально-освободительное движение на Востоке терпело неизменное поражение в силу разобщенности и недостаточной организованности его сил, отсутствия центра, способного слить воедино разрозненные усилия отдельных народов [13, с.5, 30]. Роль такого центра по организации прокоммунистического панисламтума («Исламинтерна») взяло на себя Политбюро ЦК РКП(б).

Так, еще один близкий к Политбюро исламовед и востоковед Г.И.Сафаров (Вольдин), знаток Туркестана, в июле 1920 г. в органе Политуправления Реввоенсовета РСФСР опубликовал статью, в которой отмечалось, что «мощное развитие революционных движений на Востоке и победы рабоче-крестьянской Красной армии ставят с особой остротой вопрос о политической работе среди народов Востока... Первой задачей политической работы на Востоке является преодоление не на словах, а на деле неизбежного недоверия трудящихся масс угнетенных национальностей к рабочим и крестьянам ранее господствовавшей национальности. Имя "русского" здесь все еще хранит на себе печать иноземного гнета... Религия Востока, господствующая над всеми областями общественной жизни, есть социальная и политическая религия. Религиозный закон – "шариат" – освящает торговлю. Гражданский и семейный быт опирается на религию... Восток требует работы. "Восточный вопрос" – практический вопрос текущей политики» [24, №6, с.5–6]. Осенью 1920 г. Сафаров прибыл в Ташкент, где стал одним из руководителей Туркестанского бюро Коминтерна и вел соответствующую работу по «пробуждению» местных мусульман и созданию «Исламинтерна».

¹² *От panislamtum (нем.).*

**II конгресс III Коминтерна:
планы мусульманских
революционеров**

Разработка всех вопросов, возникших в соединении «пробуждения» восточных народов с европейским рабочим и мировым коммунистическим движением, была продолжена

на II конгрессе Коминтерна, который состоялся 19 июля – 7 августа 1920 г. в Петрограде и Москве. В опубликованных документальных сборниках указывается, что на II конгрессе в составе российской делегации (всего свыше 60 человек) были: Ахундов¹³, Алиев¹⁴, Байтурсунов¹⁵, А.Ибрагимов¹⁶, Идрисов¹⁷ (Крым), С.Мухамедиев¹⁸ (Бухарская компар-

¹³ Ахундов Рухулла Али оглы (1897–1938) – азербайджанец, окончил медресе, реальное училище, работал в типографии, в 1918 г. редактор газеты «Известия» Бакинского совета, с 1919 г. коммунист, в 1920 г. заведующий отделом по работе в деревнях ЦК КП(б) Азербайджана, затем секретарь Бакинского комитета партии, редактор газеты «Коммунист» и других периодических изданий, в 1924–1930 гг. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, нарком просвещения Азербайджанской ССР, в 1930 г. секретарь Закавказского краевого комитета ВКП(б). Затем работал в Институте истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана, в Управлении по делам искусств при СНК Азербайджанской ССР. Автор ряда работ по истории, искусству, литературе. В 1936 г. арестован, затем расстрелян.

¹⁴ Алиев Умар Джаишевич (1895–1937) – карачаевец, окончил медресе, с 1917 г. в Казани председатель ЦБ Всероссийского союза учащих мусульман, с января 1918 г. председатель ЦБ Всероссийского союза учителей-мусульман-интернационалистов. С апреля 1918 г. зав. отделом Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР по делам мусульманского пролетариата Крыма, Кавказа, Туркестана, Киргизстана, с июля зав. отделом горцев Кавказа Наркомнаца РСФСР. В 1919–1920 гг. один из руководителей повстанческого движения в Дагестане. В 1922 г. председатель Ревкома Карачаево-Черкесской автономной области, затем зам. зав. Северо-Кавказского краевого отдела народного образования, директор Северо-Кавказского краевого НИИ истории, экономики, языка и литературы, директор Музея горских народов. В 1935 г. окончил Институт красной профессуры в Москве, в 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁵ Байтурсунов Ахмет Байтурсунович (1873–1938) – казах, учитель, литератор, в 1905 г. участник революционного движения в Казахстане. В 1917 г. депутат Всероссийского Учредительного собрания, в 1919 г. перешел на сторону советской власти, член РКП(б) (1920 г.), член Ревкома по управлению Киргизским краем, нарком просвещения Киргизской АССР. В 1929 г. арестован, в 1931 г. приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Досрочно освобожден в 1932 г. и отправлен на 3 года в ссылку, в 1934 г. освобожден, в 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁶ Ибрагимов Алимджан (Галимджан) Гирфанович (1887–1937) – татарин, учился в медресе, учитель, публицист, в 1917 г. один из организаторов и руководителей Партии татаро-башкирских мусульманских левых эсеров, депутат Национального собрания мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири и Всероссийского Учредительного собрания, в 1918 г. один из организаторов Комиссариата по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце РСФСР, в 1919–1920 гг. член Центральной мусульманской военной коллегии, руководитель редколлегии отдела печати ЦБ МКОИВ, с 1920 г.

тия), С.Г.Саид-Галиев¹⁹ (Татария), М.Султан-Галиев²⁰ (Татария) [2, с.620, 622, 623, 626] – все они были известными среди мусульманского населения политиками.

На конгресс хотели попасть и другие представители мусульман, о чем свидетельствуют их непосредственные обращения к В.И.Ленину. Прибывшие в Москву представители башкирских (А.-З.Валидов²¹ и

в Наркомате просвещения Татарской АССР, в 1925–1927 гг. председатель Академического центра при Наркомате просвещения Татарской АССР. В 1937 г. арестован; скончался в тюремной больнице. В научной литературе не указано, что он был участником II конгресса Коминтерна.

¹⁷ *Идрисов Сулейман Измайлович (1878–1938) – крымский татарин, дворянин, учитель, эсер, учился в Петербургском психоневрологическом институте. В годы Первой мировой войны в армии, в 1917–1919 гг. депутат крымскотатарского Курултая (парламента), товарищ комиссара внешних и национальных дел в правительстве Советской социалистической республики Таврида, с 1918 г. член РКП(б), в 1919 г. нарком земледелия Крымской ССР, в 1920–1921 гг. член Крымского ревкома и заведующий Крымземотделом. В 1934 г. исключен из ВКП(б), затем расстрелян.*

¹⁸ *Мухамедиев Садык (1898–?) – в 1919–1920 гг. член ЦК Бухарской компартии, в 1920–1921 гг. председатель Ревкома Бухарской области, в 1922–1923 гг. председатель исполкома Керкинской области, в 1923–1924 гг. возглавлял Назират (наркомат) внутренних дел Бухарской Народной Советской Республики. Дальнейшая судьба неизвестна.*

¹⁹ *Саид-Галиев Сахибгарей Саидгалиевич (1894–1939) – татарин, служащий, с 1915 г. в армии, в 1917 г. член полкового Совета Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель гарнизонного комитета воинов-мусульман, председатель Уральского областного мусульманского военного совета, в 1918–1919 гг. комиссар по делам национальностей Казанской Советской Рабоче-Крестьянской Республики, член Татаро-башкирского бюро Уфимского губкома РКП(б), член, затем председатель ЦБ МКОИВ, в 1920 г. председатель Ревкома Татарской АССР, в 1920–1921 гг. председатель СНК Татарской АССР, в 1921–1924 гг. председатель СНК Крымской АССР, в 1924–1925 гг. член Центральной контрольной комиссии РКП(б), в 1931–1933 гг. член коллегии Народного комиссариата труда СССР. В 1937 г. арестован, затем расстрелян.*

²⁰ *Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич (1892–1940) – татарин, учитель, член РСДРП(б) с 1917 г., один из организаторов Мусульманского социалистического комитета в Казани (1917 г.), в 1918–1920 гг. председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомате по военным и морским делам РСФСР, в 1919 г. член, затем (в 1920 г.) председатель ЦБ МКОИВ, в 1920–1923 гг. член коллегии Наркомнаца РСФСР. Арестован в 1923 г., исключен из ВКП(б). В 1928 г. вновь арестован и приговорен к расстрелу, который впоследствии заменен 10 годами исправительно-трудовых лагерей. В 1934 г. освобожден, в 1937 г. арестован, затем расстрелян.*

²¹ *Валиди (Валидов) Ахмед-Заки (в эмиграции Тоган Ахмед Зеки Велиди) (1890–1970) – татарин (по другим данным башкир), историк, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), член Всероссийского Учредительного собрания, член Комуча, лидер башкирского движения, под его командованием башкирские войска воевали на стороне атамана А.И.Дутова, затем адмирала А.В.Колчака, с 1919 г. на стороне советской власти; председатель Башкир-*

Х.Юмагулов²²), киргизских (казахских) (А.Байтурсунов и А.Ермеков²³), туркестанских (Т.Рыскулов²⁴ и Н.Ходжаев²⁵) коммунистов написали 12 июня 1920 г. ему письмо, где указывали, что, по их мнению, «Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской России и обязательно до революции в Лондоне... Если революция в Индии будет после революции в Лондоне, то назначаемые английским ЦИК комиссары будут рассматриваться как новые заместители вице-королей». В конце письма выражалась просьба допустить их на конгресс и дать выступить [14, д.3, л.14–15 об.]. Скорее всего, им разрешили присутствовать там в качестве гостей, но только Байтурсунов получил мандат делегата. Делегат конгресса Алиев, представитель кавказских народов, в письме к Ленину, датированном 4 августа 1920 г.,

ского ревкома, член РКП(б). В июне 1920 г., добровольно оставив пост одного из руководителей Башкирской АССР, отправился в Туркестан, где присоединился к басмаческому движению и стал одним из его лидеров. Эмигрант.

²² Юмагулов Харис Юмагулович (1891–1937) – башкир, в 1914–1916 гг. учился в Московской высшей сельскохозяйственной академии, в январе 1917 г. окончил Московскую школу прапорщиков, затем служил в 95-м пехотном запасном полку и 307-м пехотном запасном полку по октябрь 1918 г., летом 1917 г. член Башкирского областного совета, Башкирского правительства, в 1918 г. зам. председателя Центрального мусульманского комиссариата, председатель Башкирского ревкома (1919–1920 гг.), член РСДРП(б)/РКП(б) в 1917–1920 гг. В январе 1920 г. исключен из РКП(б) и отозван в Москву. С 1921 г. руководитель Курсов учителей Башкирской АССР, уполномоченный Постоянного представительства Башкирской АССР при Президиуме ВЦИК. В 1931 г. восстановлен в ВКП(б), в 1935 г. исключен из партии. В 1937 г. арестован и расстрелян.

²³ Ермеков (Ирмеков) Алимхан Абеуович (1891–1970) – казах, в 1917 г., учился в Томском технологическом институте, один из основателей Алаш-Орды, в 1918 г. ее представитель при Временном Сибирском правительстве и правительстве А.В.Колчака, в 1920 г. перешел на сторону советской власти и в качестве члена Киргизского ЦИК делегирован в Москву. С 1921 г. на преподавательской работе. В 1938 г. арестован, осужден на 10 лет, освобожден в 1947 г., в 1948 г. арестован и осужден на 10 лет, освобожден в 1955 г.

²⁴ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1936) – казах, большевик с 1917 г., председатель Мусульманского бюро и член президиума ЦК КП Туркестана, нарком здравоохранения и председатель Туркестанского ЦИК (1919–1920 гг.), затем Полномочный представитель Наркомата по делам национальностей РСФСР в Азербайджане (1921 г.), заместитель наркомата по делам национальностей РСФСР (1921–1922), председатель СНК Туркестанской АССР (1922–1924 гг.), заместитель председателя СНК РСФСР (1926–1937). Репрессирован.

²⁵ Ходжаев Низаметдин Исаметдинович (1885–1942) – узбек, большевик, член ЦК КП Туркестана с 1918 г., с осени 1919 г. глава ревкома Ферганской области, в 1920 г. зам. председателя ЦИК Туркестанской Советской Республики, затем представитель Средазбюро ЦК РКП(б) в Хорезмской Народной Советской Республике, впоследствии на руководящей работе в НКВД Узбекской ССР.

отмечал, что мусульмане Востока называют его «пророком», что 9 июля в Кисловодске на собрании горцев было решено направить Ленину приветствие. В нем было сказано, что они видят в Ленине за «его справедливость к народу» «великого пророка Мухаммеда», «путеводную звезду во всем мире», освободителя угнетенного мусульманского мира на Востоке, «обладателя великого разума». «Слово Мухаммеда было полной верой, слово Мухаммеда является священным. Так и слово Ленина является всему миру священным» [19, д.24, л.151–152]. Подобное почитание Ленина в мусульманских массах имело широкое распространение.

На заседании Президиума (в составе М.Султан-Галиева и Ш.Ибрагимова²⁶) ЦБ МКОНВ 6 июля 1920 г. было принято решение поручить Султан-Галиеву выяснить в ЦК РКП(б) вопрос об участии на II конгрессе представителей «существующих республик» [16, д.400, л.21], т.е. Азербайджанской, Башкирской, Киргизской, Татарской и Туркестанской.

10 июля 1920 г. Султан-Галиев написал в организационно-техническое бюро конгресса записку, подписав ее как председатель ЦБ МКОНВ, с просьбой от имени ЦБ выдать для его, как сказано в ней, «членов и товарищей коммунистов, прибывших из восточных стран – Турции, Азербайджана, Персии, Башкирии, Киргизии и Туркестана и др.» 50 билетов на конгресс [19, д.63, л.11]. Этот факт означает, что тогда Султан-Галиев заменил на этом посту Саид-Галиева. В политической биографии Султан-Галиева, которой посвящено много публикаций, этот факт упущен. Такая перестановка была, надо полагать, вызвана тем, что летом 1920 г. Саид-Галиев был поставлен во главе ВРК Татарской АССР. За то, чтобы Султан-Галиев участвовал в работе конгресса, хлопотал Сталин. 19 июля 1920 г., в первый день конгресса, Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, которым он руководил, просил выдать билеты на конгресс для члена коллегии этого наркомата

²⁶ *Ибрагимов Шаймардан Нуринович (1899–1957) – татарин, член РСДРП (1915 г.), участвовал в революционном движении, был арестован и освобожден после Февральской революции 1917 г. в России, участник революционных событий 1917 г. в Москве, секретарь Благуше-Лефортовского райкома РКП(б), участник гражданской войны, в 1919 г. секретарь ЦБ МКОНВ, в 1920 г. на партийной работе, в 1921 г. председатель Полномочной Комиссии ЦК ВКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма, затем член Коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР; в 1923–1926 гг. помощник заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), ответственный инструктор ЦК РКП(б)/ВКП(б); в 1926–1928 гг. секретарь (глава парторганизации) ЦК КП Туркмении; с 1928 г. член исполкома Моссовета и член Ленинградского горсовета; с 1937 г. работал в Министерстве легкой промышленности СССР и других должностях в Москве, участник Великой Отечественной войны.*

Султан-Галиева, а также для заведующего Башкирским отделом этого ведомства Адигамова²⁷ [19, д.63, л.149]. После конгресса Султан-Галиев сделал 10 августа 1920 г. доклад о конгрессе на общем собрании членов Московского мусульманского бюро МКОИВ [23, д.117, л.35].

19 июля 1920 г. Представительство Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем при ВЦИКе обратилось в Организационно-техническое бюро конгресса с просьбой выдать билеты на вход председателю представительства А.Ермекову, а также сотрудникам представительства Г.Букейханову²⁸ и А.-Г.Таначеву²⁹ [19, д.63, л.128]. В копии этого документа вместо Таначева указан А.-Г.Менешев³⁰, а 23 июля эта просьба была повторена, причем указан был вновь Менешев, а не Таначев [3, д.12, л.383, 394].

23 июля 1920 г., находясь в Петрограде, Т.Рыскулов и Н.Ходжаев передали большую записку для председателя Исполкома Коминтерна Г.З.Зиновьева, отметив следующее: «...Вся работа по поднятию Востока должна идти исключительно через посредство организованных революционных сил мусульманских стран, как входящих в состав РСФСР, так не входящих в последнюю. Только опираясь на их политические и вооруженные силы и посредством их можно двигаться на Восток, иное решение вопроса означало бы отход от основных линий международной пролетарской революции». Далее авторы записки предупреждали советских

²⁷ Адигамов Абдулла Камалетдинович (1896–1968) – башкир, учился в 1917 г. в Казанском университете, в конце 1917 г. – начале 1918 г. делегат III Всебашкирского курултая, член Малого Курултая и Башкирского центрального шуро (совета), в 1918 г. заведующий отделом сношений Башкирского правительства, член Башкирского военного совета, в феврале 1919 г. как и.о. председателя Башкирского правительства подписал постановление о переходе Башкирского корпуса на сторону Красной армии. В 1919–1921 гг. руководитель Представительства Башкирской АССР при ВЦИК в Москве, в 1921–1922 гг. нарком внутренних дел, в 1922–1923 гг. зам. наркома земледелия, затем нарком просвещения Башкирской АССР, инструктор Юго-Восточного Бюро ЦК РКП(б), в 1924–1926 гг. в ЦК РКП(б), затем в течение трех лет зав. агитационно-пропагандистским отделом Башкирского обкома ВКП(б), заместитель председателя Госплана и нарком здравоохранения БАССР. В 1930 г. арестован, в 1932 г. досрочно освобожден. В научной литературе не указано, что он был на II конгрессе Коминтерна.

²⁸ Букейханов Абдулла (Габдулла, Габдул-Хаким) Нурмухамедович (1896–1938) – казах, в 1917 г. окончил военное училище, в 1917–1919 гг. учился в Московской сельскохозяйственной академии, в 1919 г. член ВРК по управлению Киргизским краем, в 1920 г. председатель Представительства ВРК по управлению Киргизским краем при ВЦИК. В 1920–1921 гг. ответственный секретарь ЦИКа Киргизской АССР, затем на различных руководящих должностях в Казахстане, арестован в 1937 г., приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей.

²⁹ Таначев Амир-Галий. Данных о нем не обнаружено.

³⁰ Менешев Амир-Галий (1898–1938). Других данных о нем не обнаружено.

теоретиков и практиков «пробуждения» Востока, что «другое решение вопроса в смысле непосредственного вмешательства Советской России в дела сопредельных восточных государств, стремление произвести искусственные перевороты путем посылки русских красноармейских частей, сопряженные еще с грабежами, как поступил Туркфронт с Хивой и предполагает поступить в отношении Бухары, означало бы новый способ империалистической захватной политики» и «затормозило бы ход революции на Востоке, оттолкнув последний от Советской России» [21, д.1, л.20–22].

Представителями населения Бухарского эмирата на конгрессе хотели быть делегаты Партии младо-бухарских революционеров и отколовшейся от нее в конце 1919 г. группы, которая образовала Партию бухарских коммунистов. Между бухарскими коммунистами и младобухарцами с первого же дня раскола, который был вызван мотивами личного порядка, началась ожесточенная борьба, принявшая характер эмигрантской склоки [21, д.21, л.116–117].

Мандат А.Полатходжаеву³¹ для участия в конгрессе был подписан членом Исполбюро Туркестанского бюро Революционной младо-бухарской партии Ф.Ходжаевым³² 1 июля 1920 г. 17 июля 1920 г. Полатходжаев прибыл в Москву и написал заявление в мандатную комиссию конгресса, надеясь на признание своей партии, мотивируя это тем, что опора ее на Коминтерн позволила бы ей «проявить себя более активно в целях создания революционного переворота в Бухаре» [19, д.28, л.22; д.30, л.25], т.е. свержения власти бухарского эмира.

Среди коммунистов Туркестана летом 1920 г. возник спор, нужно ли поддерживать Партию младобухарских революционеров, которую возглавлял Ф.Ходжаев. Эта партия, отмечал М.А.Персиц, заявила в своей программе, что, основываясь на мусульманской религии, «является

³¹ Пулатходжаев (Полатходжаев, Ходжаев) Атаходжа (Ата) (1894 – после 1928) – узбек, учился в Стамбуле, учитель, с 1918 г. член Бухарской компартии, в 1923–1924 гг. председатель Ревкома Бухарской области, секретарь Бухарской компартии, член Бухарского ЦИКа, нарком внутренних дел Бухарской Народной Советской Республики, затем первый зам. председателя СНК и нарком иностранных дел этой республики. Дальнейшая судьба неизвестна.

³² Ходжаев Файзулла Убайдуллаевич (1896–1938) – узбек, журналист, в 1916–1920 гг. один из лидеров младобухарской партии, с помощью советских войск младобухарцы добились свержения бухарского эмира в ходе вооруженного восстания 20 сентября 1920 г.; с сентября 1920 г. член РКП(б), возглавлял Совет народных назиров (правительство) Бухарской Народной Советской Республики (сентябрь 1920 г. – декабрь 1924 г.) до момента ее вхождения в состав Узбекской ССР, с 1924 г. председатель СНК Узбекской ССР, в 1937 г. арестован и затем расстрелян.

сторонницей беднейших масс и защищает их интересы от власти эксплуататоров и мирового империализма...», что «в соответствии с основными законами религии будет осуществлять в жизни все положения, идущие в пользу беднейших пролетарских масс не только Бухары, но и всего мира». Однако Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, находившаяся в Ташкенте, 30 июня 1920 г. решила прекратить связь с младобухарцами, отказав им как в материальной, так и в моральной поддержке [11, с.101, 102], что, надо полагать, и послужило причиной отказа, который получил Полатходжаев в Москве.

Полатходжаев в заявлении в мандатную комиссию конгресса написал, что его как представителя Бухарской компартии лишили права участия на заседаниях конгресса [19, д.28, л.17], хотя у него имелся специально подготовленный для выступления доклад от имени Туркестанского ЦБ Революционной младобухарской партии, подписанный Ф.Ходжаевым и М.Аминовым³³. Авторы доклада отметили, что в феврале 1920 г. в Туркестане был образован орган, объединяющий бухарских эмигрантов, – Туркестанское ЦБ Революционной младобухарской партии (орган младобухарских эмигрантов в Туркестане). «Мы, представители трудящихся масс трехмиллионной Бухары, ...убеждены, что нет для нас лучших друзей и защитников, чем народ Советской России, Великая русская революция и революционный III Интернационал. Коренная ломка в настроении бухарских масс уже произошла, и наступило время для нашей революционной работы», уверяли московских большевиков эти бухарцы. Затем они подчеркивали, что именно этой партии удастся делать следующее: «Мы теперь не останавливаемся ни перед чем и быстро развиваем движение среди масс». Значение этого движения в докладе объяснялось и действиями Великобритании в Центральной Азии: «...с Бухарой нельзя считаться, как с маленькой, ничтожной, не имеющей никакого влияния в деле революционного освобождения всего Востока... Нужно считаться с Бухарой, как с центром теперешней восточной контрреволюции, где англичане нашли себе место и откуда посредством своего золота и бухарских людей ведут свою работу против всяких освободительных работ не только в Бухаре, Афганистане, но и в русском Закаспии, Фергане и вообще Туркестане». По мнению авторов доклада, «младобухарские революционеры твердо уверены, что революция на

³³ Аминов Муинитдин (1884–?) – татарин, педагог, член ЦК Бухарской компартии, в 1920 г. член Всебухарского Центрального Революционного Комитета, затем председатель Экономического совета при правительстве Бухарской Народной Советской Республики, в 1923 г. выведен из правительства и выслан из республики. Дальнейшая судьба неизвестна.

Востоке необходима не только для освобождения Востока от мирового империализма и деспотизма, но и для поддержки русской революции» [19, д.26, л.123, 124 об., 125 об., 128, 129 об.].

Делегатом конгресса от Бухары пытался стать также Мухамедиев. Его мандат был подписан 26 июня 1920 г. председателем ЦК Партии младобухарских коммунистов-большевиков Н.Хусаиновым³⁴ и секретарем А.Мухитдиновым³⁵; состав ЦК этой партии был татаро-шиитский, поэтому она не была популярна среди узбеков-суннитов [21, д.19, л.24 об.]. В мандате указывалось, что он член ЦК бухарских коммунистов [19, д.30, л.24]. В своем докладе в Исполком Коминтерна от имени этой партии, датированном 10 июля 1920 г., он отмечал, что Бухара является «центром контрреволюции в Туркестане», поэтому он хотел просить делегатов конгресса помочь в борьбе с бухарским правительством, что, по его мнению, «ускорит социальную революцию» в эмирате. Иначе, по его представлениям, «всемирная буржуазия устроит на Востоке центр смуты, объединит с эмирами, беками и ханами также и учителей и королей Запада и приготовит против нас фронт, подобно польскому, так как нам известно, что они всюду готовятся к устройству такого фронта». Он также подготовил доклад для выступления на конгрессе, посвященный деятельности Партии бухарских коммунистов с сентября 1918 г. по 1 июля 1920 г. [21, д.19, л.18–21].

³⁴ *Хусаинов Назип (в Туркестане Наджиб) Хусаинович (1885–1937) – татарин, учился в Казанском ветеринарно-фельдшерском училище (1904 г.), участник революции 1905–1907 гг. в Казани, с 1910 г. в Средней Азии, служил в армии (1910–1917 гг.), работал на железной дороге в Новой Бухаре (1917 г.), член Временного исполкома Новобухарского совета (1917–1918 гг.), член ЦК Партии младобухарцев коммунистов-большевиков, ее председатель (1919 г.), председатель ЦК Компартии Бухары, в 1920 г. член Бухарского ревкома, назир государственного контроля Бухарской Народной Советской Республики (1920–1921 гг.); в 1920–1930 гг. зам. зав. отделом агитации и пропаганды Сырдарьинского обкома, ответственный инструктор ЦК Компартии Узбекистана, в 1931–1932 гг. председатель контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции Сармановского района Татарской АССР. Затем арестован и расстрелян.*

³⁵ *Мухитдинов (Мухетдинов) Абдулкадыр (Абду Кадыр) (1892–1934) – узбек, младобухарец, член КП Туркестана (с марта 1918 г.), зав. дисциплинарным отделом Туркестанского краевого бюро мусульманских организаций РКП(б), с марта по сентябрь 1919 г. зам. председателя Туркестанского краевого бюро мусульманских организаций РКП, в 1920 г. зам. председателя Всебухарского ревкома, назир земледелия правительства Бухарской Народной Советской Республики; в августе 1921 г. отстранен от государственной деятельности, в 1922–1923 гг. находился в Москве, затем направлен в Бухару, где был председателем Совета Труда этой республики, зам. председателя Совета Назиров, главой Бухарского экономического совета, зам. председателя ревкома и председателем Совнаркома Таджикской АССР, ее представителем при ЦИК СССР и наркомом снабжения.*

Хотя ни Полатходжаев, ни Мухамедиев не стали делегатами этого конгресса, но в ходе работы конгресса отношение к младобухарцам изменилось. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев 29 июля 1920 г. вопрос о младобухарцах, признало необходимым оказать этой организации содействие в ее «революционной борьбе» [11, с.102].

В то же время официальным участником этого конгресса стал крупный мусульманский религиозный деятель Б.-а. Салимов³⁶, представитель Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР), созданной при помощи Красной армии в начале 1920 г.

Делегаты Хорезмской Советской Народной Республики на заседании II конгресса Коминтерна. Слева направо: 1. Глава делегации назир юстиции Баба-ахун Салимов. 2. Назир иностранных дел Мулла-Ураз (Моллаораз) Ходжа-Мухамедов (Хужамухамедов). 3. Мулла-Нур-Мухамед (Нурмухамед) Бабаев. Москва. Конец июля – начало августа 1920 г.³⁷

³⁶ Салимов Баба́-ахун (Баба́-Ахун) (ныне Бобоохун, Бобаохун) Мухамед (1874–1929) – узбек, учился в медресе, в 1910–1918 гг. в период правления хивинского хана казикалян (верховный судья) и шейх-уль-ислам, в 1917 г. председатель Хивинского медресиса, с 1918 г. член партии младохивинцев, в 1920 г. участвовал в создании Хорезмской Народной Советской Республики, министр юстиции. В 1929 г. арестован и расстрелян.

³⁷ В книге А.Ю.Ватлина эта фотография опубликована без указаний фамилий этих трех хорезмских представителей (см.: 1).

Эта фотографии показывает, что на конгресс были допущены еще двое представителей ХСНР. Салимов, выступая на конгрессе 3 августа 1920 г., заявил: «Мы, хорезмские трудящиеся, во времена господства европейских капиталистов были раздавлены под политическим и экономическим гнетом их царей и парламентов, так как они томили в темницах малые народы, подобно нашему, предоставляя свободу лишь одним богачам. Ныне с помощью российской советской власти мы... объявили нашу страну независимой советской республикой. Мы искренне верим, что с помощью Востока, который недавно начал пробуждаться благодаря российской советской власти, трудящиеся всего мира в скором времени будут освобождены от руки насильников и капиталистов, и что народы Востока не выпустят из своих рук оружия до тех пор, пока трудящиеся всего мира не сплотятся в единую семью» [2, с.347–348]. Эти слова, в сущности, совпадали с рассуждениями Аминова, Полатходжаева и Ходжаева, принципиальной разницы не было в их позициях. После создания Бухарской Народной Советской Республики делегация Бухарской компартии была принята в состав Коминтерна в апреле 1921 г.

Среди гостей конгресса были самые разные представители мусульманских народов. 19 июля 1920 г. ЦБ МКОНВ обратился в Исполком Коминтерна с просьбой выдать гостевые билеты: Абсалям³⁸, Бикба³⁹вову⁴⁰, Брундукову⁴¹, Будейли⁴¹, Гимадиеву⁴², Гумерову⁴³, Дееву⁴⁴, Зай-

³⁸ Абсалям Минзакир Абдурахманович (1896–1981) – татарин, окончил медресе, учитель, с 1915 г. в армии. В марте–октябре 1917 г. товарищ председателя Тюменского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с ноября 1917 г. по январь 1918 г. член Мусульманского военного совета 3-й гренадерской дивизии, секретарь Мусульманского военного совета 11-й армии, в марте 1918 г. попал в немецкий плен, после возвращения из которого в ноябре того же года перешел на сторону белых в Крыму (служил в Симферопольской караульной команде), занимаясь подпольной работой против них, с апреля 1919 г. на службе в Красной армии, товарищ председателя Крымской мусульманской военной коллегии, член РКП(б), в сентябре 1919 г. направлен на учебу на восточное отделение Военной академии РККА, в 1920–1921 гг. помощник начальника военного отдела при полпредстве РСФСР в Турции и Персии, переводчик в полпредстве РСФСР в Турции, с 1922 г. секретарь и помощник военного атташе при Полномочном представительстве РСФСР/СССР в Турции, в 1923 г. окончил Военную академию РККА, в 1927–1931 гг. начальник разведывательного отдела Штаба Кавказской армии, в 1933–1937 гг. военный атташе при Полномочном представительстве СССР в Иране, участник советско-финской и Великой отечественной войн, затем на преподавательской и научной работе.

³⁹ Бикбавов (в тексте по-башкирски Бикбауфу (Бикбауову)) Абдрашит Ильясович (1896–1964) – башкир, в 1919 г. сотрудник Башкирского представительства при Президиуме ВЦИК, с 1921 г. зам. председателя СНК Башкирской АССР, с 1923 г. председатель правления Акционерного общества торговли «Баиторг», в 1930 г. арестован, в 1933–1935 гг. в ссылке.

нуллину⁴⁵, Ибрагимову, Каримовой⁴⁶, Мамедову⁴⁷, С.Маметову⁴⁸, Ра-

⁴⁰ Брундуков Микдад Юнусович (1896–1965) – татарин, учитель, с 1917 г. в армии, с 1918 г. член РКП(б), председатель Пермской губернской мусульманской военной коллегии, в 1919 г. зав. издательством губернского отдела национальностей, редактор татарской газеты «Коммунист», член Вятского губбюро коммунистов-татар, в 1920–1921 гг. военный руководитель Центральной мусульманской военной коллегии, в 1922–1924 гг. нарком просвещения Татарской АССР. В 1930 г. арестован и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, в 1938 г. арестован. После освобождения в 1950-х годах на педагогической работе.

⁴¹ Будаили (в тексте по-татарски Будейли) Махмут Каишфельгадиевич (1895–1975) – татарин, учился в медресе, журналист, в 1915–1916 гг. в армии, в 1917 г. председатель Совета воинов-мусульман 11-й армии, член РКП(б) с 1918 г., в 1920–1922 гг. нарком печати Бухарской Народной Советской Республики, заместитель наркома по делам национальностей Туркестана, с 1922 г. зам. наркомов здравоохранения и юстиции Татарской АССР. В 1929 г. осужден на 10 лет, затем получил дополнительный срок. В 1955 г. освобожден.

⁴² Гимадиев Зия (?–1938) – татарин, с 1910 г. в армии. В 1919 г. помощник заведующего политотделом Башкирской отдельной стрелковой бригады, делегат II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, в 1920 г. студент Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова, член Московского мусульманского бюро МКОИВ, в 1930-е годы сотрудник Узбекского НИИ марксизма-ленинизма, кандидат исторических наук, арестован в 1937 г., затем расстрелян.

⁴³ Гумеров Латиф Абдрахманович (1895, по другим данным 1897–?) – татарин, педагог, участник Первой мировой войны. В 1918 г. в РККА, в 1919 г. член РКП(б), агитатор-организатор в Уфимской губ., в 1920 г. член Московского мусульманского бюро МКОИВ, студент Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова, в 1921–1923 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁴ Деев (Таиров, Таиров-Деев) Али (1899–?) – уроженец Кавказа, освобожден из тюрьмы после Февральской революции 1917 г., член РСДРП(б) с 1917 г., в 1918–1919 гг. участник гражданской войны на Кавказе, в 1920 г. сотрудник ЦБ МКОИВ, инструктор Отдела Востока ЦК РКП(б), в 1920–1921 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁵ Зайнуллин Хайфулла Зайнуллович (1898–?) – татарин, счетовод, в 1918–1919 гг. агитатор-организатор 5-й армии РККА на Восточном фронте, зав. мусульманской секцией, инспектор Политотдела армии, публицист, в 1920 г. студент Коммунистического университета имени Я.М.Свердлова, председатель Московского мусульманского бюро МКОИВ. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁶ Каримова Шамси Ахмедовна (1903–1939) – татарка, в 1919 г. учащаяся, агитатор в Ташкенте, член РКП(б) с 1920 г., в 1920–1921 гг. сотрудник Женского отдела ЦК Компартии Туркестана, в 1925 г. окончила Коммунистический университет трудящихся Востока, затем инструктор областного Женского отдела Киргизского обкома ВКП(б), инструктор Женского отдела Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), зав. областного Женского отдела Татарского обкома ВКП(б), в 1929–1931 г. инструктор, зам. зав. Женским отделом ЦК ВКП(б), инструктор Агитмассового отдела ЦК ВКП(б), в 1932 г. окончила Институт подготовки кадров Института красной профессуры, в 1933–1936 гг. в Тувинской Народной Республике, член Райбюро ВКП(б), в 1937 г. зав. партка-

химкулову⁴⁹, Султанбекову⁵⁰, Гарпищеву⁵¹, Теркулову⁵², И.Хакки⁵³,

бинетом Свердловского райкома ВКП(б) в Москве.

⁴⁷ Возможно, Мамедов Мамед (1895–?) – лезгин, в 1920 г. студент Коммунистического университета имени Я.М.Свердлова (направлен Азербайджанской республикой), в 1926–1927 гг. студент Коммунистического университета трудящихся Востока.

⁴⁸ Меметов (Маметов) Селим (Салим) Меметович (1887–1938) – крымский татарин, учился в медресе, участник революционных событий 1905–1907 г., писарь, член РСДРП в 1905–1907 гг., в 1917 г. член созданной в Крыму Партии объединенных татарских социалистов-федералистов, член РКП(б) с 1918 г., участник гражданской войны в Крыму, воевал против белых, работал в подполье, затем нарком иностранных дел Крымской социалистической советской республики (1919 г.), в 1920-х годах нарком земледелия Крымской АССР, член Крымского обкома ВКП(б). С 1928 г. подвергался репрессиям, выслан из Крыма, осуждался в 1935, 1936 и 1937 гг. Расстрелян.

⁴⁹ Рахимкулов Абдрахман Багаутдинович (1889–1959) – татарин, учился в медресе, учитель, с 1915 г. в армии, в 1917 г. член полкового, дивизионного, армейского комитетов воинов-мусульман 1-й особой армии Западного фронта, участник I Всероссийского мусульманского съезда в Москве (май), I Всероссийского мусульманского военного съезда в Казани (июль), депутат Национального собрания мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), сотрудник Центрального мусульманского комиссариата (1918–1919 гг.), в 1919–1922 гг. учился в Военной академии Красной армии, в 1922–1930 гг. на дипломатической работе в Турции, в 1930-е годы сотрудник Института востоковедения (Москва), Главлита РСФСР, с 1942 г. Телеграфного агентства СССР.

⁵⁰ Султанбеков Файзрахман Файзулхакович (1892–1940) – татарин, учился в медресе, учитель, в 1916–1917 гг. в армии, в 1917 г. председатель мусульманского комитета 1-го Сибирского запасного полка, в 1918 г. член Временного революционного Совета Башкир-дистана, сотрудник Центрального Татаро-Башкирского комиссариата, в 1919–1920 гг. зав. бюро при политическом отделе агитационного поезда «Красный Восток», совершавшем поездки по Средней Азии. В 1920–1923 гг. председатель Союза кооперативных обществ Бухары и Ташкента, в 1924–1930 гг. председатель обкома профсоюзов сельскохозяйственных рабочих и батраков Татарской АССР. Арестован в 1928 г., умер в заключении.

⁵¹ Гарпищев Хусаин Ганеевич (1895–1937) – татарин, в 1917 г. учился в Московском коммерческом институте, с 1918 г. в Красной армии; зав. мусульманской секцией политотдела 1-й армии Восточного фронта, начальник политотдела 2-й Туркестанской дивизии, работник Политуправления Заволжского военного округа, начальник восточного отдела Политуправления РВСР. В начале 1920-х гг. член ЦБ агитации и пропаганды среди тюркских народов при ЦК РКП(б), в 1925–1930 гг. зам. управляющего Казанской конторой Госбанка СССР, нарком финансов Татарской АССР, в 1932 г. арестован, в 1933 г. приговорен к 3 годам ссылки, в 1937 г. арестован, затем расстрелян.

⁵² Теркулов Хусаин – татарин, в 1918–1919 гг. секретарь Комиссариата по делам мусульман г. Москвы при Совете рабочих и крестьянских депутатов г. Москвы, член президиума Московского комитета РКП(б) мусульман. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁵³ Хакки Исмаил Абдул-Алим (1887–?) – турок, окончил Стамбульский университет, учитель, с декабря 1918 г. член ЦБ Турецких коммунистических организаций, осенью 1919 г. Комиссариатом народного просвещения Туркестанской Советской Республики

Чанышеву⁵⁴, Юмагулову и др. [19, д.63, л.206]. Однако вместо запрошенных 28 билетов ЦБ МКОНВ получило только 3 билета (в утвержденном списке указано 5 билетов), вместо 23 билетов Наркомнац – 2 билета (в утвержденном списке указано 4 билета), вместо 3 билетов Представительство Башкирской АССР – 1 билет, вместо 3 билетов Представительство ВРК Киргизского края – 1 билет [19, д.63, л.11; д.64, л.132, 150, 153]. Таким образом, попытка Сталина, возглавлявшего Наркомнац и руководившего ЦБ МКОНВ, провести на конгресс как можно больше своих кадров, не вызвала поддержки со стороны Исполкома Коминтерна, которым руководил Зиновьев. Причем, к примеру, И.Хакки, который был направлен на конгресс ЦБ Турецких коммунистических организаций, еще 22 июня 1920 г. получил от этого исполкома удостоверение делегата конгресса [20, д.102, л.9]. На заседании конгресса 28 июля 1920 г. Хакки внес поправку к резолюции Ленина по национальному и колониальному вопросам [12, 29 июля]. Нахождение турецких коммунистов в Советской России было связано с расчетом советского руководства использовать их для распространения своего влияния на страны Востока, особенно на среднеазиатские республики.

**Коминтерновцы-мусульмане:
пропагандисты, дипломаты,
разведчики**

В честь II конгресса и по его окончании Московским мусульманским бюро МКОНВ были устроены митинги мусульман, один из них состоялся на Николаевском вокзале в Москве с участием прибывших туда военнопленных-мусульман (800 человек) из Германии [23, д.117, л.33].

Работа конгресса освещалась подробно в прессе, как столичной, так и в региональной, присутствовавшими на нем корреспондентами различных изданий. 19 июля 1920 г. ЦБ МКОНВ обратилось с ходатайством о выдаче билета для посещения конгресса Ш.Ахмадиеву⁵⁵, который

направлен на преподавательскую работу в г. Полторацк (Аихабад), весной 1920 г. направлен в распоряжение Крымского обкома РКП(б) для работы среди крымских татар, в 1921 г. инструктор Народного комиссариата труда Азербайджанской ССР. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁵⁴ Чанышев Хафиз Алиаскарович (1882, по другим данным 1884, 1886–1934) – татарин, повар, в 1917–1918 гг. член, председатель правления Петроградского союза работников народного питания, член РКП(б) с 1918 г., в 1918–1920 гг. инструктор НКВД РСФСР, член Казанского губкома РКП(б), в 1925–1926 гг. председатель Представительства Татарской АССР в Москве, с 1927 г. член Малого Совнаркома РСФСР.

⁵⁵ Ахмадиев (Ахмадеев) Шагит Гимадутинович (1888–1930) – татарин, учился в медре-

являлся корреспондентом печатных органов этой организации, а также Центральной мусульманской военной коллегии, Ревкома Татарской АССР: татарских газет «Эшче» («Рабочий»), «Кызыл Армия» («Красная Армия»), «Татарстан хабарля» («Известия Татарстана») [19, д.64, л.129–129 об, 130]. В этих газетах велась пропаганда идей «пробуждения» мусульман и союза их с европейским пролетариатом для борьбы с «мировым империализмом».

В реализации этой политики приняло участие, в частности, Регистрационное управление (Региструп) Полевого штаба РВСР, на которое была возложена координация усилий разведывательных органов подразделений РККА и подготовка разведывательной информации для Полевого штаба РККА. Регистрационное управление стало первым центральным органом военной агентурной разведки РККА и первым центральным органом военной контрразведки. Заместитель начальника этого управления А.Ф.Северов-Одоевский в августе 1920 г. написал в ЦБ МКОИВ, что часть подобной работы выполняется при содействии зарубежных коммунистов. «Для более успешной и плодотворной работы при Региструпе организованы специальные курсы разведки, задачей которых является подготовка опытных работников-коммунистов, которые по окончании курсов могли быть руководителями различных видов разведки, а также использованы для персональной посылки в тыл неприятеля в качестве организаторов тайной разведки (резидентов). Для этой цели необходим определенный кадр товарищей-коммунистов, как мужчин, так и женщин, развитых, с образованием, по возможности, не ниже среднего и хоть немного знакомых с военным делом (для женщин последнее не обязательно). Принимая во внимание общегосударственное значение курсов, а также ту колоссальную политическую и партийную роль, которую по окончании курсов будут выполнять курсанты, Регистрационное управление РВСР убедительно просит вас, товарищи, прислать немедленно на курсы [Москва, Лубянка, 12, Региструп] возможно больше товарищей-коммунистов, мужчин и женщин, которые бы удовлетворяли вышеуказанным требованиям».

Это распоряжение было принято к исполнению руководством МКОИВ. Так, еще в 1919 г. в Бухарский эмират через НКВД РСФСР был послан член ЦБ МКОИВ А.Мухитдинов, для работы в Турции –

се, литератор, публицист, в 1917 г. один из организаторов и руководителей Общества татарских приказчиков, в 1917–1918 гг. депутат Национального собрания мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, в 1918–1919 гг. комиссар народного просвещения Казанской губернии, в 1921–1924 гг. нарком просвещения Туркестанской АССР, в 1924–1927 гг. нарком просвещения Татарской АССР.

также через НКВД РСФСР, были осенью 1920 г. направлены в качестве работников Представительства РСФСР слушатели Академии Генштаба РККА М.Абсалямов, О.Багиров, М.Мамедов⁵⁶, А.Рахимкулов, Х.Таканаев⁵⁷, Г.Ямбулатов⁵⁸. Султан-Галиев от имени ЦБ МКОНВ предложил для подготовки таких «работников», в частности в тюркских странах, организовать трехгодичную их подготовку, для чего создать Восточный институт [16, д.400, л.8–8 об., 13, 28], который по приказу Л.Д.Троцкого был создан в феврале 1920 г. как Восточное отделение при Академии Генерального штаба РККА.

Многие делегаты конгресса, уезжавшие за границу, получали на руки драгоценности и значительные суммы для организации партийной работы в своих странах, в том числе в Турции. Турецкие делегаты конгресса, по словам А.Ю.Ватлина, прокутили эти деньги в Стамбуле и вернулись за новыми субсидиями в Баку. Здесь Субхи получил в ноябре 1920 г. 500 тыс. рублей царскими купюрами и драгоценностями [1, с.136].

После II конгресса один из его делегатов Г.Я.Сокольников был назначен командующим Туркестанским фронтом, председателем Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председателем Туркбюро ЦК ВКП(б), руководя, таким образом, утверждением советской власти в Центральной Азии. Во время конгресса он встречался с его участниками, в том числе с представителями мусульманских народов. Об этом, в частности, свидетельствует приводимая фотография.

⁵⁶ Мамедов М.О.О. – в 1922 г. слушатель Военной академии РККА, затем откомандирован в штаб Московского военного округа. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁵⁷ Таканаев Халиль Чингисович (1897–1937) – касимовский татарин, мобилизован в армию в 1916 г., окончил в 1917 г. Петергофскую школу прапорщиков. Член РКП(б) с 1918 г., в Красной армии с 1919 г., командир роты Рязанского коммунистического батальона (1919–1920 гг.), в 1920 г. окончил ускоренный курс Военно-хозяйственной академии РККА, в 1924–1930 гг. (с перерывами) восточный факультет Военной академии им. Фрунзе, на службе в военной разведке в 1930–1936 гг. Затем уволен из РККА и расстрелян.

⁵⁸ Ямбулатов (Ямбулатов) Галимбек (Галим) Хасанович (1892–?) – татарин, учился в реальном училище в Петербурге, офицер. В 1917–1918 гг. левый эсер-интернационалист, инструктор-организатор Центрального мусульманского комиссариата, в мае 1918 г. командирован в Уфу, где занимался формированием мусульманских отрядов, командовал мусульманскими частями, воевавшими с дутовцами, чехословаками и красновцами, затем направлен в Нижний Новгород для организации губернского мусульманского комиссариата, в 1918–1919 гг. член коллегии Нижегородского губкома, в Красной армии, командир, член РКП(б) с 1919 г., в начале 1919 г. слушатель Академии Генерального штаба РККА, затем сотрудник Представительства РСФСР в Турции. Дальнейшая судьба неизвестна.

Слева направо: 1. Делегат II конгресса Коминтерна, член Бюро Московского комитета РКП(б) Г.Я.Сокольников. 2. Член Бюро Московского комитета РКП(б) Г.А.Аронштам. 3. Член Бюро Московского комитета РКП(б) С.И.Полидоров. 4. Член Исполкома Московского комитета РКП(б) О.А.Пятницкий. 5. Член Исполкома Московского комитета РКП(б) П.С.Заславский. 6. Член Бюро Московского комитета РКП(б) А.С.Бубнов. 7. Секретарь Московского комитета РКП(б) И.А.Зеленский. 8. Индийский революционер М.Баракатулла. Москва, Московский комитет РКП(б). Лето 1920 г. Публикуется впервые.

Запечатленный на этой фотографии известный и авторитетный мусульманский богослов, проповедник и политик М.Баракатулла (премьер-министр Временного правительства свободной Индии, созданного в Кабуле в 1915 г. группой индийских революционных эмигрантов, член партии Индийский национальный конгресс) находился в период гражданской войны в Советской России, в мае 1919 г. встречался с Лениным, а так же, оставаясь в России до 1922 г., и с другими советскими руководителями, к примеру с Зиновьевым, Троцким, Сталиным, вел пропаганду среди мусульман бывшей империи, призывая их поддержать советскую власть. Так, весной 1919 г. в Ташкенте была издана его брошюра «Большевизм и исламская политическая система», которая предназначалась для распространения среди широких мусульманских масс Азии, и вызвала там большой отклик. Летом 1919 г. во всей Средней Азии широкое распространение получила подписанная Баракатуллой листовка под названием «Ко всем мусульманам Азии», в которой политика Великобритании на Востоке

характеризовалась как антимусульманская и содержался призыв ко всем мусульманам встать на борьбу против британцев. Далее в ней было сказано: «Деспотический режим царя пал. У народов возникли братские чувства, и родилась могучая и уникальная революция. Англичане противятся этому духу свободы и равенства, особенно опасаются они его распространения в Азии, в частности в Индии, где боятся пробуждения индийских мусульман... Ваше содействие очень важно и не только... поможет спасти Туркестан, но также поможет освобождению священных центров ислама и владений Оттоманской империи. Ваши усилия принесут спасение всей Азии...» [9, с.247–248, 251, 263]. Призывая мусульман Азии встать под знамя III Интернационала, Баракатулла ссылаясь на пример Туркестана, где мусульманское население якобы являлось хозяином своей страны, где Красная армия лишь защищала его от британской оккупации. Однако уехав из России в Европу, этот проповедник дал совершенно иную оценку большевистским лидерам и их политике в отношении мусульманского населения России и Средней Азии. «Удивительные люди эти большевики, – говорил Баракатулла в Лозанне в весной 1923 г. в разговоре с туркестанцем-эмигрантом. – Когда слушаешь их слова, читаешь их прокламации, утоляешь всю жажду национальных устремлений. А вот когда подумаешь, что они сделали в Туркестане, Киргизии, Башкирии, то охватывает ужас... Я пришел к убеждению, что политика советской власти в Туркестане губительна для самого существования мусульманского населения этой страны» [4, 13 апреля]. Не только у Баракатуллы, но и у других коминтерновцев из мусульман возникли сильные сомнения в истинных целях кремлевского руководства в отношении мусульманских народов.

**Провал проекта
«Исламинтерн»**

Ставка Кремля на то, чтобы превратить Ташкент или Бухару в привлекательные для восточных стран революционные центры, не удалась, так как в Туркестане все больше и больше усиливалось вооруженное басмаческое движение, стремившееся бороться здесь против советской власти. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерин в записке Ленину 27 сентября 1920 г. сообщил, что возможно появление османского султана в «Малой Азии для проповеди священной войны против нас. Это может повести к широкому контрреволюционному мусульманскому движению и к потере для нас Баку и, может быть, Туркестана и даже к серьезным опасностям у нас на нашем востоке» [17, д.57, л.3]. Тогда в Политбюро ЦК РКП(б) было решено использовать в своих целях советизированный весной 1920 г. Азербайджан, где в сентябре этого

года был устроен грандиозный съезд народов Востока – международное мероприятие, которое привлекло к себе внимание многих стран. Таким путем советское руководство хотело превратить Баку в «коммунистическую Мекку» для всех восточных народов, откуда большевики могли вести соответствующую пропаганду и самую разнообразную деятельность. Из Москвы в Баку был отправлен специальный поезд, на котором ехали на конгресс многие его участники.

← Поезд с участниками конгресса народов Востока на пути из Москвы в Баку. Конец августа 1920 г. Справа налево: У.Токумбетов⁵⁹, А.И.Микоян с мальчиком, И.Хакки. Публикуется впервые.

Бакинский конгресс был ответной реакцией Кремля на решения Парижской мирной конференции, закончившей свою работу в январе 1920 г., в интересах победивших держав, в работе конгресса принял участие и ряд участников коминтерновских конгрессов.

Цель большевистской пропаганды по созданию «Исламинтерна», для которой привлекались коммунисты и социалисты из мусульман, состояла в том, чтобы ориентировать народы Востока на поддержку Советской России, поднять их на борьбу против победивших в мировой войне держав, вызвать революции в их колониальных и полуколониальных странах.

⁵⁹ Токумбетов Усман (Гусман, Осман) Идиатуллич (Гидаятуллич) (1888 – после 1941) — татарин, в 1915 г. окончил юридический факультет Петроградского университета, в октябре 1916 г. окончил Школу прапорщиков по Адмиралтейству (мичманов военного времени), которая открылась в июле 1916 г. в Ораниенбауме, и зачислен младшим офицером в 11-ю роту Балтийского флотского экипажа. В 1917 г. один из организаторов и руководителей Всероссийского мусульманского военного совета, один из руководителей II Всероссийского мусульманского военного съезда (Казань, январь — февраль 1918 г.), по решению которого направлен в Германию для работы среди военнопленных-мусульман. Весной 1918 г. оказался в Крыму, где принимал участие в общественно-политической жизни крымских татар. С 1923 г. эмигрант. Жил сначала в Европе, затем в Турции.

Однако этот проект не принес сколько-нибудь заметных результатов для советского руководства.

Выводы

Численность прибывших коммунистов-мусульман для участия в работе II конгресса Коминтерна, увеличилась по сравнению с I конгрессом в несколько раз, что само по себе свидетельствует, что II конгресс вызвал большой интерес среди политиков-мусульман, как сторонников коммунистических идей, так и перешедших на сторону советской власти в ходе гражданской войны. Среди них были, как правило, образованные люди, учившиеся в медресе и в различных средних и высших учебных заведениях, преимущественно в возрасте от 25 до 30 лет. Только около 10 человек стали делегатами I конгресса, примерно столько же было участников коммунистов-мусульман на II конгрессе. Несмотря на коммунистическую риторику, даже эти представители немногочисленной прокоммунистической элиты из мусульман не были ни пламенными революционерами, ни тем более фанатиками большевистского Корана. Они служили у большевиков, но оставались верными своим идеалам, взглядам, связанными со своими народами.

В биографиях большинства участников и гостей этих конгрессов Коминтерна сведения о том, что они (к примеру, Адигамов, Альтемиров, Багиров, Касимов, Халидов) там были, отсутствуют. Более того, даже Ибрагимов и Султан-Галиев, осознавая необходимость секретности своей принадлежности к этой тайной организации, нацеленной на мировую революцию, вовсе не упоминали об этих крупных международных событиях в своих книгах и статьях, а их биографы вовсе не знают о таком важном факте в их политической карьере. Валидов в своих мемуарах, написанных в эмиграции, также не указал, что пытался попасть на II конгресс и выступить там.

Лишь немногие из участников I–II конгрессов Коминтерна стали делегатами последующих конгрессов, в частности, Меметов (III конгресс), Саид-Галиев (III конгресс), Букейханов (IV конгресс), остальные, надо полагать, были заняты реализацией поставленных конгрессом задач в мусульманском мире, причем о дальнейшей судьбе некоторых из них ничего не известно.

При создании Коминтерна Политбюро ЦК РКП(б) стремилось «пробудить» народы Востока, в том числе мусульман, населявших бывшую Российскую империю, а также Бухарский эмират и Хивинское ханство, подняв их на борьбу против своих противников прежде всего при помощи их

влиятельных представителей (появление на конгрессе коммунистов Хивинского шейх-уль-ислама Салимова достаточно красноречиво свидетельствует о союзе большевиков с религиозными лидерами ради достижения своих целей). Однако уже с конца 1920-х годов и особенно в 1930-х годах большинство участников и гостей I–II конгрессов Коминтерна, так или иначе представлявших на них мусульманские народы России и сопредельных стран, сделавших очень многое для этого «пробуждения», сами погибли в результате репрессий.

Библиографический список

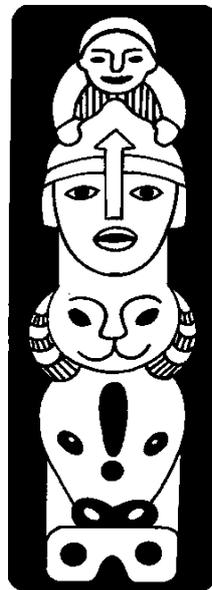
1. Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019. 173 с.
2. Второй конгресс Коминтерна. Июль – август 1920 г. М., 1934. 754 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Р-1318. Оп.11.
4. Дни (Париж). 1923.
5. Жизнь национальностей (Москва). 1919.
6. Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. 512 с.
7. Коминтерн и Восток. Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. М., 1981. 471 с.
8. Коммунистический интернационал (Москва). 1919.
9. Митрохин Л.В. Идеи будущего устройства Индии в работах индийских мусульманских революционных демократов (20-е годы XX в.) // Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества, М., 1992. С.245–264.
10. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933. 275 с.
11. Персиц М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 – июль 1920) // Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С.53–109.
12. Правда (Москва). 1920.
13. Пестсковский С. Революция и Восток (съезд народов Востока). Ростов-на-Дону, 1920. 32 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.5. Оп.3.
15. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65.
17. РГАСПИ. Ф.159. Оп.2.
18. РГАСПИ. Ф.488. Оп.1.
19. РГАСПИ. Ф.489. Оп.1.
20. РГАСПИ. Ф.495. Оп.266.
21. РГАСПИ. Ф.544. Оп.4.
22. РГАСПИ. Ф.558. Оп.1.
23. РГАСПИ. Ф.583. Оп.1.
24. Сафаров Г. О задачах политической работы на Востоке // Политработник (Москва). 1920. С.4–9.
25. Туркестанский коммунист (Ташкент). 1919.

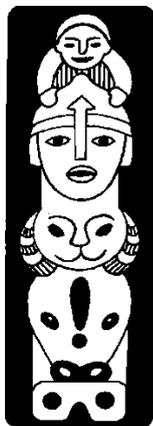
История – это правда, которая становится ложью. Миф – это ложь, которая становится правдой.

Жан Кокто

Каждый миф есть одна из версий
правды.

Маргарет Этвуд

Владимир Лапин

«ПОКОРИТЕЛИ ТУРКЕСТАНА»

ГЛАВНЫЕ ЛИЦА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИИ*

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94 (47) 08

Статья посвящена главным действующим лицам в процессе присоединения Средней Азии к Российской империи, генералам М.Д.Скобелеву, М.Г.Черняеву, К.П. фон Кауфману, Г.А.Колпаковскому. Самыми известными в России были генералы Скобелев и Черняев, что было связано с их харизматичностью. Главная же причина их популярности – поддержка со стороны националистических кругов, которые сделали из Скобелева и Черняева своеобразные иконы героев – борцов за свободу славян. Для определения степени популярности генералов – строителей империи был изучен список книг, посвященных этим военачальникам. Первое место занял Скобелев, поскольку он является одной из центральных фигур Российского исторического мифа.

The article is devoted to the main characters in the process of accession of Central Asia to the Russian Empire, generals M.Skobelev, M.Cherniaev, K.Kaufman, G.Kolpakovsky. The most famous in Russia were Generals Skobelev, Cherniaev, which was due to their charisma. The main reason for their popularity is the support from nationalist circles, who made from Skobelev and Cherniaev original icons of the heroes of the fighters for the freedom of the Slavs. To determine the degree of popularity of the generals – builders of the empire, a list of books devoted to these military leaders was studied. The first place was taken by Skobelev, since he is one of the central figures of the Russian historical myth.

Ключевые слова: историческая память; Средняя Азия; генералы; Российская империя.
Key words: historical memory; Central Asia; generals; Russian empire.

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №17–18–01589.

Главный герой

Одна из характерных черт историописания – связь важных событий (реформы, революции, «эпохи», войны и т.п.) с именем человека, сыгравшего в них роль, которая современниками и (или) потомками признавалась главной. При этом в огромном числе случаев мнения первых и вторых расходились. В тех случаях, когда таких действующих лиц оказывалось несколько, на помощь приходили выверенные приемы конструирования действительности. Чаще всего формировался иерархический ряд, с обязательным определением лидера, а если это оказывалось затруднительным, события разделялись на части, позволявшие сравнительно бесконфликтно поделить статус главного героя. Такое нередко встречается в описаниях вооруженных конфликтов и при формировании исторической памяти о таковых. В результате лицом Отечественной войны 1812 года стал образ М.И.Кутузова, обороны Севастополя и всей Крымской войны 1853–1856 гг. – образ П.С.Нахимова, Русско-японской войны 1904–1905 гг. – образ С.О.Макарова. Список таких лиц-символов можно продолжать и продолжать как на отечественных, так и на зарубежных примерах. Изображения этих военачальников становились ясно читаемыми знаками эпохальных военных столкновений. Чей портрет и почему претендует на право занять самое почетное место в символической галерее «покорителей Туркестана»?

Вопросы такого рода часто связывают с понятием «исторической справедливости», которая по сути является конструктом, созданным для притязания на право считаться символическими «наследниками» героев прошлого. И размер этого символического «наследия» напрямую зависит от величия образа тех, кого помещают в национальный пантеон. Другими словами, посмертная слава создается усилиями акторов, по разным причинам заинтересованных в формировании соответствующего имиджа деятелей прошлого.

Как выглядит приз

Во второй половине XIX столетия, сломив активное и массовое сопротивление кавказских горцев, укрепив свои позиции на пространстве между Каспийским и Черным морем, Россия совершила следующее расширение границ – включила в свой состав Кокандское и Хивинское ханство, Бухарский эмират, Туркмению и

другие земли, получившие название Туркестан. Приращение было огромным во многих измерениях. На географической карте в имперский цвет окрашивалась обширная территория площадью почти в два миллиона квадратных километров с населением около шести миллионов человек. Продвижение границы до Копет-Дага, Памира и Тянь-Шаня не пополнило казну, страна развивала восточные периферийные регионы за счет ресурсов центральных губерний. Не увеличился пропорционально приросту населения и призывной контингент, поскольку местные жители не подлежали призыву в армию. Но в имперском сознании (очень важном для правительства и российской элиты!) завоевание Туркестана воспринималось как событие исключительной важности. При описании владений русского царя стали звучать совершенно экзотические восточные названия – Самарканд, Ташкент, Аму-Дарья, Кара-Кум, Гиндукуш. В середине XIX века среди подданных русского царя было много «азиатцев» (официальный термин для инородцев Кавказа, Казахстана и Сибири). Однако настоящей Азией со всей ее реальной и вымышленной экзотикой для жителей Русской равнины оставались земли за Каспийским морем.

Очень важное обстоятельство: Восток (Крым, Кавказ, Туркестан) имел для российских военачальников особую притягательность потому, что именно здесь руководимые ими солдаты шагали по тем же дорогам, по которым шагали воины полководцев легендарного прошлого – Митридата, Александра Македонского, Тамерлана, Чингиз-хана, Дария I, Помпея Великого. Туркестан был ареной, на которой отечественная военная история географически пересекалась с военной историей античности. Русские генералы своими руками присоединяли к империи земли, о которых читали в книгах, будучи еще кадетами! Назначая на 12 января штурм туркменской крепости Геок-Тепе, М.Д.Скобелев сказал штабным офицерам: что 80 лет назад, в этот памятный день, Павел I приказал казакам М.И.Платова устроить первый этапный пункт для похода в Индию. При этом генерал многозначительно добавил, что второй пункт будет в Герате – в городе, захваченном Александром во время его знаменитого восточного похода [27, с.187].

Русские гарнизоны в Самарканде и Ашхабаде давали повод для разговоров о том, что русские знамена развеваются на границах Индии, что Британские владения находятся в досягаемости русских штыков. Ф.М.Достоевский в 1881 г., узнав из газет о взятии Геок-Тепе, записал в своем дневнике: «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до

самых отдаленных пределов ее: "Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился". И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его.... Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему... потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [9, с.33].

Трудности выбора

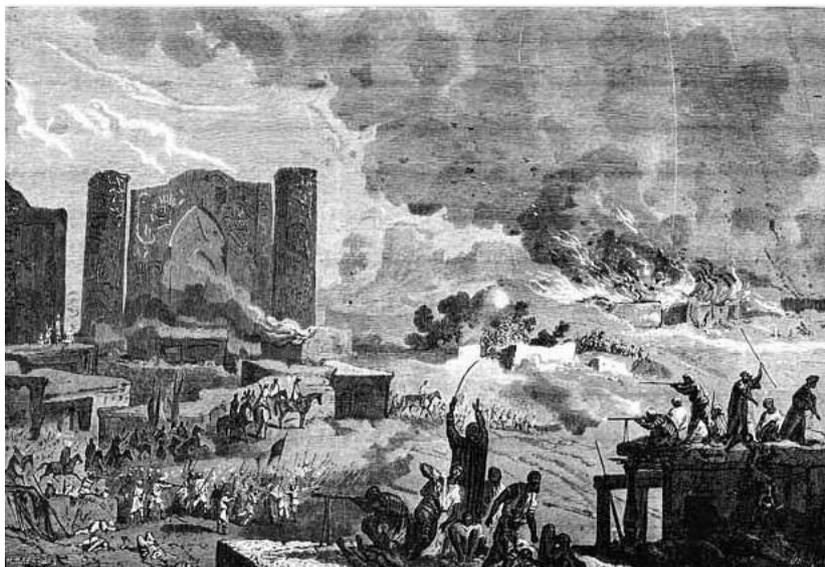
Сама организация вооруженных сил и боевая практика создавали препятствия для однозначного ответа на вопрос: кого считать творцом победы? Общее руководство кампанией осуществлял командующий армией, стратегический замысел воплощал начальник корпуса, а победа была достигнута благодаря удару, который нанес командир одной из дивизий? По горячим следам викторий известная справедливость выражалась в награждении всех трех участников. Но затем акцент все более и более смещался на одну из фигур, причем потомки в своих оценках боевых заслуг удалялись от анализа конкретных действий генералов, от использования материалов о боях и походах. Одни персоны уходили в тень, другие выдвигались на авансцену в зависимости от места, которое им было уготовано в отечественном героическом мифе.

Один из ярких тому примеров: А.В.Суворов вовсе не был единственным успешным военачальником в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг. Но в российском военно-историческом мифе он постепенно вытеснял прочих военачальников и, наконец, прочно занял место главного героя этих эпохальных столкновений двух империй в Черноморском регионе. Туркестанский случай еще более запутанный, поскольку, как уже говорилось в предыдущей статье¹, присоединение Средней Азии растянулось на несколько десятилетий.

Кроме того, довольно сложной оказалась и схема «заслуг». Ташкент и Чимкент – важнейшие пункты Кокандского ханства – взял М.Г.Черняев, общее руководство военными действиями осуществлял

¹ См. журнал «Россия XXI», №1 от 2020 года.

К.П. фон Кауфман. Он же командовал войсками в сражении 22 августа 1875 г. у Ходжента, после чего был подписан договор, лишивший это государство внешнеполитической самостоятельности. В 1876 г. Кауфман добился от Александра II разрешения покончить с самим существованием Кокандского ханства и создать на его территории Ферганскую область. При этом первым в Коканд в 1876 г. вошел М.Д.Скобелев, он же отличился при подавлении мятежей в этом регионе и стал первым губернатором новой административно-территориальной единицы империи. Главную роль в присоединении Бухары также сыграл Кауфман. Войска под его началом разгромили войска эмира 1 мая 1868 г. на р. Зеравшан, ему на следующий день открыл ворота Самарканд, он же выручил осажденный в цитадели этого города отряд, оказавшийся в западне после восстания. Наконец, 2 июня 1868 г. Кауфман одержал окончательную победу над бухарским ополчением на Зерабулакских высотах и подписал с эмиром договор о российском протекторате. Этот же генерал был руководителем покорения Хивы в 1873 г., занимался подготовкой похода 1881 г. против туркмен, но брал штурмом крепость Геок-Тепе Скобелев. В известиях о победах русского оружия в Средней Азии часто упоминались имена генералов А.К.Абрамова, Г.А.Колпаковского, Веревкина и ряда других военачальников.

Защита Самаркандской цитадели. Рисунок Н.Каразин, грав. И.Матюшин. 1872

Но именно Кауфман при самом строгом учете боевых заслуг получал право занять первое место в списке «покорителей Туркестана». Все остальные военачальники по делам своим заслуживали звание «сратников», и совершенно справедливо в одном из проектов памятника в честь присоединения Средней Азии Кауфман занимал место на вершине пьедестала, а фигуры генералов А.К.Абрамова (1836–1886), М.Г.Черняева, М.Д.Скобелева и Г.А.Колпаковского предлагалось поместить несколько ниже по углам мемориала. Однако на историческую память ход событий и действительные заслуги не оказывали определяющего влияния. Гораздо важнее оказывались последствия того, как образ того или иного военачальника формировался в соответствии с тем, насколько этот генерал был важен как элемент «исторического наследства» для потомков.

Белый генерал Скобелев

Михаил Дмитриевич Скобелев принадлежит к числу наиболее мифологизированных фигур отечественной истории. В предельно кратком варианте он характеризуется как главный

герой «покорения Туркестана» и «освободитель Болгарии». Первое связано с его действиями в Средней Азии, второе – с участием в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Его первый приезд «на Восток» в 1869–1870 гг. закончился скандалом: «за нарушение дисциплины» его отправили «в Россию», несмотря на то, что он успел отличиться, проведя разведку подступов к Хивинскому ханству. В 1873 году Скобелев участвовал в Хивинском походе, проявив храбрость и навыки организатора при движении отряда через пустыню. Но и эта экспедиция не обошлась без скандала: войска под его командованием штурмовали город, когда с другой стороны в него без боя входил К.Н.Кауфман. Поклонники «белого генерала» объясняли инцидент недоразумением, а критики – нестерпимым желанием отличиться и заработать награду, которая не могла быть получена без «кровопролития». Последняя версия выглядит более убедительно на фоне всем известного тщеславия Скобелева и смущения туркестанских ветеранов по поводу того, что местные ополчения не оказывали должного сопротивления. Не получив вожацки боевого ордена за боевые действия, он добился такового, совершив переход через Кара-Кум в целях разведки возможных путей движения воинских частей через эту пустыню. В 1875 г. Скобелев в третий раз приезжает в Туркестан и командует конными отрядами при ликвидации

Кокандского ханства, а в 1876 г. становится первым начальником Ферганской области, образованной на месте этого государства. Но уже через несколько месяцев из-за обвинений в злоупотреблении служебным положением его снимают с должности. Поклонники генерала объясняют этот, уже третий, скандал происками врагов, которые завидовали его успехам и славе. Серьезность обвинений подтверждается (хотя и косвенно) исключением Скобелева из состава царской свиты: такие решения принимались очень обдуманно.

Спасением для опального, скандального, но уже популярного генерал-майора стала война 1877–1878 гг., в которой он играл второстепенные роли. Произошло счастливое «совпадение звезд», сделавшее Скобелева тем самым ликом освободителя славян. Формат статьи не позволяет объяснить этот феномен. Отметим только, что в поиске «настоящего полководца и народного вождя» общественное мнение остановилось именно на нем. Уместно отметить, что полководец имел мощную поддержку в лице министра императорского двора А.В.Адлерберга, женатого на его родной тетке и бывшего к тому же личным другом Александра II. Не может быть сомнений в том, что широкие и прочные связи «в верхах» всегда и везде способствовали успешной карьере. Очень важно и то, что Скобелев стал любимцем журналистов.

М.Д.Скобелев

Образ М.Д.Скобелева собран из одних эффектов. Его называли «белым генералом» за появление перед войсками в белой фуражке, белом кителе и на белом коне, что порождало ассоциации

о вожде «воинства света» в борьбе с «силами тьмы». Молву о неуязвимости порождали сведения о ранениях и контузиях, которые ни разу не выводили его из строя. Скобелев поддерживал легенду о своей «заговоренности» от пуль и клинков. Он публично наказал денщика, подавшего ему китель с черным пятном, которое должно было «притянуть» вражескую пулю. При высадке на берег в Туркестане приказал спустить с парохода за борт своего белого коня, объявив, что благополучно добравшийся до берега четвероногий боевой товарищ проложил ему дорогу

к победе. Все это только отчасти являлось позерством или особым армейским шиком. Войска проникались уверенностью в своих силах, и это чувство компенсировало физическую усталость, тактические ошибки и даже превосходство противника в численности и качестве вооружения. Поскольку исход сражения и кампании определяется множеством факторов, даже штабные офицеры далеко не всегда способны дать основательный анализ причинам победы или поражения. Солдаты же объясняют по схеме «удача–неудача». Последнее слово даже заняло прочное место в официальном военном лексиконе для обозначения поражения, вне зависимости от того, было оно вызвано тактическими ошибками, неблагоприятными условиями или многочисленностью врага. Реноме удачливого командира удесятерило силу войск, которыми он руководил, поскольку каждый солдат и офицер воспринимал себя находящимся под покровительством харизматичного военачальника.

Уж после войны с турками, Скобелев стал известен благодаря еще одному скандалу, имевшему уже международный характер. Он произнес в Париже антигерманскую речь, доставившую немало хлопот российским дипломатам. Смерть генерала в 1882 г. при весьма скандальных обстоятельствах из-за причастности немки-кокотки также сыграла важную роль в росте его популярности, поскольку в патриотических кругах утвердилась версия об отравлении народного героя.

**Русский солдат
с приставкой фон**

На памятнике Константину Петровичу фон Кауфману в Ташкенте выбиты слова, показывающие, что сам он считал себя русским солдатом. Действительно, несмотря на характер-

ную «баронскую» приставку к фамилии, называть этого человека немцем некорректно. Его дед погиб в бою с турками, отец участвовал в войнах Александра I и Николая I. Будущий герой Туркестана получил боевую практику и реноме храбреца на Кавказе (орден Св. Георгия 4-й ст. и Золотая сабля), обнаружил качества умелого администратора на посту правителя канцелярии Военного министерства в эпоху реформ Александра II, заслужил доверие императора, включившего Кауфмана в свою свиту и отправившего в 1865 г. его генерал-губернатором в Вильно умиротворять Литву после восстания 1863–1864 гг. Наконец, в 1867 г. царь назначил его первым лицом в своих среднеазиатских владениях – генерал-губернатором Туркестана. Таким образом, к моменту вознесения на вершину управленческого аппарата империи Кауфман

был уже вполне состоявшимся государственным деятелем, в отличие от Скобелева, Черняева и других соперников.

Кауфман прибыл в ноябре 1867 г. в Туркестан, когда край был в неустойчивом состоянии: владыки Хивы, Коканда и Бухары уже испытали силу русского оружия, но сохраняли независимость и надежду ее отста-

К.П. фон Кауфман

ять. Новый генерал-губернатор разрушил эти надежды несколькими ударами. Российский МИД, опасавшийся обострения отношений с Англией, требовал вести себя более сдержанно, но Кауфман сумел доказать канцлеру А.М.Горчакову и самому императору возможность и правильность твердого поведения в отношении местных владык.

Генерал-губернатор приложил массу усилий для развития края (пути сообщения, ирригация, хлопководство, шелководство), проводил жесткую, но очень рациональную политику, соединяя в одних руках военную и административную власть. Активно собиралась информация о положении в раз-

личных сферах через многочисленные специальные комиссии и экспедиции, которая затем становилась основой для принятия адекватных решений. Таким образом, он не только завоевывал Туркестан, но и закреплял за Россией захваченные в боях рубежи.

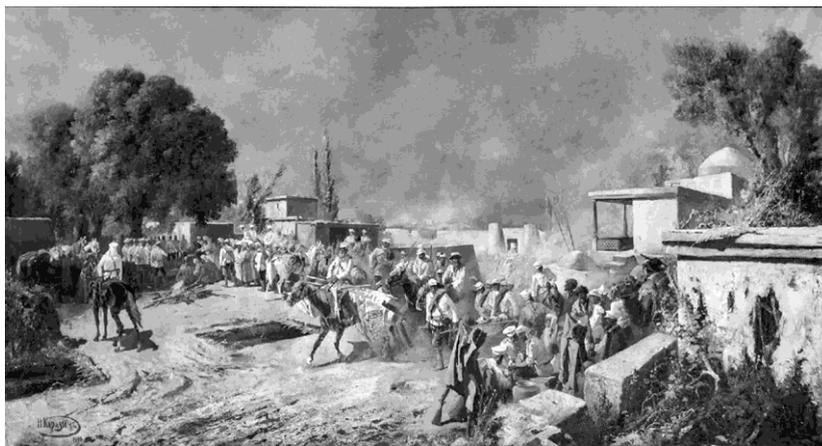
Кауфман стал первым и единственным государственным деятелем такого ранга, который закончил свой путь не в Петербурге или Москве, не в своем имении, а в Ташкенте. Как известно, смерть «на боевом посту» очень способствовала закреплению в национальном пантеоне.

Незаурядный Черняев

Генерал Михаил Григорьевич Черняев как национальный герой имел сразу три нимба. Первый представлял собой ореол, который во второй половине XIX века окружал человека, оборонявшего Севастополь в 1854–1855 гг., да еще и находившегося

«ПОКОРИТЕЛИ ТУРКЕСТАНА»

под непосредственным командованием двух легендарных военачальников – генерала С.А.Хрулева и адмирала П.С.Нахимова. Вторым, еще более ярким, появился вместе с неофициальным титулом «ташкентского льва», которым его наградили пылкие журналисты после того, как он (без санкции из Петербурга!) силами двухтысячного отряда взял Ташкент, население которого насчитывало 100 тысяч человек [33, с.82]. За «полусамостоятельность» действий его называли «Ермаком XIX века» [17, с.111]. Однако чрезмерная самостоятельность стала причиной отставки генерала, ставшего в одночасье известным всей России. Черняев попытался стать нотариусом, испытывая финансовые затруднения, а в 1873 г. занялся журналистикой. Он приобрел ежедневную петербургскую газету «Русский мир», консервативный печатный орган, где в сотрудничестве с известным генералом-публицистом Р.А.Фадеевым боролся против реформ военного министра Д.А.Милютина.

Взятие Ташкента генералом Черняевым 16 июня 1865 года. Н.Карзин

Третий нибб воссиял над образом генерала в связи с его ролью в событиях на Балканах в 1876–1878 гг. Он, вопреки распоряжениям властей, выехал в 1876 г. в Сербию и по приглашению ее короля возглавил армию этого государства, вступившего в войну с Турцией. Этот шаг вызвал всплеск энтузиазма в России, в Сербию поехали сотни русских добровольцев. В отечественной дореволюционной и постсоветской литературе (в 1917–1980 гг. о генерале практически не вспоминали) можно найти множество панегириков, которые представляют собой

сплав некритического отношения к источникам с одобрением всего, что связано с панславизмом [29, с.41–46]. Роль главнокомандующего оказалась ему не по плечу. Следует согласиться с мнением А.Л.Шемякина: «Очевидно, что как военный руководитель Черняев показал себя человеком с явным несоответствием способностей и амбиций. Весьма посредственные дарования уживались с крайне гипертрофированным самомнением» [31, с.188]. Этот эпизод биографии Черняева можно назвать авантюрой, которая к тому же закончилась полным фиаско. Он не смог создать действенный штаб, оказавшийся собранием некомпетентных лиц, темных дельцов и честолобцев, не способных руководить боевыми операциями. Вокруг штаба и лично Черняева неоднократно вспыхивали финансовые скандалы, главнокомандующий ввязался в политические и

М.Г.Черняев

экономические интриги, еще более вредившие его репутации. Один из его соратников П.А.Кулаковский писал Аксакову из Белграда: «Право, это большой человек. Из его дела едва ли что-нибудь может выйти <...>. Его обижают, надувают, ему льстят в глаза, лгут на него за его спиной, он всякому слуху, всякой лжи верит. Просто больно за него. Сделался он подозрительным и болезненно раздражительным» [цит по: 31, с.190].

Это горькое признание его единомышленника, человека, не соперничавшего с ним в славе, следует запомнить при оценке Черняева в роли Туркестанского генерал-губернатора, которую ему доведется играть в 1882–1884 гг. Но все прегрешения вольные и невольные этого человека могла искупить победа.

Однако и на поле брани «ташкентского льва» постигла жестокая неудача. Турецкие войска при всех недостатках обладали неизмеримо более высокой боеспособностью, чем отряды среднеазиатских владык. Сербская армия, в свою очередь, представляла собой плохо вооруженное, плохо обученное, недисциплинированное, хотя и храброе народное ополчение. После разгрома сербов осенью 1876 г. в сражениях при Алекснице и Дьюнишке только решительное

вмешательство России спасло Сербию от катастрофы. Всего через полгода началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., ставшая эпохальной для балканских славян, поскольку привела к полному освобождению их от турецкого гнета. В условиях победной эйфории и охватившей всю империю волны панславизма все грехи Черняева были забыты, и он оказался в числе главных героев освобождения единоверцев. Но в самой Сербии особой популярностью он не пользовался. Когда Черняев скончался в 1898 г., сербский ученый М.Миличевич отметил в своем дневнике, что на панихиде по усопшему бывшему главнокомандующему в Белграде не оказалось представителей ни правительства, ни армии, ни общественных организаций [31, с.190].

Черняев дважды был на вершине власти в Туркестане. В первый раз он стал военным губернатором края в феврале 1865 г. и снят с этой должности, пробыв в ней немногим более 14 месяцев. Во второй раз судьба предоставила ему возможность вписать свое имя в историю присоединения Средней Азии не только мечом, но и пером, подразумевая под последним важнейший инструмент администратора. Александр III, с большой симпатией относившийся к людям, одержимым идеей панславизма, доверил ему 25 мая 1882 года пост туркестанского генерал-губернатора. Даже у людей, единых с Черняевым по образу мыслей, это назначение вызвало недоумение, так как в Сербии генерал продемонстрировал абсолютное отсутствие способностей организатора и скверный характер. В условиях боевых действий эти качества в какой-то мере могли быть компенсированы личной храбростью и другими достоинствами военного человека. Но после покорения Туркмении фактически единственной задачей было продолжение дела Кауфмана – последовательная и лишенная внешних эффектов деятельность, направленная на развитие новоприсоединенного региона и укрепление его связей с остальной империей. А для этой роли Черняев был совершенно непригоден. Более того, в его действиях просматривалось желание «переиначить» многое из того, что сделал предшественник, а ряд поступков действительно заставлял сомневаться в его психическом здоровье [28, №11, с.69]. После серии скандалов он был уже в самом начале 1884 года переведен в Петербург на мало к чему обязывающую должность члена Военного совета, в 1886 из-за конфликта с военным министром вышел в отставку, в 1890 г. вернулся на службу на прежнее место.

Фрондерство Черняева, его постоянные «недоразумения с начальством», страсть к эффектным поступкам, умение говорить с солдатами делали из этого генерала серьезного конкурента Скобелеву. Кроме того,

он имел связи и поддержку среди влиятельных консерваторов, его имя прочно связали с идеей и делом освобождения балканских христиан. Критика бюрократических порядков и «немецкого засилья» в России всегда воспринималась с воодушевлением, а служебные неудачи боевого генерала – как наказание за патриотизм, что способствовало его популярности. Скончался генерал в своем имении Тубышки в Могилевской губернии в 1898 году [6, с.156–169]. В 2012 г. на его могиле установили новый надгробный памятник с портретом, а в 2017 году в деревне Лысковщина Круглянского района Могилевской области с участием Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Сербия в Республике Беларусь В.Ковачевича был торжественно открыт памятник М.Г.Черняеву.

Но в роли покорителя Туркестана он не остался в памяти российской публики сразу по нескольким причинам. Во-первых, Черняева, выражаясь театральным языком, не было на авансцене, когда публика рукоплескала кланяющимся артистам после финального акта. Напомним, что таковым стала Ахал-Текинская экспедиция под предводительством М.Д.Скобелева. Во-вторых, русский генерал во главе Сербской армии, сражающейся с турками в обстановке всеобщего воодушевления, сам себя затмил как героя Туркестана. В-третьих, получив шанс на славу строителя империи, будучи назначенным на ключевой административный пост в этом регионе, Черняев этим шансом не воспользовался. Наконец, он ушел в мир иной, отойдя от дел, не напоминая о себе эффектными делами и словами. Его могила в Могилевской губернии не стала местом памяти для тех, кому были дороги воспоминания о походах в Средней Азии.

**Коренной туркестанец
Абрамов**

Генерал-лейтенант Александр Константинович Абрамов (1836–1888) был «коренным туркестанцем», поскольку все чины выше штабс-капитана и все награды ему были

пожалованы за бои в Средней Азии. В первом же сражении за Кокандскую крепость Пишпек в 1862 году он получил особое отличие, которое до конца дней придавало ему облик настоящего фронтовика и выделяло из общей массы. Молодой поручик получил тяжелую контузию с повреждением черепа, не позволявшую надевать форменный головной убор, и до конца своих дней он носил вместо него кожаную шапочку. Затем в 1864 г. был штурм крепостей Аулие-Ата и Чимкент, оцененные

«ПОКОРИТЕЛИ ТУРКЕСТАНА»

начальством орденами Св. Станислава и Св. Анны. В 1865 г. он первым ворвался в Ташкент, в 1866 г. отличился в сражении с бухарцами при Ирджаре и за штурм Ходжента, а затем «разорил» бухарскую крепость Яны-Курган, хотя с эмиром войны не было. Так же, как в случае с Черняевым, начальство выразило недовольство, втайне одобряя активность и раздавая награды «ослушникам». В 1868 г. уже в чине полковника он сыграл большую роль в занятии Самарканда, командовал главными силами в сражении с бухарской армией при Зерабулаке. Он хорошо ориентировался в местных делах и своим вмешательством в феодальные междоусобицы 1868–1870 г. способствовал упрочению позиций России в этом регионе.

Несмотря на бесспорные боевые заслуги, Абрамов не сумел составить конкуренцию Кауфману, Черняеву и, тем более, Скобелеву. Для этого ему явно недоставало харизматичности, он постоянно оказывался на вторых ролях, в тени еще более блистательных поступков своих соперников. Не помогло исправить такое положение и то, что его знания и опыт были востребованы при работе комиссии по составлению положения об управлении Туркестаном. Весной 1877 года его назначили начальником Ферганской области, которой руководил до своей смерти в 1885 г. Скончался Абрамов во время отпуска в Крыму и был похоронен в Симферополе [30, с.6].

Последнее обстоятельство существенно ослабляло его позиции, поскольку некрополи всегда и везде являлись статусным объектом. Для посмертной славы очень важны не только деяния, но и место упокоения. Бородино и Севастополь – места славы не только потому, что там были эпохальные битвы, но также из-за создания там мемориальных захоронений. Роль некрополя в военной коммеморации особо важна, поскольку могила видного военачальника сама по себе превращалась в символ ратной славы. Начало этой практике положил Петр Великий, который повелел похоронить в Санкт-Петербурге Б.П.Шереметева, одного из

А.К.Абрамов

полководцев Северной войны. В столице империи упокоились Суворов и Кутузов, сюда были перенесены мощи князя Александра Невского. Для символического закрепления Туркестана за Россией требовалось не только наличие там русских присутственных мест, крепостей, церквей, школ и монументов. Кладбища играли в этом деле очень важную роль.

Казак Колпаковский

Проект поместить фигуру Герасима Алексеевича Колпаковского (1819–1896) на «главный» памятник, посвященный присоединению Средней Азии, был порожден не только обстоятельствами биографии этого незаурядного военачальника, но и тем, что этот человек был связан с казачеством, сыгравшим важную роль в расширении империи на Восток. В 1852 году Колпаковский стал адъютантом командующего Отдельным Сибирским корпусом и Западно-Сибирского генерал-губернатора Г.А.Гасфорта, служил в крепости Верный, участвовал в штурмах кокандских крепостей Токман и Пишпек. В 1860 г. кокандское войско численностью более пятнадцати тысяч человек вторглось в Заилийский край.

Г.А.Колпаковский

Навстречу ему выдвинулся отдельный отряд – около тысячи русских казаков и казахских ополченцев. В трехдневном сражении возле укрепления Кастек произошел трехдневный бой, в котором кокандцы потерпели сокрушительное поражение. Наградой Колпаковскому за успех стал орден Св. Георгия 4-й степени и чин полковника.

В 1862 году ему вверили отряд, направлявшийся за реку Чу, который взял крепости Токмак и Пишпек. В 1864 г. Колпаковский стал начальником Семипалатинской области, а в 1867 году – военным губернатором вновь образованной Семиреченской области. В эти же годы на карте России появилось новое казачье войско – Семиреченское, выделенное из состава казачества Сибирского. Уже в чине генерал-лейтенанта он был назначен командиром отряда, отправившегося в Кульджинский

поход. Полный успех в этом военном предприятии принес ему орден Св. Георгия 3-й степени. Колпаковский являлся надежным помощником, правой рукой Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана. Большой опыт и неоднократная демонстрация прекрасных организационных способностей объясняют назначение его заведующим тыловым обеспечением туркестанского отряда в Хивинской экспедиции 1873 г. Затем он командовал экспедиционным отрядом в ходе Кокандской войны 1875–1876 гг. В 1882 г. его назначили начальником образованного тогда Степного генерал-губернаторства и командующим войсками Омского военного округа. Год спустя Колпаковского зачислили по Семиреченскому казачьему войску. Этот человек мог служить примером для многих, поскольку принадлежал к числу тех, кто сумел пройти путь от рядового солдата до полного генерала. В 1889 он уехал в Петербург, а в 1911 году был зачислен вечным шефом 1-го Семиреченского казачьего полка [4, с.113; 32, с.312–313].

Потерявшийся Верекин

Особенности процесса завоевания Средней Азии вкупе с особенностями коммеморации этих эпохальных событий не позволили многим заслуженным военачальникам занять достойное место в ряду «строителей империи». Пример тому – Николай Александрович Верекин (1820–1878), который в сорокалетнем возрасте и в чине подполковника оказался в Туркестане в 1861 г., имея за плечами Венгерский поход 1849 года и оборону Севастополя в 1854–55 гг. Он уже дважды производился в следующий чин за отличие в боях и продолжил это в Средней Азии. В третий раз он получил такую награду (погоны полковника) за взятие крепости Яны-Курган, в четвертый раз (эполеты генерал-майора) за взятие города Туркестан в 1865 г. Кроме того, последний успех был отмечен орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1865 г. Верекин стал наказным атаманом Уральского казачьего войска, а в 1873 г. был поставлен во главе Оренбургского отряда во время Хивинского похода. При штурме города произошла странная история, самое правдоподобное объяснение которой – жестокое соперничество военачальников в славе. Верекин первый предпринял попытку штурма, не дожидаясь атаки других отрядов. Решительный приступ напугал хана, и тот покинул резиденцию. Хивинцы без боя впустили войска генерала К.Н.Кауфмана, который и стал главным триумфатором (чин инженер-генерала и орден Св. Георгия 2-й степени). Верекин получил

такой же знак отличия, но рангом ниже. Этот поход проложил глубокую пропасть между этими военачальниками. Веревкин из Хивы вернулся на прежний пост, а затем уехал в Петербург, где и скончался летом 1878 г. Удаленность места смерти от места его военного триумфа также негативно сказалась на закреплении его в списках «покорителей Туркестана».

Взгляд на книжную полку

Место персоны в исторической памяти страны (нации) определяется по сумме своеобразного «коммеморативного многоборья» – совокупности различных мемориальных практик (монументы, топонимика, филателия, изобразительное искусство и т.д.). По сумме «набранных очков» абсолютным лидером выглядит М.Д.Скобелев: из всех вышеперечисленных военачальников ему одному поставили памятник в Москве, в его честь назвали боевой корабль (корвет «Скобелев»).

Для абсолютной корректности измерения популярности стоит обратиться к такому показателю, как динамика и характер публикаций, посвященных историческим деятелям. Рассмотрим книги, на титульных листах которых можно увидеть имена наших героев.

Первая прижизненная книга о М.Д.Скобелеве увидела свет в 1873 г. (От Змукшира к Ортакую: описание рекогносцировки, произведенной генерального штаба подполковником Скобелевым 4–11 августа 1873 г.). Это был очерк о боевой практике русских войск в Средней Азии, один из многих десятков «репортажей», которые в России охотно читались и скоро забывались. Всплеск его известности во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. проявился в выходе десяти книг о нем, а на взятие Геок-Тепе в 1881 г. по горячим следам успело откликнуться только два автора. А вот в следующем году россияне получили сразу двадцать книг – так на их воображение подействовала смерть человека, с именем которого связали борьбу за освобождение славян и покорение Туркестана. Интерес к нему был устойчивым, о чем свидетельствует ежегодный выход посвященных Скобелеву книг: за 16 лет (1883–1898) – 29 наименований, т.е. в среднем по 1,8 в год. Затем наблюдается очередной подъем интереса, в значительной мере объясняемый 20-летием Ахал-Текинской экспедиции и 20-летием кончины. В 1899–1902 гг. вышло в общей сложности 26 публикаций. Большой популярностью пользовалась книга В.А.Лунина «Знаменитый русский герой Михаил Дмитриевич

Скобелев, белый генерал: рассказ Кукеля, заимствованный из достоверных источников», издававшаяся в 1899, 1901 и 1904 гг. Обычно вслед за пиками интереса следуют периоды забвения, но Скобелев оставался значимой фигурой все первое десятилетие XX века: в 1902–1913 годах россияне купили 22 книги о нем. В годы Первой мировой войны вполне ожидаемо имя военачальника, считавшегося врагом германцев, сыграло важную роль в пропаганде, о чем свидетельствовало появление семнадцати книг. Таким образом, до 1917 года было напечатано 126 книг, на титульном листе которых указывалось имя знаменитого генерала. Обращает на себя внимание тот факт, что ряд названий дореволюционной литературы имеет высокую эмоциональную нагрузку, что свидетельствует о большой привлекательности военачальника для широкой публики [26]. После революции Скобелев оказался в списках тех самых «царских слуг», которые упоминались в знаменитом декрете 1918 года о монументальной пропаганде. Его памятник в Москве был снесен одним из первых. Во второй половине 1930-х годов он не попал в перечень «реабилитированных» фигур российской истории, допущенных к упоминанию в публичном дискурсе. Показательно, что даже в 1941–1945 гг. образ Скобелева не был мобилизован в целях агитации и пропаганды среди бойцов Красной армии. Хрущевская оттепель расширила круг исторических фигур, которым кремлевские идеологи разрешили выход из сорокалетнего замалчивания. Возвращение Скобелева в публичное пространство выглядит довольно робким. Сначала в 1959 г. его жизнеописание выходит в одном переплете с биографиями еще нескольких знаменитых уроженцев Рязанщины [12]. В 1962 г. появляется публикация без указания автора и места издания с интригующим названием «Поля неведомой земли», где рядом с замалчиваемым генералом М.Д.Скобелевым оказался и замалчиваемый в СССР поэт Н.С.Гумилев [15]. Затем вновь наступил тридцатилетний период умолчания о нем, прежде чем во время перестройки в 1990 г. вышла книга Б.А.Костина «Скобелев. 1843–1882». В 1990–2000-е гг. в бывших республиках СССР о колонизаторской роли России стали говорить настолько открыто, что стало уходить в прошлое характерное для советской историографии двойственное отношение к самому термину «колониальный» применительно к территориям Средней Азии и Кавказа. В связи с этим авторы работ, выходящих в 2010-е гг. избавились от необходимости «выбирать выражения». Пример тому – название книги Е.А.Глущенко «Герои империи: портреты российских колониальных деятелей: очерки жизни и

деяний создателей Туркестанского края К.Н.Кауфмана, М.Г.Скобелева и М.Г.Черняева».

Очевидное оживление интереса к этому военачальнику мы видим в эпоху перестройки и в постсоветской России [1; 3; 10; 13; 14; 16; 21; 22; 25].

В этот же период образ «Белого генерала» стал предметом академических исследований. В 2000 г. А.Б.Шлохаев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политические взгляды и военно-государственная деятельность М.Д.Скобелева». Заслуживает внимания тот факт, что этот полководец оказался для историков более интересен как политик, нежели как военный человек.

О политизации образа «Белого генерала» в XXI столетии свидетельствует динамика книг, ему посвященных: в 2000–2010 гг. выходит 10 книг, в 2011–2018 гг. – 12 книг. В пользу этого говорят и названия некоторых из них [25]. В постсоветское время переиздаются книги о Скобелеве, издававшиеся в конце XIX века и ставшие библиографической редкостью [8; 19]. В 2011 г. и 2015 г. были переизданы воспоминания Немировича-Данченко и его роман о Скобелеве, увидевший свет в 1880-е гг. [18,20].

Образу Скобелева как «покорителя Туркестана» создавал помехи гораздо более яркий образ Скобелева-«освободителя славян». В каталоге Российской национальной библиотеки из 160 книг, в названиях которых указана фамилия этого генерала, в тридцати двух случаях акцентированы его боевые заслуги в Болгарии, и только в семнадцати – успехи в Туркестане. Если учесть объем и характер изданий (первая группа публикаций выглядит более солидной), то фокусировка на подвигах Скобелева на Балканах становится еще более отчетливой.

При измерении «книжной полкой» генерал К.Н. фон Кауфман отстает от Скобелева на «дистанцию огромного размера». В том же электронном каталоге РНБ обнаруживаются 27 изданий с именем этого государственного деятеля на титульном листе, что в шесть раз меньше, чем в случае с «белым генералом». Более того, свыше трети этих книг не посвящены собственно генерал-губернатору Туркестана, а появились на свет по его инициативе или прямому указанию, о чем и говорится на титульном листе. Типичным примером являются несколько выпусков «Туркестанского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемых по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора Н.П. фон Кауфмана». Эти сборники, выходившие в 1870–

1880 гг. в Ташкенте, до настоящего времени являются ценнейшими материалами для изучения Средней Азии.

М.Г.Черняев фигурирует на титульных листах всего девяти дореволюционных изданий, причем в четырех случаях тоже имеются указания на его заслуги перед сербами и болгарами, в результате чего смещается акцент с его деяний азиатских на деяния балканские. Пример того – книга «Взаимное сочувствие славян: 1876–1877 и 1878», напечатанная к 20-летию юбилею Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой помещены благодарственные адреса, поднесенные генералу от лица патриотических организаций.

В советское время он не был удостоен отдельных книг. В 2001 г. вышла в свет монография Е.А.Глуценко (переизданная в 2010 г.) «Герои империи: портреты российских колониальных деятелей: очерки жизни и деяний создателей Туркестанского края К.Н.Кауфмана, М.Г.Скобелева и М.Г.Черняева», в которой генералу была отдана дань вместе с другими «покорителями Туркестана».

До революции о генерале Г.А.Колпаковском была только небольшая статья в «Военной энциклопедии». В советское время им не интересовались, а в эпоху постсоветскую указали в справочниках и в сборнике биографий казаков [4, с.113; 32, с.314–319]. Наконец, в 2011 г. вышла в свет книга В.Н.Проскурина «Жизнь и судьба генерала Колпаковского».

Если измерять этих генералов «библиотечной полкой», то Скобелев при всех методиках оставлял далеко позади своих соперников по «туркестанской славе». В 1897 году выходит в свет книга с красноречивым названием «Наши русские чудо-богатыри А.В.Суворов, М.И.Кутузов, М.Д.Скобелев». Столетие спустя под одной обложкой выходят биографические очерки Ивана Грозного, Б.Хмельницкого, А.В.Суворова, Г.А.Потемкина (Иоанн Грозный, Хмельницкий, Потемкин, Суворов, Скобелев: Биографические очерки. 1998). Уравнение образа «Белого генерала» с образами, уже утвердившимися в отечественном военном пантеоне, мы видим в издании сборника «Служение России. Актуальное наследие генералиссимуса А.В.Суворова и генерала от инфантерии М.Д.Скобелева» в 2016 г. Остальные генералы-туркестанцы, за исключением М.Г.Черняева, не привлекают внимания столь экспрессивными названиями книг, которые им посвящены.

О высокой актуализации образа Скобелева в России, «встающей с колен», свидетельствует организация конференции, посвященной 165-летию (!) со дня рождения генерала, прошедшей 9 апреля 2009 г. Отмечание столь «некруглых» дат – неоспоримый признак того, что

определенные акторы коммеморативных процессов ищут повод для консолидации, для завоевания позиций в исторической политике. О том, что эти мероприятия – не результат активности группы поклонников генерала, говорит устройство следующей, уже международной, конференции, посвященной его 170-летию «Генерал М.Д.Скобелев и его время», проходившей в Рязани 27–28 сентября 2013 г.

**Продолжение гонки
за славой**

Библиографические ресурсы свидетельствуют, что у соперников Скобелева не было никаких шансов на то, чтобы оспорить справедливость признания его «Покорителем Туркестана». В 1889 г. была поставлена драма «Белый генерал: историческая драма из последней Восточной войны» в 4-х действиях и 8-ми картинах Е.Н.Залесовой. Судя по повторной публикации пьесы в 1903 году, она не утратила привлекательности для зрителей. В 1913 г. Ф.И.Суриин предложил «общедоступным театрам» историческую драму в пяти действиях «Смерть героя Скобелева: что дороже золота, любви, жизни?». Черняеву, Кауфману и Скобелеву посвящались стихи, но только последнему в большом числе посвящались краткие запоминающиеся истории (называвшиеся по традиции «анекдотами») [1]. Стихотворений, посвященных герою Плевны и Геок-Тепе, было написано так много, что они даже позволили провести специальное изучение образа Скобелева в отечественной поэзии [5, с.123–125]. Примечательно, что генерал М.Д.Скобелев остается единственным героем завоевания Средней Азии, которому посвящают свои строки современные поэты. Стихотворение Натальи Соллогуб «Равный Суворову (Генералу М.Д.Скобелеву)», опубликованное на портале «Литпричал» в 2011 г., получило более десятка одобрительных отзывов [24, с.1–3]. Ни один из соперников Скобелева не стал, как этот генерал, персонажем фольклора [11].

До революции надо было обладать завидным мужеством, чтобы выступить с жесткими критическими замечаниями в адрес общенародного любимца. Подобные тексты просто тонули в потоке славословия. В начале XXI столетия ситуация остается по сути прежней: подавляющее большинство публикаций в прессе и на бумажных носителях, передачи ТВ представляют собой безудержное восхваление Скобелева. Трезвые, опирающиеся на факты, тексты вызывают осуждение со стороны «патриотически настроенной публики». Литератор Александр Бурьяк в своем эссе «Не совсем белый генерал Скобелев», отдавая должное военным

заслугам этого военачальника, вынес следующий вердикт: «Взлет популярности Скобелева был частично обусловлен пропагандисткой потребностью властей воюющей страны в газетных героях, частично – потребностью массы в идолах, частично – потребностью газетчиков в ярких темах» [2, с.4].

Преданные сослуживцы

В процессе обретения «исторического бессмертия» очень важную роль играет достижение такого рубежа известности, когда начинается эксплуатация близости к знаменитой фигуре для увеличения собственной значимости. Отдельные люди и группы с помощью различных приемов обозначали свою сопричастность делам того или иного великого человека, совершая различные мемориальные действия, направленные на возвеличивание своего кумира. Возведение памятников было одним из таких способов. В местечке Ораны Витебской губернии бывшие сослуживцы на пожертвования офицеров и нижних чинов поставили памятник своему бывшему командиру в виде пятиметровой чугунной колонны на четырехгранном цоколе и искусственном холмике, вокруг которого разбили сквер. На каждой из сторон помещалась доска с золочеными буквами: «Михаилу Дмитриевичу Скобелеву», «В память последнего свидания 8 июня 1882 г.», «Непобедимому вождю и незабвенному начальнику», «От 16-й артиллерийской бригады; сооружен 25 июня 1885 года». Инициатором установки памятника был командир бригады Иван Борисович Седецкий. Ежегодно 25 июня у монумента служили памятную панихиду.

Офицеры 1-й кавалерийской дивизии тоже решили поставить памятник в Москве. В феврале 1908 г. по докладу начальника Генерального штаба они получили на то высочайшее соизволение. Часть собранных средств предполагалось выделить для строительства памятника Скобелеву в г. Скобелеве [23, с.1–2]. Подъем интереса к «Белому генералу» на рубеже XIX–XX вв., проявившийся в увеличении публикаций, совпадает с периодом, когда военным министром был А.Н.Куропаткин, чье имя связано с поражением в войне с Японией в 1904–1905 гг. А вот все его боевые награды и чины «за отличие» были получены в среднеазиатских походах. Своего Св. Георгия 3-й степени будущий глава военного ведомства получил как раз за успешный штурм Геок-Тепе.

Все прочие военачальники, «вписанные золотыми буквами» в историю присоединения Средней Азии, даже не приблизились к тому рубе-

жу, за которым начиналось использование их имени для повышения их сослуживцами собственного статуса.

Выводы

Таким образом, соперники Скобелева в звании покорителя Средней Азии занимали несравнимо более скромные позиции в публичном пространстве дореволюционной

России. В постсоветское время наблюдается «реанимация» их образов, причем национальная окрашенность процесса приводит к тому, что лютеранин и немец фон Кауфман не стал героем публикаций XXI столетия. То, что в дореволюционное время в Ташкенте памятник поставили именно Кауфману, а не Скобелеву, является косвенным свидетельством в пользу того, что в начале XX столетия заслуги в «устроении» уже оценивались достаточно высоко, чтобы составить конкуренцию «завоеванию». К тому времени общество и правительство уже понимало, что первая задача требует не меньших усилий, чем вторая. Выигрышность позиции Скобелева в коммеморативном соревновании с Кауфманом, Черняевым и Колпаковским была еще в том, что он отличился в кампаниях, имевших вид финальных и триумфальных. Он поставил символическую точку в завоевании Средней Азии, он остался в сознании россиян как генерал – освободитель славян, ведь именно Русско-турецкая война 1877–78 гг. принесла независимость Болгарии и Сербии. Названия книг, посвященных этому военачальнику, позволяют уверенно говорить о том, что он еще при жизни в сознании россиян стал фигурой политической, укрепился в этом статусе в конце XIX – начале XX вв. и вновь стал востребован в 1990–2010-е гг.

«Количество геройских ролей ограничено особенностями массового сознания, поэтому если кто-то уже вышел в герои, стать рядом с ним или подсидеть его в геройском статусе практически невозможно: и массовое и начальственное внимание, и всякие нужные ресурсы уже переключены на одного» [2, с.6].

Признательность современников и признательность потомков, как известно, очень разные явления. Формирование образов триумфаторов, их ранжирование проходило в зависимости от того, как и кем формировалось представление о важности событий для мировой и отечественной истории. Значимость присоединения Средней Азии для истории России никогда не ставилась под сомнение, прежде всего, из-за стойкости имперской составляющей. В дореволюционную эпоху эта составляющая

проявлялась со всей откровенностью права «белого человека» на его цивилизационную миссию. В советское время в ходу была схема «прогрессивности» включения территории Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в состав империи. По понятным причинам собственно военным действиям уделялось минимальное внимание, что неминуемо влекло за собой «затухание» памяти о генералах-«туркестанцах», которые к тому же не оказались включенными в важнейшие сюжеты российского героического нарратива. Речь в данном случае идет о строго дозированном «возвращении из забвения», когда со второй половины 1930-х гг. было позволено писать о некоторых государственных и военных деятелях дореволюционной России. К тому же для СССР главным противником был Запад, и потому военные победы на Востоке не воспринимались как эпохальное торжество русского оружия. Здесь уместно вспомнить, что движение в Среднюю Азию и на Кавказ в отечественном нарративе тесно переплетено с противостоянием Англии. В постсоветское время наметилось противоборство двух тенденций. Первая из них, по сути, является продолжением «советской линии» и определяется осторожностью в описаниях и оценках событий, память о которых может негативно сказаться на отношениях стран, входящих в СНГ. Вторая является порождением «национально-патриотической волны», которая неизбежно актуализирует сюжеты, связанные с войнами империи. Поэтому авторы, придерживающиеся этого направления, стараются «не забыть» военачальников-строителей империи.

Абсолютное торжество М.Д.Скобелева в соревновании с другими «генералами-туркестанцами» по популярности объясняется тем, что его образ стал частью исторического мифа. Портрет генерала написан в соответствии с требованиями массовой культуры, с использованием приемов, безотказно действующих на сознание людей, восприимчивых к определенному комплексу идей. Скобелев прорисован как человек, не кланяющийся пулям и начальству, как отец-командир, как истинно русский человек, не жалеющий себя для пользы и славы отечества. Все, что способствует «невыгодному впечатлению», замалчивается или отрицается. Можно сказать, что усилиями многих акторов была создана некая идеальная модель настоящего героя, которая затем была наделена портретным сходством с «белым генералом». На рубеже 1870–1880-х гг. на эту роль «пробовали» М.Г.Черняева, но он по многим параметрам уступал своему главному сопернику.

Библиографический список

1. Белый генерал: О М.Д.Скобелеве: сборник. М.: 1992.
2. Бурьяк А. Не совсем белый генерал Скобелев // <https://proza.ru/2015/09/26/1222> (обращение 24.03.2020).
3. Васильев Б.Л. Генерал Скобелев: роман. М.: 2015.
4. Вибе П.П. Колпаковский Герасим Алексеевич // Омский историко-краеведческий словарь / П.П.Вибе, А.П.Михеев, Н.М.Пугачева. М.: 1994. С.113.
5. Герасимова И.Ф. Образ генерала М.Д.Скобелева в русской батальной лирике XIX – начала XX вв. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. №11(30). Новосибирск. 2013. С.123–125.
6. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: 2010.
7. Градовский Г.К. М.Д.Скобелев. Эпюд по характеристике нашего времени и его героев. Последний бой за Шипку. М.: 1993.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.27. Кн.1. Л.: 1984. С.33.
9. Дукмасов В.Б. Генерал Скобелев: Триумф и забвение: К 170-летию со дня рождения. М.: 2014.
10. Евдокимов Л.В. «Белый генерал» М.Д.Скобелев в народных сказаниях. М.: 1884.
11. Знатные Рязанцы. Сборник. Рязань. 1959.
12. Зуев А. Послания Белого Генерала. М.: 2014.
13. Костин Б.А. Скобелев. Жизнь и деятельность генерала. М.: 2018.
14. Месняев Г.В. Поля неведомой земли. 1962.
15. Михаил Скобелев. Сборник. М.: 1997.
16. Михайлов А.Н. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. С приложением выражений общественного к нему сочувствия. СПб.: 1906.
17. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. К 150-летию со дня рождения генерала русской армии. М.: 1993.
18. Немирович-Данченко В.И. Скобелев: личные воспоминания и впечатления. СПб.: 1884.
19. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Роман. СПб.: 1886; То же. М.: 2015.
20. Потапов А.Н. Родовое гнездо Белого Генерала: историко-краеведческое повествование: к 170-летию со дня рождения М.Д.Скобелева. 2013.
21. Рунов В.А. Гений войны Скобелев. Белый генерал. М.: 2013.
22. Скобелевский памятник // Кавказская армия. 1908. 12 июля.
23. Соллогуб Н. «Равный Суворову (Генералу М.Д.Скобелеву)» // <https://www.litprichal.ru/work/72259/> (обращение 02.05.2020).
24. «Стою за правду и за Армию!»: Скобелев Михаил Дмитриевич. 1843–1882. М.: 2012.
25. Струевич А.В. Один из богатырей XIX века: Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. М.: 1899.
26. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.3. СПб.: 1903. С.187.
27. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1912) // Исторический вестник. 1913. №10–12.

«ПОКОРИТЕЛИ ТУРКЕСТАНА»

28. Червинская О. Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г.Черняева в рецепции Ф.М.Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя») // Исторична панорама. Збірник наукових статей. Вип.10. Чернівці, 2010. С.41–66.
29. Чернопяттов В.И. Некрополь Крымского полуострова. Симферополь. 1912. С.6.
30. Шемякин А.Л. Черняев и Сербия // Величие и язвы российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р.Айрапетова. М.: 2012. С.188.
31. Шишов А.В. Герасим Алексеевич Колпаковский // Шишов А.В. Сто великих казаков. М.: 2007. С.314–319.
32. Южаков Ю.Д. Шестнадцатилетняя годовщина взятия Ташкента (Воспоминания старого туркестанца). СПб.: 1881.

Андрей Юрганов

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ СЕРЕДИНЫ 20-х ГОДОВ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
929

В статье исследуются две модели объяснения «ленинизма» в середине 20-х гг. Согласно Льву Троцкому, ленинизм – это, прежде всего, опыт революционного действия, который определяется сиюминутным политическим контекстом и потому не ограничивается никакими постулатами теории, никакими этическими понятиями, никакими моральными запретами или стереотипами общественного сознания. Ленинизм сталинского большинства в партии – это теоретическая целостность всего периода существования партии, нерушимость заветов Ленина, прославление его, прежде всего, как стратега революции, который никогда не ошибался в тактике и шел вместе с партией нога в ногу. Троцкий вносит в образ Ленина живость и противоречия, чтобы доказать жизненность революционного учения Ленина, сталинское большинство в партии утверждало канонический образ вождя, объясняло его непогрешимость, создавая ситуацию поклонения культу вождя мирового пролетариата и созданной им партии большевиков. Троцкий проиграл историческую битву, потому что его «ленинизм» уже никому не был нужен, – ни партийной бюрократии, ни молодому поколению коммунистов.

The article explores two models of explaining “Leninism” in the mid-20s. According to Lev Trotsky, Leninism is first of all an experience of revolutionary action, which is determined by the momentary political context and therefore is not limited to any postulates of theory, any ethical concepts, any moral prohibitions or stereotypes of public consciousness. The Leninism of the Stalinist majority in the Party is the theoretical integrity of the entire period of the Party's existence, the inviolability of Lenin's covenants, his glorification as a revolutionary strategist – above all – who has never made a mistake in tactics and has walked with the Party in step. Trotsky brings vividness and contradictions to Lenin's image in order to prove the vitality of Lenin's revolutionary teachings. Stalin's majority in the Party affirmed the canonical image of the leader, explaining his infallibility, creating a situation of worship of the cult of the leader of the world proletariat and the Bolshevik Party created by him. Trotsky lost the historic battle, because his “Leninism” was no longer needed by anyone - neither the Party bureaucracy nor the young generation of Communists.

Ключевые слова: Лев Троцкий; Иосиф Сталин; перманентная революция; ленинизм; сталинизм; «литературная дискуссия»; «Уроки Октября».

Key words: Leo Trotsky; Joseph Stalin; permanent revolution; Leninism; Stalinism; “literary discussion”; “October Lessons”.

E-mail: iurganov@yandex.ru

Герменевтическая ситуация Во втором номере (январском) сатирического журнала «Крокодил» за 1925 год был опубликован рисунок, изображающий Троцкого в качестве лектора.

На первый взгляд нет тут ничего сатирического, что заслуживало бы внимания: лектор рассказывает об Октябрьской революции, студенты записывают – это видно.

И только один юноша улыбается. Чему он улыбается? Хорошо известно, что Троцкий был блестящий оратор, отличавшийся немалым остроумием... Прочтение же текста под рисунком сразу меняет впечатление – вплоть до обратного, потому что сказано об этой лекции так: «Тов. Троцкий задумал давать "Уроки Октября"». Придется ему сначала получить уроки ленинизма».

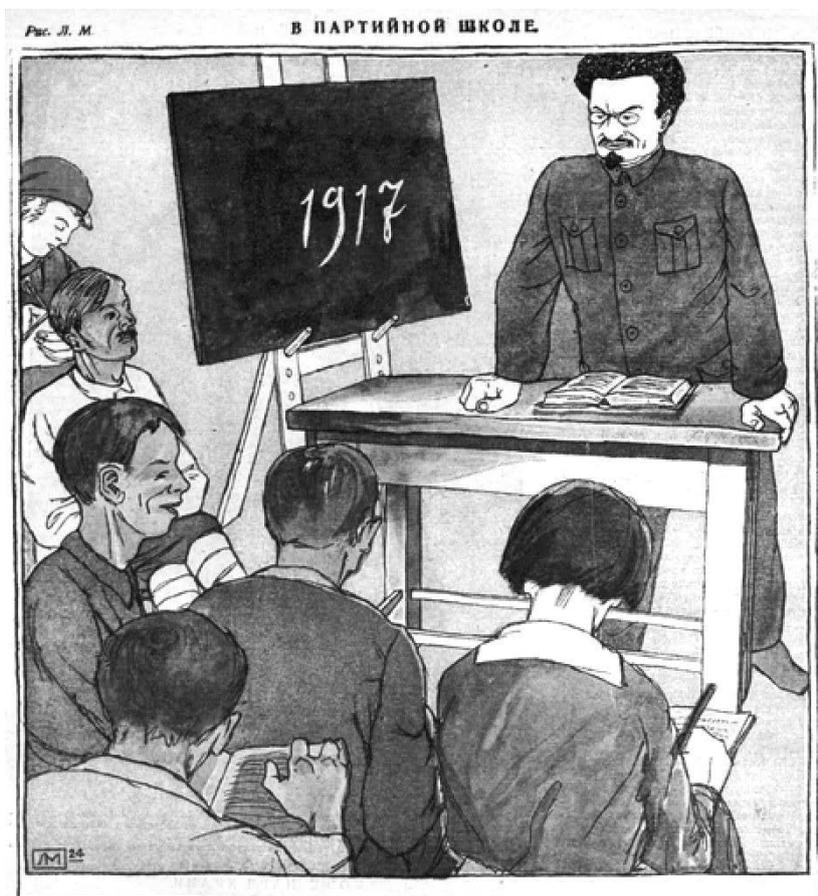
Рисунок фиксирует, что Троцкого слушают, даже записывают лекцию, но улыбающийся юноша, судя по всему, не верит Троцкому, он как бы произносит те самые строки, которые под рисунком... Но почему так странно сказано: «придется», «сначала»! Само «обучение» Троцкого переносится в некое будущее, о котором юноша не может знать, – он же студент, а не партийный функционер! Тогда чему он ехидно улыбается?

Несмотря на всю странность композиции, все ее элементы были тщательно продуманы. Каждый компонент пропаганды был на своем месте и выражал собой *текущий* момент противостояния в партии...

С чего началось В апреле 1923 г. на XII съезде партии Лев Троцкий был встречен овацией так, как никого другого (ни Зиновьева, ни Каменева, ни Сталина) не встречали. Делегаты дали понять, кого они считают наследником Ленина. Кроме того, в газете «Правда» от 14 марта 1923 г. была опубликована статья Карла Радека, в которой неумеренно восхвалялся тот, кому рукоплескал съезд.

Н.Валентинов (Н.Вольский) отмечал, что в «комплексе антитроцкизма» в марте и апреле 1923 г. «играл грандиозную роль личный момент: и ненависть, и зависть, и нежелание диадохов из Политбюро уступить Троцкому что-либо из "наследства" Ленина» [3, с.103]. Но как воевать с «красным Наполеоном»? Валентинов, едва ли не самый информированный свидетель тех событий, сообщает, что еще не было никакой оппо-

зиции со стороны Троцкого, а борьба с ним шла уже полным ходом с мая 1923 г. Он сообщил, что сам видел листок, отпечатанный с помощью гектографа с «текстом из четко сделанных букв», который был озаглавлен так: «Маленькая биография большого человека». В этом самодельном листке насмешливо (!) рассказывалось, что Троцкий, мнящий себя «большим человеком» и «старым большевиком», на самом деле не был таковым. Он вступил в партию большевиков только в 1917 году, накануне Октябрьской революции – тогда именно, когда никто уже не сомневался в победе большевиков. Все прежние годы Троцкий боролся с партией Ленина. Значит, правильнее считать его не старым большевиком, а «старым меньшевиком».

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

Но зачем понадобилось издавать подобную, как заметил Валентинов, «подпольную» литературу, если все дороги к официальным изданиям открыты, – полемизируйте! Оказалось, что в верхних слоях партии стыдливо умалчивали, что «подпольный» уровень полемики нужен был для того, чтобы не допустить Троцкого к власти и унижить его язвительными «стрелами», обвинениями низкого морально-политического уровня.

Еще одно подобное произведение видела Л.И.Аксельрод (Ортодокс) на Северном Кавказе с таким характерным названием: «Что писал и думал Ильич о Троцком». В эту брошюру включили все «самое ругательное, самое презрительное, что с 1904 г. о нем напечатал Ленин». Валентинов писал: «Об этой подпольной анонимной литературе не было сказано ни одного слова в большевистской прессе. О ней не было принято говорить. Троцкисты презрительно называли ее "клозетной литературой". Один из них в 1924 г. мне сказал, что ее составлял и пускал в обращение Товстуха, личный секретарь Сталина. Насколько это верно, судить не могу, но еще раз обращаю внимание, что литература, рассчитанная на дискредитирование Троцкого, появилась до того, как он выступил в качестве главного лидера "оппозиции" осенью и в конце 1923 г.» [3, с.104–105].

Валентинов считал, что первым, кто «пустил и узаконил термин "ленинизм"», был Троцкий.

Это, конечно, не так [14, с.68], но Троцкий придал этому термину небывалую остроту и новую концептуальность именно в 1923–1925 гг.

Рисунок в журнале «Крокодил» – тому свидетельство: Троцкому было рекомендовано пройти «уроки ленинизма»!

«Ленинизм» по Троцкому

Очевидно, что «уроки» стали понимать совершенно по-разному. Уже вступив в противоборство с триумвиратом в Политбюро (с осени 1923 г.), Троцкий утверждал свою концепцию ленинизма, давая ему в статье «Новый курс» (1924) такие определения: «Марксизм есть метод исторического анализа, политической ориентировки, а не совокупность решений, заготовленных впрок. Ленинизм есть применение этого метода в условиях исключительной исторической эпохи»; «...ленинизм состоит в мужественной свободе от консервативной оглядки назад, от связанности прецедентами, формальными справками и цитатами...»; «ленинизм есть, прежде всего, реализм,

высший качественный и количественный учет действительности – под углом зрения революционного действия»; «ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализирующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию»; «ленинизм ортодоксален, упорен, непреклонен, но в нем нет и намека на формализм, канон и казенщину» [23, с.44–48].

Троцкий подчеркивал, что он «шел к Ленину с боями» [23, с.48]. Казалось бы, в этих определениях не было и не могло быть чего-то, что противоречило бы духу ленинских работ – или самой истории партии большевиков. Но ленинизм в изображении Троцкого есть в том числе идеология борьбы против бюрократизации партии. Об этом он говорил и писал, начиная с осени 1923 г., оказавшись в рядах оппозиции: «Ничто так не чуждо ленинизму, как аппаратное высокомерие и бюрократический цинизм» [23, с.47].

В косной среде бюрократов ленинизм превращался в доктрину без революционного начала. Партийные чиновники стремятся умертвить Ленина, пытаются «сделать из традиций ленинизма сверхтеоретическую гарантию непререкаемости и непреложности всех мыслей и речений истолкователей традиции». Троцкий писал: «Смешна и жалка попытка гипнотизировать великую революционную партию повторением одних и тех же заклинаний, в силу коих правильную линию надо искать не в существе каждого вопроса, не в методах его постановки и разрешения, а в справках... биографического характера» [23, с.48]. Всякое желание «увекочивать» Ленина бюрократически приведет к омертвлению самой политики большевиков, ленинской политики, – считал он. И пророчливо указывал на невозможность метафизической истины в трудах Ленина: «Можно было бы без труда найти десятки и сотни цитат у Ленина, которые с формальной стороны кажутся противоречивыми друг другу». Троцкий пытался отобрать у возникающего – другого «ленинизма» – право распоряжаться некоей всеобщей ленинской истиной.

Нет ее вообще!

Ибо «ленинская истина всегда конкретна».

«Ленинизм» противоречий

Но Троцкий шел по пути, который в своей перспективе был тупиковым. Пытаясь сохранить живой облик политика, который не во всем, может быть, и был прав – как всякий чело-

век – он настаивал на том, что деятельность Ленина может быть квалифицирована как состоявшийся «ленинизм». Противоречие это сродни тому, как если бы художник решился писать иконический образ святого человека яркими масляными красками, не заботясь о том, что икона и портрет отличаются друг от друга способом узнавания в культурном контексте. Нельзя иконе приписать такую живость, в которой не будет уже и святости, нельзя индивидуальности в портрете приписать святость настолько, чтобы затереть саму индивидуальность. А между тем Троцкий действовал именно по такому сценарию, не обращая внимания на то, *какие* иконические формы обретал живой образ вождя мирового пролетариата – сразу после его физической смерти...

Сначала Л.Троцкий опубликовал книгу, которую назвал «О Ленине». С уточнением, что книга эта представляет собой «материалы для биографа». Ясно, что он хотел сохранить живые черты вождя пролетариата и потому не претендовал на обобщения, не хотел быть единственным живописцем. Пусть другие напишут! Но станут ли эти другие повторять то, что Троцкий написал о Ленине – иконе мирового коммунизма?

В 1925 г. В.М.Молотов издал небольшую книжку с набором всех тогдашних возражений против самой попытки *так именно* писать воспоминания о вожде партии. Что раздражало Молотова больше всего? Во-первых, что эта книжка Троцкого получила положительные отклики в журналах «Красная новь» и «Печать и революция». Во-вторых, сами воспоминания о Ленине, как уверенно писал Молотов, были на самом деле воспоминаниями о себе самом: «...параллель Ленин – Троцкий как бы подчеркивается... особо выпячивается вперед» [16, с.4]. В-третьих, Ленин представлен не как теоретик марксизма, а как бланкист-заговорщик с особой «целеустремленностью», в которой угадываются черты Троцкого, а не Ленина. В-четвертых, Ленин предстает в этих воспоминаниях как «неудачный заговорщик», «одиночка-революционер», не связанный со своей партией прочными нитями. В-пятых, Ленин показан политиком, который совершал серьезные ошибки: «Перед нами стоит не Ленин, *не наш Ильич* (курсив мой. – А.Ю.), а совершенно жалкий образ запутавшегося в событиях человека» [16, с.22].

Сразу после воспоминаний о Ленине Троцкий опубликовал в третьем томе своих «Сочинений» скандальное предисловие с провокационным названием: «Уроки Октября (вместо введения)» [24].

Ленинизм для Троцкого – это радикальный путь в революции, который не должна сковывать никакая теория, если она мешает пролетариа-

ту взять власть в свои руки. Троцкий был человеком глубоко верующим в мировую («перманентную») революцию [12; 9]. Здесь смешивались разные его настроения – и желание преподать урок зарубежным партиям, как вести себя в решительные минуты, и желание ударить по своим оппонентам-теоретикам, Зиновьеву и Каменеву, которые в самый решительный момент октябрьского переворота вели себя трусливо, и наконец сказать, что только тот, кто ничего не боится в марксизме, в том числе и собственных ошибок, способен быть во главе партии Ленина¹.

Троцкий утверждал, что Ленин был склонен к бланкизму [24, с. XXVII] – что нехорошо, и одновременно хвалил Ленина за радикализм действия, который не был тождественен бланкизму. В самом деле получалось, что Троцкий как бы руководил Лениным – упреждая бланкизм и поощряя радикализм.

Э.Квиринг писал в статье «Ленин, заговорщичество, Октябрь»: «Обвинение Ленина в заговорщичестве, бланкизме было одним из ходячих обвинений со стороны меньшевиков на протяжении долгих лет ожесточенной борьбы. После февральской революции это обвинение с новой силой было выдвинуто меньшевиками, эсерами, кадетами – всеми врагами большевизма» [7, с.248]. Суммируя все высказывания Троцкого, Квиринг делал такие выводы: «Первый – Ленин, будто бы, требовал захвата власти путем "конспиративного заговора". Второй – Ленин требовал, будто бы, чтобы в порядке конспиративного заговора партия захватила власть независимо от Советов и за спиной Советов. Третий – Ленин до последнего дня, т.е. до дня восстания, не был согласен с той линией, которую проводила партия и которую выражал и проводил в ЦК Троцкий. Все вместе сводится к одному: Ленин упорно толкал партию по пути бланкистского заговора, Троцкий не допустил до этого, и, таким образом, в ленинскую позицию была внесена существенная поправка. Эти выводы логически вытекают из положений Троцкого, хочет он того или нет» [7, с.250]. Квиринг сознательно затронул сложную проблему – проблему соотношения массового движения и военного заговора в Ок-

¹ Решение о вооруженном восстании было вынесено Центральным Комитетом 10 октября. 11 октября разослано было важнейшим организациям партии разобранное выше письмо 18 октября, т.е. за неделю до переворота, появилось в «Новой Жизни» письмо Каменева. «Не только я и тов. Зиновьев, – говорится в этом письме, – но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до Съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». 25 октября власть была захвачена в Петербурге, создано Советское правительство. 4 ноября ряд ответственных работников вышел из состава Центрального Комитета партии и Совнаркома, выдвинув ультимативное требование создания коалиционного правительства из советских партий» [24, с. XLIV].

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

тябрьском перевороте, он не скрывал, что «Ленин действительно был сторонником военного заговора», – чего и Ленин тоже не скрывал. Но военный заговор не означает, что он определяется только как бланкизм – как взятие власти без всех необходимых предпосылок, без массового движения пролетариата и самой революции. Таким образом, Троцкий совсем не без оснований говорил о тяготении Ленина к «игре без правил», упоминая себя как *сторонника крайнего радикализма*, но в условиях созревшей в народных массах революции.

Троцкий писал о тех, кто уходил от радикализма действия в «правую сторону» компромисса: «Партия может и должна знать все свое прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности. ... Перед моментом решающих действий *выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту* (курсив мой. – А.Ю.) и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 г. примерно по февраль 1918 г. занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию» [24, с.LXII].

Ладно бы Троцкий остановился на критике Зиновьева и Каменева, но он пошел дальше – не стал скрывать, что Ленин ошибался в своих оценках сил врага при осуществлении октябрьского переворота. Ошибался коренным образом, думая, что начинать революцию надо не в Петрограде, а в Москве.

«Ленинизм» в мыслях Троцкого – это практика радикализма, которая не знает, что такое не совершать ошибок: это просто невозможно, опять же – в силу радикализма поставленной цели. «Ленинизм» по Троцкому – это такая радикальность («целеустремленность»), которая опровергает любые ограничения теорией, моралью, стереотипами. В конкретной политической ситуации, как с Лениным, решающая причина ошибок – лишь отсутствие полноценной информации о соотношении сил.

«Ленинизм» как антипод «троцкизма»

2 ноября 1924 г. была опубликована в газете «Правда» статья Н.И.Бухарина, положившая начало масштабной кампании против Троцкого. Статья называлась так: «Как не нужно писать историю Октября. (По поводу книги т. Троцкого: "1917")». В ней была развернута аргументация против «ленинизма» в духе Троцкого-

го – за другой «ленинизм», ибо в нем выражается *вся история* партии большевиков, а не только от февраля до Октября 1917 года. Ленинизм – это борьба партии с оппортунизмом, «от крайних меньшевиков до троцкистов включительно». Так или иначе, этот вариант ленинизма превращался в метафизическую константу, ибо уклоны вправо или влево – столь важные для оппонирования Троцкому – были необходимы, чтобы определить нечто, что не подлежало никакой критике, – это был вопрос об *истинности всего учения* Ленина, не только практика революции, но и ее теоретика. Это был вопрос о целостности большевизма, о правоте всего учения большевизма вопреки прежнему правилу той же большевистской партии в борьбе с самодержавием не принимать окончательной истины, а следовать истине *данного момента* борьбы.

Утверждая ленинизм как учение политического действия, Троцкий не захотел понять, что партия не может в условиях, когда она взяла в руки власть, оставаться такой же боевой организацией, – цель-то достигнута! И ленинская «целеустремленность», которой восторгался Троцкий, теперь была просто не нужна. Она была не нужна и самому Ленину, который показал в новой экономической политике, что он совсем другой: его интересовали теперь средства, а не цель, при помощи которых можно сохранить власть большевиков. «Целеустремленному» Ленину эпохи борьбы с самодержавием противостоял Ленин реформистский, осторожный, даже боязливый, если вспомнить его лихорадочные попытки обезопасить партию от раскола.

В публикации «Правды» тон спора – вполне академический, но постепенно – с нарастанием градуса борьбы с троцкизмом тональность становится все более ожесточенной и грубой.

Сразу после выхода статьи в «Правде» стали появляться публикации самых видных деятелей партии примерно с одним и тем же названием, в котором противопоставлялся «ленинизм» и «троцкизм».

Но еще до выхода в свет ноябрьской статьи Бухарина, в журнал «Красная Молодежь» была сдана статья известного марксиста-теоретика И.И.Скворцова-Степанова (30 октября 1924 г.), которая называлась так: «Кто совершил Октябрьскую революцию? (По поводу "истории" Октября в книге Л.Троцкого "1917")». Уточнение о времени публикации статьи сделал сам автор, чтобы показать, что его взгляд не связан с официальной позицией партии, – он едва ли не первым самостоятельно вступил в полемику с Троцким. Степанов писал: «После Октябрьской

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

победы семнадцатого года со стороны историков, которые не проделали всех походов большевистской партии и не пережили с нею и в ней всей ее истории, но принимали энергичное участие в заключительных битвах, должны явиться изыскания, в которых убежденно будет доказываться, что победа одержана, собственно, вопреки большевистской организации, наперекор ей, что эту организацию приходилось толкать к революции и совершать над нею насилие за насилием... История октябрьского переворота становится *чисто индивидуалистической историей* (курсив мой. – А.Ю.), которая затушевывает и сбрасывает со счетов ленинскую партию: сбрасывает в той самой мере, в какой историк-индивидуалист не знает, не понимает ни ее внутреннего механизма, ни ее связей с революционным движением масс» [21, с.267]. Интересно, что Степанов в своем первом отклике наopus Троцкого обошелся без двух главных терминов – «ленинизма» и «троцкизма».

После статьи Бухарина в «Правде» уже практически нельзя было не противопоставлять эти два понятия.

Л.Б.Каменев выступил с программной статьей «Ленинизм или Троцкизм?». В ней он утверждал, что «есть троцкизм и есть ленинизм» – что «для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма». Вместе с тем, он подчеркнул, что никто не собирается «запрещать книжку» Троцкого, «ни один из членов ЦК не поднимал и не подымает вопроса о каких-либо партийных репрессиях» [6, с.98].

И.В.Сталин назвал свою речь на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. так – «Троцкизм или Ленинизм?» Он уловил, что в изображении Троцкого живость Ленина никак уже не соотносится с «ленинизмом» иконического плана изображения. Ленин в контексте политики и политической ситуации, совершающий иногда и ошибки (как всякий смертный) никак не соотносится с Лениным – безупречным практиком и теоретиком такого «ленинизма», который становится бесспорным учением от начала до конца, альфой и омегой большевизма в условиях победившей революции. Сталин говорил: «Партия знает тов. Ленина как величайшего марксиста нашего времени, глубокого теоретика и опытейшего революционера, чуждого тени бланкизма. Тов. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но из его характеристики получается не великан-Ленин, а какой-то карлик-бланкист, советующий партии в октябрьские дни "взять власть собственной рукой, независимо от Совета

и за его спиной". Я уже говорил, что эта характеристика не соответствует действительности ни на йоту. Для чего понадобилось тов. Троцкому эта вопиющая... неточность? Не есть ли тут попытка "маленечко" развенчать Ленина?»

Обратим внимание на слова – «вопиющая... неточность». Сталин соединил прилагательное с таким существительным, которое по смыслу не соответствует прилагательному: «неточность» не может быть «вопиющей»! Зачем это сделал Сталин? Мы не знаем. Но напрашивается мысль, что Сталин не хуже Троцкого был осведомлен о «живости» Ленина и сам попал в ситуацию, когда с этой ленинской особенностью менять политику решительно, не оглядываясь на «теорию», он встретился, например, в апреле 1917 года. Не это ли причина того, что Сталин таким странным образом пытался смягчить смысл прилагательного через «неточность» – скрытно соглашаясь, что Ленин, по существу своему, конечно, заговорщик. Но если это признать, то нет тогда никакой теории! И быть не может. А «ленинизм» в таком случае – только история захвата власти, политический контекст борьбы, но не метафизика учения. Предположение Сталина, что Троцкий хотел развенчать Ленина – тоже сверхосторожное: «маленечко» развенчать. Конечно, это сказано издевательски, не без сарказма, но, если сталинское слово «неточность» становится маркирующим признаком отношения, то тогда и сарказм ограничивается только внешним отторжением позиции Троцкого.

Чтобы никто не смел больше тревожить память политического контекста, Сталин предложил окончательно похоронить троцкизм [22, с.234–237]. Он так и сказал, повторив уверения Каменева в партийной толерантности: «Задача партии состоит в том, чтобы похоронить троцкизм как идейное течение. Говорят о репрессиях против оппозиции и возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них» [22, с.234–237].

19 ноября 1924 г. на пленуме фракции ВЦСПС выступил также Э.Квиринг с речью «Сущность троцкизма». Он признал одно обстоятельство, которое проливает некоторый свет и на картинку в журнале «Крокодил»: да, выступления Троцкого имели «сравнительный успех» среди учащейся молодежи! Касаясь мемуарной книги Троцкого «О Ленине», Квиринг высказался весьма неожиданно. Он сказал, что содержание этих воспоминаний нельзя проверить! Что же отторгается? Кви-

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

ринг уточнил: «Как большевик, Троцкий достоин популярности, как троцкист, он должен быть развенчан» [8, с.121]. Сущность троцкизма он определил следующим образом: «...характерные черты Троцкого и троцкизма это сочетание архиреволюционных фраз с практическим оппортунизмом, или, иначе выражаясь, сочетание неустойчивых революционных фраз с устойчивым организационным оппортунизмом. Такую формулировку можно дать троцкизму» [8, с.119].

Троцкий не только хвалил Ленина за склонность определять истину борьбы через конкретный момент борьбы, изгоняя всякую схему, но и свое кредо он видел в том же – в решительности действия. «Оппортунизм» Троцкого в глазах его критиков – это изобличение «ленинизма» Троцкого, того ленинизма, который победил в революции. Ленинизм нового образца – посмертного – не мог быть живым, как не мог оставаться не отвергнутым и опыт самого Троцкого, менявшего свои позиции не менее часто, чем Ленин – в зависимости от политической ситуации: ведь ленинская истина всегда конкретна!

Не случайно Л.Каменев набросился на Троцкого за то, что тот фактически усомнился в теории как большевиков, так и меньшевиков – восхваляя большевистский штаб революции за такую радикальность, которая сама есть наилучшая теория: «До сих пор мы думали, что ленинцы, и только ленинцы, сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы пролетариата именно потому, что обладали правильной теорией, создали и сплотили пролетарскую организацию именно потому, что создавали и сплачивали ее вокруг определенной – и оправдавшейся на всех этапах трех революций – программы и тактики. Рассуждая так, мы оставались марксистами. Но это марксистское рассуждение не годится "с точки зрения идей перманентной революции". Ведь "с точки зрения" этой "идеи" у большевиков до 1917 года не было "правильной теории", а их программа и тактика хотя и были "непримиримы", но историей не оправданы, а опровергнуты. И приходится тов. Троцкому "с точки зрения идеи перманентной революции" утверждать, что большевики, и только большевики, "сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы" и "создали революционно сплоченную организацию" вокруг... неправильной теории революции и неоправданной историей программы и тактики» [5, с.207].

А.Бубнов тонко уловил связь идеи Троцкого о перманентной революции с критикой отдельных руководителей партии. Сама «перманент-

ность» сосредоточивалась в волевом акте борьбы, который ни с каким тезисом напрямую не связан, кроме главной цели – захвата власти. Он писал: «Сопоставляя все то, что я сейчас цитировал из книг тов. Троцкого, получается такая цепь умозаключений: первое – в октябре 1917 года в нашей среде имели место такие разногласия, что ежели бы возобладала ошибочная позиция, то мы имели бы "катастрофу" и "разгром"; второе – в 1923 году в практике Коминтерна имелся "случай", когда была, по мнению Троцкого, упущена "совершенно исключительная революционная ситуация", и, наконец, третье, – в связи с последним утверждается, что налицо были "все предпосылки для революции", кроме "дальнозоркого и решительного партийного руководства". Здесь тов. Троцкий, – нужно прямо это сказать, – системой недомолвок, намеков и полунамеков бьет по тому, что названо "партийным руководством", свои обвинения он направляет по адресу "руководства" нашей партии и Коминтерна. Тов. Троцкий за последнее время не один раз выступал против руководящих кругов нашей партии...» [2, с.211].

Г.Сокольников тоже написал отклик на «уроки» Октября – и тоже не мог согласиться с идеей, что Ленин – по существу бланкист, а задача мировой революции заключается в том, чтобы не бояться радикализма действия. Он писал в статье «Как подходить к истории Октября?» о позиции Троцкого: «...все сводится к намекам на необходимость такого "руководящего персонала", который бы не "дрейфил"...» [18, с.129]. Схожей была позиция Н.К.Крупской: она, как и Сокольников, отметила, что революция – это не действия отдельных лиц, а движения революционных масс, и Ленин был тесно связан с рабочими, солдатами, со всей партийной организацией. Крупская возражала довольно мягко, подчеркивая заслуги Троцкого. Она упрекала его в том, что он сам спровоцировал резкие высказывания в свой адрес. Мысль, что для революции нужны те, кто не «сдрейфит», показалась ей чуждой ленинизму: «Та партия, в которой верхушка была бы оторвана от организации, никогда не могла бы победить» [11, с.154].

Ответил Троцкому и Г.Зиновьев в статье «Куда ведет теперь линия троцкизма». Он тоже противопоставил «ленинизм» и «троцкизм». Однако Зиновьев убедительно показал, что его октябрьская ошибка была следствием *непредсказуемости* в переменах ленинской тактики действий. Объясняя свою ошибку, Зиновьев принял за основу оправдания как раз тот самый «ленинизм», который исповедовал Троцкий, – «лени-

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

низм» стремительного действия. Он писал: «Первое расхождение наметилось у меня около начала октября 1917 г., после ликвидации корниловщины, после статьи тов. Ленина "О компромиссах" (статья, в которой В.И. предлагал на известных условиях соглашение меньшевикам и эсерам). Моя ошибка заключалась в том, что линию статьи "О компромиссах" я пытался продолжить на несколько дней позже» [4, с.73].

Критика Троцкого шла в соответствии с тем, что предназначала газета «Правда» – судить *от лица всего ленинского учения, от целостности всей партийной истории*. И тогда Троцкий оказывался в странной позиции – ведь он не принадлежал партии большевиков до 1917 года, был даже оппонентом Ленина. С точки зрения Троцкого живой опыт его борьбы с Лениным и такой же опыт принятия Ленина через борьбу с ним – лучшее доказательство жизненности ленинского учения. С точки зрения нового поколения молодых коммунистов, пришедших в партию после смерти любимого вождя мирового пролетариата, поведение Троцкого указывало на вражду, исконную вражду тому ленинизму, который они приняли для себя после Октябрьской революции.

На это восприятие Троцкого среди молодых коммунистов рассчитывали его критики и не прогадали.

Разоблачение Троцкого шло двумя путями: публиковались высказывания Ленина о Троцком и публиковались высказывания Троцкого о Ленине. Что хуже было для репутации Троцкого – сказать трудно. Но сильнейший удар он получил не от критики Ленина, – все еще помнили, что Ленин не стеснялся в выражениях и говорил остро едва ли не о всех, с кем шел в революции к власти.

Для Троцкого «ленинизм» был способом принять Ленина *именно с борьбой*, а не формально. Пока социал-демократия сражалась с самодержавием, пока большевики и меньшевики спорили друг с другом о тактике и стратегии, никаких правил учтивости в полемике не было, – били друг друга нещадно, это была норма поведения. Почти никогда не обижались на личные выпады, споры имели политический характер, и спорили политики, а не тщеславные особы с оскорбленным чувством собственного достоинства. Когда наступал момент политического единства, сходились, когда политический момент их разъединял – расходились. Как говорится – ничего личного, только политика. Но как это объяснить молодому коммунисту, который видел Ленина только в гробу?

Как объяснить ему, что живой Ленин был живым – то есть небызупречным для всех, кто шел в революцию самостоятельно как политик?

Письмо к Чхеидзе (1913)

В 1925 г. вышел сборник «Ленин о Троцком и троцкизме», в предисловии к нему сообщалось, что М.Ольминский спрашивал Троцкого в 1921 г., – нужно ли публиковать его письмо к Н.С.Чхеидзе 1913 года? Троцкий отвечал отрицательно, объясняя свое нежелание придавать гласности споры с Лениным именно потому, что их контекст уже непонятен молодым: ушла эпоха, и ожесточенные споры могут быть неверно истолкованы.

Троцкий отвечал Ольминскому: «Письма писались под впечатлением минуты и ее потребностей, тон писем этому соответствовал. Нынешний читатель не поймет этого тона, не установит необходимых исторических поправок и только собьется с толку» [13, с.3]. При этом Троцкий не считал себя во всем неправым, напротив, он признавал свою ошибку только «в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности». Когда же он опубликовал свои «уроки» Октября, – лучшим ответом ему из всего, что можно придумать, была публикация того самого письма, которое в глазах приверженцев победившего ленинизма, выглядело чем-то ужасным...

Молодые коммунисты прочитали в газете «Правда» от 9 декабря 1924 г., что писал Троцкий меньшевику Чхеидзе в 1913 г.: «...*все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения* (курсив мой. – А.Ю.). *Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение, именно по линии вопроса: единство или раскол*» [13, с.171–172]. В статье против Троцкого «Не всякое средство достигает цели» А.А.Андреев честно признавался, что «бывшая оппозиция» в партийной дискуссии 1923–1924 гг. «больше всего пользовалась популярностью среди учащейся молодежи». После публикации некоторых материалов по истории партии ситуация стала меняться: «Теперь совершенно другая картина: громаднейшая масса отмежевывается от этого выступления тов. Троцкого и осуждает его» [1, с.242–243]. Андреев указал на противоречивость живой действительности: Троцкий – сим-

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

вол революции и Троцкий – человек, который становится фигурой обличения и даже осмеяния. Он писал: «Конечно, есть и еще такие, которые робеют, боятся признать неправоту тов. Троцкого и занять решительную и ясную партийную линию, но таких колеблющихся незаметное меньшинство, но и они, может быть, хоть и последними, вынуждены будут встать на правильную позицию – за ленинизм, против троцкизма!» [1, с.243].

В борьбе с Троцким триумvirат Зиновьева, Каменева, Сталина опирался на широкий слой местной партийной бюрократии.

От лица местных парторганизаций

Типичным примером отношения к троцкизму со стороны местных парторганизаций может служить доклад И.Носова «О т. Троцком и троцкизме», произнесенный на

X симферопольской партконференции 27 ноября 1924 года. Докладчик подчеркнул особо, что Троцкий – авторитетный деятель партии, прославивший себя в годы революции и гражданской войны. Но он идет по неправильному пути, противопоставляя себя партии и Центральному Комитету. Основной его недостаток – отсутствие в нем идейной целостности [17, с.12]. Он изображает себя в полном согласии с Лениным, но Ленин, в его описании, очень похож на Троцкого.

После смерти Ленина ситуация изменилась радикально: партия превращалась в корпорацию со своей непререкаемой правдой победителей, и Ленин обязан был быть магистром этого Ордена, исповедником истины, ее главным выразителем. Неживой образ Ленина никого особо не смущал, даже радовал своей иконической безупречностью.

Комсомол тоже обязан был сказать о неприятии троцкизма – и сказал.

От лица комсомола

В 1924 г. вышел сборник под названием «Комсомол и Октябрь (по поводу «Уроков Октября» т. Троцкого)». В ответе Троцкому особенно чувствуется неприятие «живости» вождя,

ибо он уже приобрел в их сознании иконическую форму: «Ленин был именно вождем партии, ее первым и лучшим солдатом, ее знаменосцем... В том же духе под руководством Ленина воспитывается комсо-

мол» [10, с.3]. Комсомольцы, как и старшие товарищи, возмущались отсутствием в воспоминаниях Троцкого самой партии большевиков, – ее тоже требовалось канонизировать одновременно с понятием «ленинизм»: «Партии нет, вместо партии действуют вожди» [10, с.7].

Как итог рассуждений: «Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии» [10, с.14].

Ожидаемое событие

Вернемся к рисунку в журнале «Крокодил». Мы видим, что ключевое расхождение с партией у Троцкого – «ленинизм», уроки которого он должен еще получить. Почему – в будущем?

Второй номер «Крокодила» увидел свет примерно на второй неделе января 1925 года. Журнал выходил четыре раза в месяц.

Текст Е. Каменщикова.

Накануне пленума ЦК т. Троцкий написал письмо («я вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать!»). Ответ не заставил себя ожидать долго.

Рисунок, изображающий Троцкого, фокусировал внимание читателя на будущем, потому что было уже известно, что в середине января

пройдет Пленум ЦК и ЦКК РКП(б), на котором итоги дискуссии с Троцким подведет генеральный секретарь партии большевиков.

Пленум проходил с 17 по 20 января 1925 г. И.В.Сталин выступил 17 января с речью, в которой подытожил обсуждение «Уроков Октября» [19, с.8–10]. Дискуссию, он подчеркнул, навязал сам Троцкий.

Партия ответила!

Именно эти «уроки ленинизма» имелись в виду.

Сталин сообщил, что Троцкий фактически полностью капитулировал: он не пришел на Пленум, сказался больным и 15 января написал заявление, из которого следует, что он соглашается с лишением его поста председателя Реввоенсовета республики и просит дать другую работу.

Уже после Пленума ЦК и ЦКК РКП (б) журнал «Крокодил» в своем восьмом номере за январь–февраль 1925 г. опубликовал небольшой рисунок, в котором изобразил Троцкого в резко сатирическом тоне. Семантика рисунка такова, что Троцкий теперь – как бы вне партии. Он пишет письмо как чужак, а в окне «партийного дома» видны три смеющихся лица: Сталина, Каменева и Зиновьева...

Сталин сказал в своей речи 17 января, что Троцкий не признал своих ошибок («нет и тени»), но партия в лице своих представителей, прежде всего, в местных парторганизациях пришла к выводу, что позиция Троцкого в «Уроках Октября» – это *ревизия ленинизма*, попытка подменить ленинизм троцкизмом. Таково первое обвинение. Второе обвинение заключалось в том, что «Троцкий пытается добиться коренного изменения партийного руководства» – и именно поэтому написал свои «Уроки Октября». Была также отвергнута и теория «перманентной революции» как ошибочная теория. В течение января 1925 г. Сталин не раз возвращался к результатам состоявшейся дискуссии. 21 января 1925 г. в «Рабочей газете» было опубликовано «Письмо т. Д-ову», в котором он сначала поучал своего корреспондента, как правильно читать труды Ленина, а потом остановился на теории «перманентной революции» Троцкого: «Глупо было бы начинать Октябрьскую революцию в России при убеждении, что победивший пролетариат России при явном сочувствии со стороны пролетариев других стран, но при отсутствии победы в нескольких странах, "не может устоять против консервативной Европы". Это не марксизм, а самый заурядный оппортунизм, троцкизм и все, что угодно. Если бы теория Троцкого была правильна, то не был бы прав Ильич...» [19].

27 января он произнес речь на XIII губернской конференции московской организации РКП (б), в которой заявил, что сущностью троцкизма является «неверие в дело союза рабочих и крестьян, неверие в дело смычки». Он напомнил, что Ленин считал меньшевиков самыми опасными идейными противниками: «Я думаю, что из всех идейных течений в коммунизме в данный момент, после победы Октября, в настоящих условиях нэпа, наиболее опасным нужно считать троцкизм...» [18].

После резолюции пленума ЦК и ЦКК РКП (б) от 17 января 1925 г. было принято решение проводить разъяснения в партии по вопросам ленинизма и троцкизма. Ярославский губком опубликовал брошюру с рекомендациями, как проводить занятия по марксистскому воспитанию и недопущению распространения троцкизма. Планировалось вести занятия в течение полутора месяца (4–6 занятий): «Для большей плодотворности работы ячейка разбивается на несколько групп, каждая из которых отдельно прорабатывает весь вопрос. К каждой группе прикрепляются в качестве руководителей более подготовленные тт., желательно старые партийцы» [15, с.4]. Интересно, что предлагалась не только тематика занятий, но и примерные ответы на сложные вопросы. Тематика четырех занятий звучала так: «1. "Почему троцкизм опасен в ленинской партии"? 2. "В чем троцкизм извращает ленинизм?" 3. "Ошибки Троцкого не случайны, а систематичны". 4. "Антипартийный, не ленинский подход Троцкого к партии". Тезисы каждого занятия сопровождаются точным указанием необходимой литературы» [15, с.4].

Ответ же на первый вопрос звучал таким образом:

«Общеизвестны объективные предпосылки для образования в партии "правого" или "левого" крыла, крылышка, течения – вообще уклона от ленинизма. Объективные предпосылки для таких уклонов вытекают из того, что наша партия неоднородна. Они состоят в следующем:

а) РКП – единственная легальная партия. Этой своей монопольностью на легальность она неизбежно притягивает к себе по существу небольшевистские элементы, которые при других условиях были бы не у нас, а боролись бы против нас.

б) Наша партия, разбив все другие партии, впитала в себя десятки тысяч бывших членов враждебных большевизму партий, из которых не всем удалось целиком и окончательно освободиться от небольшевистской идеологии (пример – сам Троцкий).

в) Партия действует в своеобразный переходный период, когда на нее давит и капиталистическое окружение в международном масштабе, и "своя" внутренняя стихия в условиях НЭПа...» [15, с.5].

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

Особо подчеркивалось, что «влияние и обаяние Троцкого, как яркой личности, как большого авторитета, созданного партией, – бесспорно». И уточнялось: «особенно среди молодежи, среди военных...». Это-то и опасно: «...яркая личность, ведущая систематическую и упорную борьбу против основных кадров РКП (б) и руководящего ядра Коминтерна, – объективно, помимо желания Троцкого, делается знаменем всего небольшевистского, явно или тайно враждебного большевизму» [15, с.7].

В чем же он «извращает марксизм»?

Ответ: «Одной из отличительных черт Троцкого является непризнание им основных своих ошибок». А потому – «подменяя троцкизмом основной вопрос ленинской теории русской революции, Троцкий извратил и основной вопрос тактики Ленина в момент Октябрьского переворота» [15, с.10].

Общие выводы – совершенно в духе и даже словами товарища Сталина:

«Ведя подкоп под основы ленинизма в целях подмены его троцкизмом...»

Ревизируя ленинизм именем Ленина, "новый троцкизм и поступает более осторожно", а именно:

Во имя троцкизма, под флагом ленинизма, Троцкий с определенной политической целью дискредитирует ближайших учеников Ленина.

Вот почему "задача партии состоит в том, чтобы похоронить троцкизм как идейное течение" (Сталин) и оставить Троцкого "генералом без армии"» [15, с.16].

Заключение

Столкнулись между собой два «ленинизма»: один в интерпретации Троцкого, другой – в объяснении сталинской группировки. Победила модель «ленинизма», в которой не

оставалось уже ничего живого, контекстуального, о чем писал и говорил Троцкий. «Ленинизм» сталинского большинства, вольно или невольно, создавал *религиозный культ вождя*, во всех аспектах жизни и деятельности безупречного, и сама партийная организация оказывалась носителем идей, которые приобретали не политический, а метафизический смысл. «Ленинизм» Троцкого был обречен на непонимание, ибо не совпадал с интересами партийной бюрократии, – молодым же людям, которые поначалу симпатизировали борьбе Троцкого с бюрократией, была непонятна историческая роль Троцкого. В их глазах он становился

человеком «не у дел». Миф революции и гражданской войны оказывался под ударом нового исторического контекста и *новой метафизики* – и вынести этот удар уже не мог.

Библиографический список

1. Андреев А. Не всякое средство достигает цели // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.241–247.
2. Бубнов А. «Уроки Октября» и троцкизм // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.210–240.
3. Валентинов Н. (Н.Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С.Волк. М.: Современник, 1991. 367 с.
4. Зиновьев Г. Куда ведет теперь линия троцкизма // Ленинизм и троцкизм. Сборник статей и докладов. Издание Тулгубкома, 1924. С.71–106.
5. Каменев Л. Был ли Ленин действительно вождем пролетариата и революции? // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.203–209.
6. Каменев Л. Ленинизм или Троцкизм? // О литературном выступлении тов. Троцкого: Речи и статьи тт. Троцкого Центр. органа «Правды», Каменева, Сталина, Квиринга, Сокольникова и ЦК РЛКСМ. Артемовск: Рабочий Донбасса, 1924. С.56–98.
7. Квиринг Э. Ленин, заговорщичество, Октябрь // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.248–258.
8. Квиринг Э. Сущность троцкизма // О литературном выступлении тов. Троцкого: Речи и статьи тт. Троцкого Центр. органа «Правды», Каменева, Сталина, Квиринга, Сокольникова и ЦК РЛКСМ. Артемовск: Рабочий Донбасса, 1924. С.115–121.
9. Коларов В. «Октябрьские уроки» и болгарская коммунистическая партия // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.395–411.
10. Комсомол и Октябрь (по поводу «Уроков Октября» т. Троцкого). М.: «Новая Москва», 1924. 16 с.
11. Крупская Н. К вопросу об уроках ленинизма // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.152–156.
12. Куусинен О. Неудавшееся изображение «немецкого Октября» (по поводу «Уроков Октября» т. Троцкого // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.374–394.
13. Ленин о Троцком и троцкизме. М.: Государственное издательство, 1925. 175 с.
14. Мартов Л. Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии: (ответ на письмо Н.Ленина): [с приложением писем Н.Ленина, Г.Плеханова и Ф.Дана] / Л.Мартов; Рос. социал-демокр. рабочая партия. Женева, 1904. VIII. 96 с.
15. Ленинизм и троцкизм. Материалы для ячеек РКП. Ярославль, 1925. 17 с.
16. Молотов В. Об уроках троцкизма. По поводу книги Л.Троцкого «О Ленине». М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 87 с.
17. Носов И. О Троцком и троцкизме. Доклад на X симферопольской партконференции 27 ноября 1924 года. Симферополь: «Красный Крым», 1924. 43 с.
18. Правда. №24, 30 января 1925 г.
19. Рабочая газета. №17, 21 января 1925 г.

О ДВУХ МОДЕЛЯХ «ЛЕНИНИЗМА» ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ

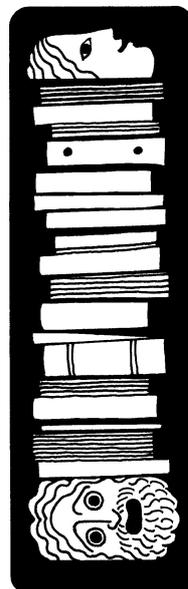
20. Сокольников Г. Как подходить к истории Октября? (По поводу «Уроков Октября» т. Троцкого) // О литературном выступлении тов. Троцкого: Речи и статьи тт. Троцкого Центр. органа «Правды», Каменева, Сталина, Квиринга, Сокольникова и ЦК РЛКСМ. Артемовск: Рабочий Донбасса, 1924. С.122–129.
21. Сталин И.В. Сочинения. Т.7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С.6–10.
22. Сталин И. Троцкизм или Ленинизм? (Речь на фракции ВЦСПС 19 / XI 1924 г.). О литературном выступлении тов. Троцкого: Речи и статьи тт. Троцкого Центр. органа «Правды», Каменева, Сталина, Квиринга, Сокольникова и ЦК РЛКСМ. Артемовск: Рабочий Донбасса, 1924. С.99–114.
23. Степанов И. Кто совершил Октябрьскую революцию? (По поводу «истории» Октября в книге Л.Троцкого «1917») // За ленинизм. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С.265–272.
24. Такер Р. Сталин. История и личность. Перевод с английского. М.: «Весь мир», 2006. 864 с.
25. Троцкий Л. Новый курс / Л.Троцкий. М.: Красная новь, 1924. 104 с.
26. Троцкий Л. От февраля до Октября. Т.3: 1917. Ч.1 [Уроки Октября (вместо введения). Январь 1918 г.]. 1924. LXXII, 466 с.

Политик думает о следующих выборах; государственный деятель – о грядущем поколении.

Джеймс Фриман Кларк

Всякая перемена прокладывает путь
другим переменам.

Николо Макиавелли

Нина Хайлова

**«ЗАДАЧА НЕ В ТОМ,
ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ
РОССИЮ В РАЙ, А В ТОМ,
ЧТОБЫ ПОМЕШАТЬ ЕЙ
ПРЕВРАТИТЬСЯ В АД»:**

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ
В I ДУМЕ***

УДК
93/94

В центре внимания автора статьи – деятельность либералов-центристов в I Государственной думе. Автор приходит к выводу о том, что им удалось тогда закрепить свои позиции в «большой политике». Они смогли в ряде случаев повлиять на ход событий в Думе. В период ее работы либералы-центристы апробировали свои взгляды на реформы в России и тактические принципы.

The author analyzes the activities of those liberal deputies of the first Duma, who occupied a middle position between the Cadets and the Octobrists. The author concludes that they managed to consolidate their position in "big politics" at that time. They managed in some cases to influence the course of events in the Duma. During its work, they tested their views on reforms in Russia, as well as the tactical principles of their own political parties.

Ключевые слова: Партия демократических реформ; Партия мирного обновления; I Государственная дума; М.М.Ковалевский; В.Д.Кузьмин-Караваев; С.Д.Урусов; П.А.Гейден; М.А.Стахович; Н.С.Волконский.

Key words: Partiya demokraticeskikh reform; Partiya mirnogo obnoveniya; the First State Duma; M.M.Kovalevskij; V.D.Kuz'min-Karavaev; S.D.Urusov; P.A.Gejden; M.A.Stahovich; N.S.Volkonskij.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

* Продолжение. См.: №6. 2019; №1. 2020.

В историографии нет комплексного исследования опыта либералов-центристов в период революции 1905–1907 гг. В связи с этим особый интерес представляет история «перводумья». Деятели либерального центра удалось тогда закрепить свои позиции в «большой политике», занять особую нишу в партийно-политическом спектре нижней палаты. Стремление лидеров думской группы Партии демократических реформ (ПДР) и «мирнообновленцев»¹ ориентировать народных избранников на серьезную законодательную работу, играть роль камертона в упорядочивании депутатского многоголосья, – все это нередко диссонировало с настроением большинства собравшихся в Таврическом дворце. В то же время либералам-центристам не раз удавалось повлиять на ход событий в Думе. На начальном этапе становления народного представительства проходили обкатку их программные установки, организационные и тактические принципы, продолжался непростой процесс «наведения мостов» между собственными объединениями, а также поиск взаимопонимания и оптимальных форм взаимодействия с близкими по взглядам думцами из числа кадетов и трудовиков.

ПДР с самого начала имела в I Думе всего 5 представителей. Среди них «звездами первой величины» были М.М.Ковалевский и В.Д.Кузьмин-Караваев². Уже в ходе работы нижней палаты ряды думских «демреформаторов» пополнили еще 7 депутатов³. Это посланцы Пермской губ., связанные с местной Конституционно-либеральной партией⁴ (во главе с ее председателем – Н.В.Павловым). К ПДР примкнуло и несколько депутатов-крестьян, деятелей волостного управления⁵.

¹ Имеется в виду Группа мирного обновления. В I Думе она стала площадкой для образования ядра Партии мирного обновления (ПМО), официально признанной 16 октября 1906 г.

² По данным руководства ПДР, еще до избрания в I Думу в партии состояли также: председатель Егорьевской земской управы В.К.Федоровский (депутат от Рязанской губ.), представители казачества – сибирского (И.П.Лаптев) и донского (А.М.Скасырский) [12, с. III–IV].

³ В результате думская Группа демократических реформ объединила, по словам ее лидеров, 12 человек [12, с. III].

⁴ Это – Н.С.Селиванов (земский деятель) и В.Н.Грамматчиков (горный инженер).

⁵ От Вологодской губ. – С.И.Федотовский и А.Л.Шемякин, от Новгородской губ. – В.Т.Трифонов.

«Таинственный Сезам»

Значимым стало вступление в Группу «демреформаторов» кн. С.Д.Урусова – единственного из числа высшей бюрократии⁶ прошедшего в I Думу. Участвуя в избира-

тельной кампании в Калужской губ., он был своего рода «белой вороной» среди кандидатов, демонстрируя отсутствие политической ангажированности и до последнего оставаясь «таинственным Сезамом» для местной общественности. «Все партии признавали его своим единомышленником, но кого он признает своими – об этом никто ничего не знает» [4, т.3, л.289:1939], – сообщалось в прессе. Примечательно, что несмотря на развернутую кадетами масштабную агитационную кампанию, именно С.Д.Урусов был избран «громadным большинством голосов», опередив по этому показателю лидеров калужских конституционалистов-демократов – В.П.Обнинского и Л.Н.Новосильцева.

«Мы не стремились к достижению компромиссов в тактических целях, чтобы путем взаимных уступок составить внушительное большинство, – характеризовал С.Д.Урусов тактику «демреформаторов» в I Думе. – Некоторым из нас казались слишком быстрыми взятые Думой темпы, а тон ее не всегда верным. Введенное в наш государственный строй народное представительство мы рассматривали как силу, которой предстояло постепенно вырасти и укрепиться. При ясно выраженном оппозиционном настроении большинства Думы, имевшем корни в стране, представлялось возможным реформировать как правительственную деятельность, так и самый состав правительства, не прибегая к мерам революционного характера» [22, с.619].

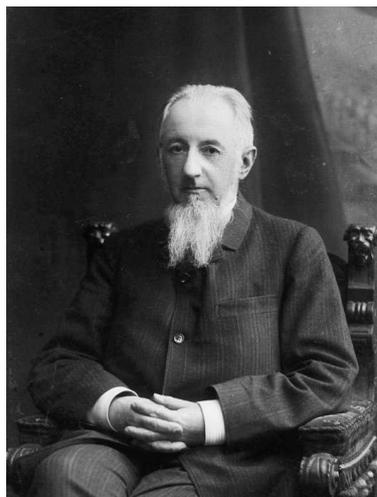
⁶ Кн. С.Д.Урусов в 1902–1903 гг. занимал пост тамбовского вице-губернатора, а в 1903–1905 гг. последовательно возглавлял управление «проблемными» (в смысле общественно-политической ситуации) губерниями – Бессарабской и Тверской. Успешный администратор, он отличался независимостью и принципиальной позицией. Дважды Урусов добровольно уходил в отставку, не согласный с решениями высшего руководства. Так случилось в мае 1905 г., когда он, будучи тверским губернатором, подобным образом отреагировал на назначение Д.Ф.Трепова товарищем министра внутренних дел с особыми полномочиями. История повторилась в марте 1906 г. Тогда С.Д.Урусов, исполнявший обязанности товарища министра внутренних дел в правительстве С.Ю.Витте, предпочел покинуть столицу, когда оказалось, что составленный под его руководством законопроект о реформе местного управления, а также предложение о снятии всех ограничений свободы вероисповедания в отношении старообрядцев шли вразрез с настроениями, господствовавшими в «верхах». Это был редкий в России случай добровольного ухода в отставку сановника столь высокого ранга [22].

«Мой долг и в безвоздушное пространство говорить...»

Подобный настрой был характерен и для группы «мирнообновленцев», «собирателем» которой стал гр. П.А.Гейден. Один из учредителей «Союза 17 октября», он нередко

воспринимался в Думе и за ее пределами как представитель «правых». «Вся моя правота в том, что я враг революционных приемов и стою за мирную борьбу», – комментировал курьезную ситуацию сам депутат. П.А.Гейден говорил с трибуны Таврического дворца практически по всем значимым вопросам и стал абсолютным лидером по общему количеству выступлений. Случалось, что его речи вызывали «смех и шум» в зале заседаний⁷. Осознавая в подобных случаях свою «чужеродность» в «Думе народного гнева», он понимал, что его доводы и возражения не будут приняты большинством. «Тем не менее мой долг и в безвоздушное пространство говорить, – стоял на своем оратор. – Я и мои товарищи желаем работать и, может быть, наши замечания послужат ко благу нашей родины» [15, стб.1013].

В Группу мирного обновления в I Думе входили, по разным сведениям, 24–29 депутатов. Заняв промежуточное положение между октябристами и кадетами, это объединение преследовало ту же цель, что и «дем-реформаторы», – собрать «под великим знаменем русской свободы и законности» [11, с.79] всех сторонников прогресса, категорически не

П.А.Гейден

⁷ Подобная реакция депутатов последовала, в частности, на горячие возражения П.А.Гейдена против распространенной среди социалистов трактовки выражения «искать опоры в народе». «Это значит искать, чтобы волна снизу нас подняла», – комментировал он тезис левых радикалов. Несмотря на явно недружелюбный настрой последних, оратор продолжил: «Я стою на другой почве и полагаю, что скорее волна разума, справедливости и права должна идти сверху и сверху покрыть всех теми общими началами справедливости, для проведения которых в жизнь мы здесь собрались» [13, с.101]. То, что «главная опасность грозит свободе не сверху, а снизу», либералы-центристы осознали раньше, чем кадетское руководство.

приемлющих произвол и насилие. Ближайшими сподвижниками П.А.Гейдена были его соратник по партии, член октябристского ЦК, М.А.Стахович и Н.Н.Львов, выходец из кадетских рядов⁸.

О преемственности ПМО с московским Клубом независимых свидетельствовала не только фигура Н.Н.Львова в партийном руководстве, но и «Московский еженедельник» братьев кн. Евгения и Григория Трубецких, ставший неофициальным органом «мирнообновленцев». Журнал продолжали поддерживать представители московского торгово-промышленного мира (А.С.Вишняков, Г.И.Петухов, М.К.Морозова, В.П.Рябушинский, С.И.Четвериков, А.И.Коновалов и др.). Некоторые из них, в ходе предвыборного марафона в самом начале 1906 г. успев «примерить» на себя роль организаторов ряда партий («Союза 17 октября», Умеренно-прогрессивной, Торгово-промышленной), осенью того же года вошли в состав ЦК ПМО (А.С.Вишняков, А.И.Коновалов, братья В.П. и П.П.Рябушинские, С.И.Четвериков и др.).

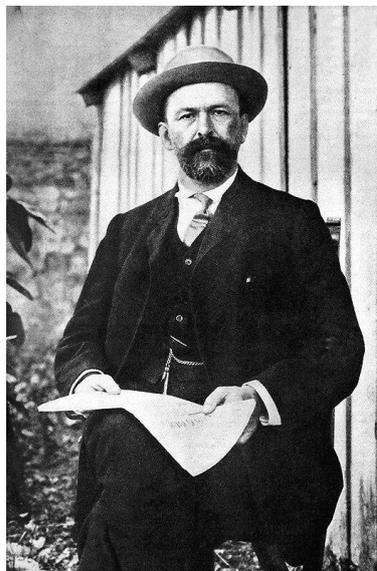
**«...по старому закону
Божию»**

Что касается идейного родства «мирнообновленцев» с «депреформаторами», то оно проявилось не только в программе ПМО, фактически заимствованной (за исключением

аграрного раздела) у ПДР. Их объединяло нечто большее – общее миропонимание и мироощущение, выразившееся в трактовке ключевого понятия – «мирное обновление». По словам Е.Н.Трубецкого, этот путь преобразований не имел ничего общего с проповедью, суть которой выражена в пословице «худой мир лучше доброй ссоры». В отличие от политических соседей «справа» и «слева», организаторы ПДР и ПМО вкладывали свой смысл в определение того, что есть «мир». Это – порядок, при котором люди должны «жить, управлять и добиваться своего или общего права не силой, а по закону», т.е. «по обновленному русскому закону и по старому закону Божию, который сказал всем людям и навсегда "не убий"».

⁸ Один из основателей Конституционно-демократической партии, Н.Н.Львов покинул ее в период работы I Думы из-за несогласия с оппозиционным характером адреса, подготовленного кадетами в ответ на тронную речь Николая II.

Не раз обращаясь к политическим деятелям, Е.Н.Трубецкой призывал: «Если вы хотите послужить миру в России, провозгласите начало ценности человеческой жизни во всей его широте, не терпящей ограничения». Он обращал внимание на то, что именно ПМО «впервые развернула это знамя», последовательно выражая тем самым «лучшие заветы освободительного движения», для которого *«дорог человек как таковой* [выделено в тексте. – Н.Х.], независимо от его национальности, общественного положения». На страницах «Московского еженедельника» подчеркивалась еще одна особенность русского освободительного движения, воспринятая и либералами-центристами. Это толкование «равенства» и «свободы» как неотделимых друг от друга явлений, т.е. интерпретация свободы исключительно «в форме всеобщности: пусть будут свободны все или никто». Отсюда – и «ненависть к конституции цензовой, конституции для привилегированных», и выдвижение либералами-центристами на первый план рядом с политическими требованиями программы социальных реформ с целью обеспечения «для всех людей человеческих условий существования» [11, с.115–116].

Е.Н.Трубецкой

«Главная болезнь, которую мы страдаем...»

Отвергая упреки в утопизме, идеологи «срединного» течения в русском либерализме отдавали себе отчет в том, что социальная борьба не прекратится и после проведения в жизнь конституционных начал и самых широких преобразований. «Эта борьба будет продолжаться, но для нее будет отведено законное русло, – разъяснял Е.Н.Трубецкой. – Задача ближайшего будущего – не в том, чтобы превратить Россию в рай, а в том, чтобы помешать ей превратиться в ад. Мир должен выразиться прежде всего в прекращении междоусобия. Мир племенной, мир классовый, мир международный – вот цель наших

стремлений. И все враги мира – наши враги» [11, с.125]. «Бескровную, культурную» борьбу провозгласили своим лозунгом и организаторы ПДР [20].

Исторический оптимизм сочетался у идеологов ПМО с пониманием российских реалий. «В России вообще вряд ли в скором времени установится какой-либо прочный порядок, ибо главная болезнь, которую мы страдаем, – крайне низкий нравственный уровень, *хамство* не поддается быстрому излечению; непрочность "старого порядка" обуславливается тем, что главная опора его – *наемный льстец*, всегда готовый продать за грош. Слабость же революции в том, что ее опора у нас – *возмущившийся раб*, который сегодня готов топтать ногами своего господина, а завтра будет валяться у него в ногах. Такое общественное состояние сулит нам долгую смуту, ибо нам недостает того самого, на чем можно построить прочный государственный порядок – *нравственного фундамента* [выделено в тексте. – Н.Х]. Хамство есть элемент анархический, и все, что на нем строится, непрестанно рушится: вот почему у нас все заражено анархией» [21, с.5], – провидчески замечал Е.Н.Трубецкой. Отсюда – взгляд на «мирное обновление» страны как на своего рода «забег на длинную дистанцию», результаты которого могут проявиться лишь в отдаленной перспективе.

На самом деле с тех же позиций изначально выступали и «деформаторы». В русле взглядов ПДР формировались в первой половине 1906 г. такие лидеры ПМО, как И.Н.Ефремов (один из основателей в Новочеркасске Донской прогрессивной партии, «немногочисленной, но авторитетной» [4, т.3, л.37.об.:241]) и К.Ф.Казимир, бессарабский земец, просветитель и филантроп. Избранные в I Думу, оба они характеризовались в прессе то как кадеты, то как прогрессисты, при этом упоминались еще и как члены ПДР [16, с.8]. Примечательно, что Н.С.Селиванов и А.М.Скасырский, учтенные лидерами ПДР как партийные соратники, в июне 1906 г. были включены и «мирнообновленцами» в состав их думской группы. К началу избирательной кампании во II Думу заметную роль в столичном общегородском совете ПМО играл бывший член ПДР С.Ф.Годлевский – философ, писатель и публицист, присяжный поверенный окружной Петербургской судебной палаты. Взаимопереплетение двух партий наглядно проявлялось и в составе участников заседаний их руководства, частных совещаний: похоже, что у «деформаторов» и «мирнообновленцев» не было секретов друг от друга.

Во время работы I Думы П.А.Гейден неоднократно обсуждал с членами ПДР возможность организационного сближения с ними.

«Очень надеюсь, что мы сойдемся с группой Максима Ковалевского» [3, л.9], – писал он жене 16 мая 1906 г. Однако его расчет не оправдался. М.М.Ковалевский нередко переводил подобные разговоры в шутку, вызывая явное раздражение П.А.Гейдена. Под влиянием этих встреч глава думских «мирнообновленцев» характеризовал М.М.Ковалевского как человека «очень апатичного», «неустановившегося», «действующего под влиянием минуты» [3, л.27–27об.]. Схожей позиции придерживался и В.Д.Кузьмин-Караваев, который уверял П.А.Гейдена, что «сочувствие» «мирнообновленцам» со стороны ПДР всегда будет обеспечено. Вместе с тем и он считал несвоевременным организационное слияние двух партий [3, л.30]⁹.

М.М.Ковалевский

«Депутаты-учителя»

Этот стиль отношений между либералами-центристами проявился с самого начала работы I Думы. Их лидеры были единодушны в определении «реперных точек» в деятельности народного представительства. Прежде всего, это касалось необходимости разъяснения большинству депутатов сути их функций, а также организации работы нижней палаты. Дума не имела тогда абсолютно никакого опыта. Она была охвачена «болезненно-нетерпеливой жадой законодательного творчества», но как «творить право» и в чем состоит законодательная техника, подавляющее большинство народных избранников совершенно себе не представляло. Думские комиссии работали урывками, между заседаниями нижней палаты, действуя мето-

⁹ См. о нем: Хайлова Нина. Либерал-центрист В.Д.Кузьмин-Караваев: «Государство должно идти впереди граждан, ведя их к праву, правде и свободе» // Россия XXI. 2018. С.136–161.

дом проб и ошибок: «У них не было канцелярий, не было справочных бюро, и сами члены Думы должны были нести и черную работу подготовки материала, и главную работу разработки законопроектов» [13, с.14].

В сложившейся ситуации весомый вклад в постановку деятельности Думы внесли, наряду с лидерами кадетской фракции, либералы-центристы. «Запевалами» от ПДР выступили М.М.Ковалевский, знаток истории и практики западного парламентаризма, и видный правовед В.Д.Кузьмин-Караваев. Благодаря им партия оказалась «сильной в Думе не численностью, но личным авторитетом» [23]. Роль «депутатов-учителей» в юном российском парламенте играли и «мирнообновленцы» – известные деятели земско-либерального движения, имевшие за своими плечами богатый жизненный опыт, в том числе в области судебной практики, административной деятельности (П.А.Гейден, М.А.Стахович, кн. Н.С.Волконский).

Прежде всего, либералы-центристы призывали депутатов умерить пыл, не вносить в работу «партийную окраску». При этом для них была очевидна главная причина «особой страстности» атмосферы думских заседаний. Это – «долго накоплявшееся озлобление против старого порядка», а, кроме того, переоценка депутатами «могущества Государственной думы, а также силы, глубины и сознательности народного движения». «Демреформаторы» и «мирнообновленцы» обращали внимание на опасную тенденцию: правительство, не извлекая уроков из прошлого, зачастую своими действиями «подливало масла в огонь» и толкало Думу влево, усугубляя ее протестное настроение.

С другой стороны, деятели «срединного» течения в русском либерализме предъявляли счет и кадетам, полагая, что соратники П.Н.Милюкова, составлявшие треть депутатского корпуса и фактически определявшие тогда русло парламентской жизни, также порой препятствовали созданию делового настроения Думы. Либералы-центристы критиковали их за непоследовательность тактики (отсутствие должной решительности в осуждении террористических актов), нередко митинговый характер речей. Склонность кадетского руководства к партийной диктатуре, проявления им неуважения к чужому слову и мнению побудили деятелей ПДР и ПМО вынести в повестку дня I Думы вопрос о законодательном обеспечении прав политических меньшинств.

**«...за колесницей
триумфатора»**

В то же время, подчеркивая «родство» либералов-центристов с кадетами во взглядах на реформирование России, В.Д.Кузьмин-Караваев от

имени «демреформаторов» признавал: «Мы отмечали неправильность приемов конституционно-демократической партии в Думе отнюдь не в целях дискредитирования принципов, на которых объединились вошедшие в ее состав лица. Эти принципы нам дороги не меньше. Но именно потому мы желали бы, чтобы средства их проведения были безупречны, ибо в безупречности средств парламентской борьбы – один из важнейших залогов ее успеха» [9, с.858]. Жестом солидарности, обращенным к лидерам кадетской фракции, стало и заявление М.М.Ковалевского с думской трибуны: «Я друг той партии, которая называется – партией народной свободы, но я в то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельного суждения. И с этой оговоркой вы только и можете рассчитывать на мою поддержку» [12, с.18]¹⁰. Отношение «мирнообновленцев» к кадетам выразил П.А.Гейден, сославшись в своем выступлении на пример из римской истории, «где за колесницей триумфатора обязательно шел человек, который его порицал, чтобы он не заносился слишком высоко в облака». «Я думаю, что такой порицатель всегда полезен» [13, с.19], – резюмировал он.

**«Надо быть весьма мягким
в приемах и твердым
по существу»**

Характерен тон, который либералы-центристы пытались задать в I Думе по отношению к верховной власти. М.М.Ковалевский, опираясь на европейский опыт, предлагал внести в подготовленный Думой адрес (ответ депутатов на приветствие Николая II) выражение признательности Монарху¹¹. П.А.Гейден особо указывал на необходимость оградить «имя Государя Императора» от партийной борьбы. Он призывал парламентариев не увлекаться «требованиями», прикрываясь при этом «желанием Думы» и «именем русского народа», а отстаивать свои права «в самой почтительной форме». «Надо

¹⁰ М.М.Ковалевский вспоминал о реакции кадетской фракции на его «недисциплинированность»: «К.-д. относились ко мне с оглядкой, не всегда уверенные в том, что я буду сотрудничать с ними в унисон. И тем не менее меня выбрали председателем и членом многих комиссий» [6, с.367].

¹¹ «"Такая марка не пройдет", ответил мне шутя Винавер, – вспоминал М.М.Ковалевский о реакции на свое предложение известного кадеты. – Вы лучше не возбуждайте и самого вопроса. А то послышатся протесты, которые только ухудшают наше положение». На склоне лет лидер «демреформаторов» упрекал себя в том, что не проявил в тот момент настойчивости: «Протесты, конечно, могли последовать от трудовиков или представителей рабочей партии, но большинство, вероятно, поддержало бы мое предложение. А включение в адрес, хотя и холодного выражения признательности, прорвало бы тот лед, который сразу установился в отношениях Думы к высшему правительству» [6, с.364].

быть весьма мягким в приемах и твердым по существу» [13, с.22], – именитый псковский земец и в этом случае считал оправданным применение своего жизненного принципа.

О недопустимости призывов с думской трибуны к «самоуправству народному», обращения к правительству и помещикам с позиций «запугивания» говорил и М.А.Стахович¹². «Этак не совершенствуется государство, это не реформа, а разрушение государства» [13, с.83], – пытался он остудить разгоряченные головы. Обращая внимание на «смешение понятий» в речах ряда ораторов, П.А.Гейден терпеливо разъяснял: «Министерство действительно очень плохо, с ним нужно покончить и не иметь дела, но правительство необходимо... Теперешняя полиция безответственна, произвольна и незаконна, но не желать никакой полиции нельзя» [13, с.101]. Считая главной бедой старого порядка «превращение личной воли в закон», «мирнообновленцы» настаивали на том, что «новый порядок нужно заводить новыми приемами: глубоким уважением к закону и даже личности своего врага» [13, с.142]. П.А.Гейден заявлял: «Прежде всего мы должны уважать чужие права. Я думаю, что в этом и заключается настоящая свобода» [13, с.37].

Весьма значимо признание члена кадетского ЦК В.А.Маклакова, считавшего «настоящими либералами» в I Думе вовсе не своих «однопартийцев», а «мирнообновленцев» – П.А.Гейдена и М.А.Стаховича. Именно с этими людьми, которые боролись за конституцию «без оглядки налево», В.А.Маклаков связывал шанс России на «безболезненное укрепление конституционного порядка» [10, с.48].

Организатор ПМО провозглашал: «Мы не должны сюда приходить с воспоминанием о прошлых неправдах, о прошлой беде, мы не должны здесь разжигать чувство злобы, а мы должны быть здесь с чувством примирения и забвением прошлого и только помнить о том, что мы должны сделать в будущем» [13, с.39]. Солидарен с ним был и М.М.Ковалевский: «Пусть прошлое будет прошлым, заживем новой жизнью!» [12, с.35]. Показательна реакция кадетских лидеров на подобные лозунги: они напоминали, что думская трибуна – не церковная кафедра, а «требования нравственности и справедливости не всегда совпадают с требованиями политическими» [13, с.41–42].

¹² Так, М.А.Стахович неодобрительно отозвался о речи кадета М.Я.Герценштейна, в которой поджоги помещичьих усадеб именовались «веселым словом "иллюминация"». «Я не скрываю, что принадлежу к тем староверам, может быть смешным, которые продолжают считать, что поджог, грабеж, насилие – грех и безобразие, и что о них нельзя говорить сочувственно, чуть не ласково» [13, с.83], – заявлял он.

Для создания деловой атмосферы в Думе важное значение имело скорейшее завершение разработки Наказа – своего рода регламента деятельности нижней палаты. Этим занималась специальная комиссия во главе с М.М.Ковалевским. В ее состав входил и В.Д.Кузьмин-Караваев. Особой заботой либералов-центристов было обеспечение качества правовых актов, выходящих из «недр» думских комиссий. «Быстрота работы отнюдь не должна идти в ущерб ее правильности и основательности» [12, с.149], – неизменно подчеркивал В.Д.Кузьмин-

В.Д.Кузьмин-Караваев

Караваев. Не раз возражали против «скороспелости» законопроектов и «мирнообновленцы». «Очевидно, хотя бы создать не комиссии, а какой-то автоматический инструмент, такой законодательный пулемет, который каждые пять минут будет выбрасывать по одному закону. Но, господа, в четыре месяца всего законодательства российского не перестроишь!» [13, с.97] – обращался П.А.Гейден, прежде всего, к деятелям кадетской фракции. Вместе со своими соратниками он, в частности, предостерегал от стремления «одним махом» установить в России гражданское равноправие, т.е. в одном-единственном законопроекте подвести всех «под общий принцип равенства», ограничиваясь абстрактными формулировками [13, с.94]. Кадетское руководство встретило критику «в штыхы», однако не смогло представить каких-либо убедительных контраргументов [13, с.96].

«Пользы от непрерывного сидения нет...»

Пытаясь задать оптимальный темп работы нижней палаты, либералы-центристы призывали коллег к дисциплине и рациональному использованию времени. По предложению

П.А.Гейдена был установлен следующий регламент: два дня в неделю предоставлялись исключительно для работы комиссий, в остальные четыре дня заседания продолжались с 11 до 19 часов. Стронник интенсивной работы Думы, автор инициативы считал своим долгом стоять на страже «здравого смысла» и не допускать чрезмерных перегрузок депу-

татов. «Пользы от непрерывного сидения нет, польза в плодотворной работе» [13, с.166], – подчеркивал он, реагируя на предложение «удлинить» рабочий день Думы до 12 часов ночи и отказаться от выходных. Убедив большинство коллег в необходимости завершать основные совместные труды в Таврическом дворце не позже семи часов вечера, лидер «мирнообновленцев» не только изыскал дополнительный временной ресурс для деятельности комиссий (по окончании общих заседаний), но и поставил заслон «бомбардировке министерства» депутатскими запросами, зачастую не обоснованными ни по сути, ни по заявленной «срочности»¹³.

Развивая программные взгляды в общем идейном фарватере с кадетами, либералы-центристы сохраняли независимость по ряду ключевых вопросов. Так, они считали «существенными промахами» проекта ответного адреса недостаточную проработку положений о полномочиях Государственной думы и Государственного совета. Сторонники двухпалатной системы, лидеры ПДР и «мирнообновленцы» выразили принципиальное несогласие с мыслью кадетских идеологов об упразднении Государственного совета как «средостения» между монархом и народом. При этом подобное отношение к верхней палате М.М.Ковалевский считал неприемлемым в той же мере, как и наделение ее, согласно закону 20 февраля и Основным законам, законодательной властью на равных правах с Думой. По его мнению, Государственный совет был не только полезен, но необходим как высший административный совет и как орган, издающий указы в периоды междудумья [12, с.26–27]. «Нет сомнения, что Государственный совет далеко не тот идеал, к которому нужно стремиться, – вторил соратнику из ПДР П.А.Гейден. Подчеркивая необходимость демократизации верхней палаты, он считал «крайне желательным» постепенное превращение ее в «истинное народное представительство». Лидер «мирнообновленцев» призывал депутатов быть более объективными в оценке «полезности» Государственного совета, напомним старую истину: «Никогда никакие учреждения не входят сразу в жизнь в полном совершенстве, нам дано здесь начало и мы должны этим началом воспользоваться и его усовершенствовать» [13, с.39]. Судя по стенограммам думских заседаний, позиция либералов-центристов нашла некоторый отклик среди депутатов. Однако при-

¹³ В качестве примера П.А.Гейден ссылаясь на желание авторов одного из подобных обращений «запросить министра юстиции, известен ли ему факт убийства крестьянина одним из помещиков и нарушение стражниками своих обязанностей» [13, с.162].

веденные доводы не были «услышаны» кадетским руководством, настаившим на резко-обличительной характеристике верхней палаты в тексте адреса.

**«Кому же как не
Максиму Максимовичу
с иностранцами возиться»**

Что касается совершенствования правового положения Государственной думы, то в дискуссиях по этой теме особая роль принадлежала М.М.Ковалевскому и В.Д.Кузьмину-

Караваеву. Они выступали за усиление влияния нижней палаты на финансовую политику и поставили вопрос о расширении возможностей для законодательного почина Думы – предоставлении этого права не только комиссиям нижней палаты, но и отдельным депутатам. М.М.Ковалевский подчеркивал также важность приобщения народных избранников к рассмотрению вопросов внешней политики. По воспоминаниям В.Д.Кузьмина-Караваева, подобного рода активность соратника нашла своеобразное отражение в умах трудовиков-крестьян: «Когда в думских кулуарах шли разговоры о министерстве из членов Думы, крестьяне с большой тщательностью перебирали имена возможных и желательных кандидатов, и вокруг тех или других имен часто велись оживленные споры. Но кто должен быть министром иностранных дел, они решили в один голос и об этой кандидатуре не спорили. "Кому же как не Максиму Максимовичу с иностранцами возиться", – говорил, формулируя мысли думских крестьян, киевский депутат А.Ф.Грабовецкий» [8, с.312–313]. Благодаря авторитету за рубежом М.М.Ковалевский сыграл исключительную роль в установлении связей Думы с западными законодателями, выходе юного российского парламента на международную арену. Он возглавил думскую депутацию на XIV Международной межпарламентской конференции в Лондоне (в июле 1906 г.), а также Русскую парламентскую группу в международном третейском суде.

Укрепление статуса нижней палаты «депреформаторы» и «мирнообновленцы» связывали с решением еще одной проблемы – ограждения народных избранников от произвола властей. С самого начала работы Думы М.М.Ковалевский настоятельно рекомендовал коллегам по законодательной работе заняться разработкой вопроса о депутатской неприкосновенности [15, стб.1201]. Однако, еще не дожидаясь каких-либо

установлений на этот счет, либералы-центристы стремились пресечь попытки властей «приструнить» неугодных¹⁴.

**«Будут права –
будет и земля»**

Заботу о законодательных гарантиях самостоятельности и независимости народных избранников либералы-центристы рассматривали в контексте правового обеспечения граждан-

ских и политических свобод в стране. Определяя это направление работы Думы как приоритетное, В.Д.Кузьмин-Караваев ссылаясь на то, что ему лично не раз приходилось слышать от крестьян такое мнение: «будут права – будет и земля». Разъясняя подобный настрой, он заявлял: «Одно голое разрешение одного только земельного вопроса крестьян еще не удовлетворит. Они уже вкусили от "древа знания" и справедливо требуют большего. Они мечтают добиться в Думе полной "декларации прав человека и гражданина". И это стоит у них на первом плане» [4, т.9, л.152–154].

В думских дискуссиях о правах и свободах россиян лидеры «депреформаторов» и «мирнообновленцев» продолжали занимать передовые позиции. Председателем комиссии о неприкосновенности личности был избран П.А.Гейден. В ее состав вошли также В.Д.Кузьмин-Караваев (тов.[зам.] предс.) и М.М.Ковалевский. Комиссия разработала законопроекты о неприкосновенности личности (введение судебного контроля над арестами) и запрете возбуждать уголовное преследование против членов Думы без ее согласия. На основе первого был составлен правительственный законопроект, внесенный во II и III Думу. Характерен призыв «мирнообновленца» Н.Ф.Румянцева смотреть «в корень» проблемы обеспечения прав и свобод личности. Он предвидел немалые угрозы для будущего России от того, что позднее социологи назовут «маргинализацией» населения: «личность оставлена в ее естественном состоянии, меры к ее общественному воспитанию слишком малы». Более того, Н.Ф.Румянцев подчеркивал, что все существующие меры «направлены к тому, чтобы окончательно дискредитировать и уничтожить в стране все способы, которые помогли бы личности общественно воспитаться» [13, с.134].

¹⁴ Так, П.А.Гейдену удалось «отстоять» трудовика Г.К.Ульянова, в результате чего Дума признала незаконным постановление прокурора Округного суда, вынесенное в отношении этого депутата [13, с.134].

Враги отвлеченных схем и противники формулы «решить все и сразу», идеологи либералов-центристов считали, что Дума, прежде всего, должна дать стране «синицу в руки». А потому, по их мнению, не следовало «привязывать» безотлагательное решение таких, например, набравших проблем, как отмена смертной казни и объявление политической амнистии, к проведению масштабной судебной реформы по образцу 1864 г.

«Звездным часом» М.М.Ковалевского стало обсуждение в Думе законопроектов о свободе печати и свободе собраний. Заподозренный П.Н.Милоковым в желании «увести» за собой левых депутатов и таким образом «перейти дорогу» кадетам, лидер ПДР действительно превзошел последних по части радикализма. По его мнению, число наказуемых деяний для печати следовало ограничить всего тремя пунктами. Что же касается свободы собраний, то М.М.Ковалевский, руководствуясь английским опытом, выступил вообще за снятие всех запретов.

Подчеркивая ценность для законодателей резолюций, принимаемых на собраниях и митингах, ученый рекомендовал внести в перечень гражданских прав, обозначенных в ответном адресе, право обращаться с петициями к народному представительству. В итоге, М.М.Ковалевскому удалось убедить Думу, и его предложение было принято. Однако по вопросу о свободе собраний большинство либералов-центристов не было готово пойти за ним так далеко и поддержало точку зрения кадетской фракции, отраженную в соответствующем законопроекте, где, по французскому образцу, был предусмотрен ряд ограничений.

**Прекратить
«политические вивисекции»**

Защищая в Думе права и свободы граждан, лидеры «демреформаторов» еще не раз оказывались в центре внимания. Заметным событием стало первое (и единственное) выступление

С.Д.Урусова в Таврическом дворце 8 июня 1906 г. В своей речи он резко отозвался о провокаторской деятельности некоторых сотрудников Департамента полиции, печатавших в здании учреждения прокламации погромного содержания. Поводом к выходу его на трибуну послужил ответ П.А.Столыпина на запрос Думы по этому поводу. Негодование оратора, в недавнем прошлом чиновника МВД, было вызвано стремлением нового руководителя ведомства переложить всю ответственность за случившееся на своих предшественников и убедить депутатов в том, что при нем подобное уже невозможно. С.Д.Урусов особо подчеркнул:

пока «на судьбу страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики», стоящие «за недостижимой оградой» и имеющие возможность «грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции», новое правительство также не застраховано ни от каких «сюрпризов» [22, с.664–671].

Выступление «депреформатора» получило широкий общественный резонанс в России и за рубежом. «В I Думе замечательных по государственному смыслу речей было немного. Речь Урусова одна из них» [10, с.216–218], – констатировал В.А.Маклаков. «Неужели и после этого Министерство не уйдет и Государь не порвет окончательно и решительно

С.Д.Урусов

с бюрократическим режимом?» – в частном письме высказывался о страстно желаемом Д.Н.Шипов [2, л.42]. «Более тяжкого поражения, чем эта речь, старый режим еще не понес, – заключал корреспондент «Биржевых ведомостей». – ... г. Столыпин слушал речь Урусова с глубоким смущением». Авторы ряда публикаций предрекали оратору «крупную роль» в политической жизни России, считали его способным «поставить на рельсы внутренний правовой порядок» [22, с.10].

В поддержку С.Д.Урусова с думской трибуны говорил М.М.Ковалевский. Он также признал нетерпимым своего рода «многовластие» в России, провоцировавшее «правительственную анархию»: «В России

нет единства в правительстве, разные лица считают возможным выдавать себя не только за каких-то специалистов по патриотизму, но и за людей, особенно хорошо осведомленных о тайных видах и желаниях высшего начальства, проводить которые они призваны». Ученый обращал внимание на то, что явления подобного рода были и на Западе. Однако, по его словам, они не имели там столь ужасающих последствий, как погромы в России [12, с.127–128].

При всей важности реформирования высших органов власти, либералы-центристы провозглашали «неотложнейшим и первым вопросом» коренное преобразование местного управления и самоуправления. Еще

при обсуждении ответного адреса они указали на «некоторую несимметричность» в тексте документа, где данной проблеме было отведено всего «четыре с четвертью строчки и притом в самом конце». И это в то время, как «организация демократических учреждений в самом низу составляет не только нашу силу, но и основание тех свобод, о которых мы говорим и которых мы ждем», поскольку «в дезорганизованной стране никаких свобод, никакой неприкосновенности личности быть не может» [13, с.23], – подчеркивал один из депутатов-«мирнообновленцев».

**Нужны «чисто
практические меры»**

Взгляды либералов-центристов на развитие земства и характер его взаимодействия с местной администрацией проявились, в частности, при обсуждении в I Думе запроса о продовольственной помощи населению 24 губерний Европейской России¹⁵, а также соответствующего законопроекта. Важнейшим условием успеха в преодолении бедствия они считали сотрудничество местного самоуправления с администрацией – «даже той администрацией, которой мы не сочувствуем и не доверяем, поскольку другой нет» [13, с.107]. Признавая важную роль местной инициативы в продовольственном деле, либералы-центристы – посланцы Области Войска Донского выразили «воплъ всего Дона» (также пострадавшего от неурожая) о скорейшем восстановлении там земства [13, с.100–113]. В данном контексте «мирнообновленцы» высказывались и в поддержку скорейшего введения мелкой земской единицы.

Примечательно, что именно депутатам из «группы Гейдена» удалось тогда направить бурную дискуссию в деловое русло и повлиять на ее итоги. Прежде всего, они убедили думское большинство в необходимости отойти от «абсолютного порицания власти» и осознать «значительное разнообразие ситуации на местах, которое непременно надо учитывать» [13, с.104]. Под влиянием «мирнообновленцев» вопросы к правительству были конкретизированы, и Дума приняла текст запроса в новой редакции.

В дальнейшем «солировал» сам П.А.Гейден. В очередной раз «спуская с небес на землю» некоторых ораторов, клеймивших не заслуживающее доверия правительство и на этом основании отказывавших ему

¹⁵ Угроза голода возникла из-за неурожая, охватившего в 1906 г. значительные территории.

в ведении продовольственного дела, глава «мирнообновленцев» считал утопией предложение возложить эту функцию на думскую продовольственную комиссию, фактически наделив последнюю исполнительной властью. «Если мы пойдем по этому пути, то, будучи последовательными, нам придется и в других отраслях управления избирать исполнительные комиссии. Следовательно, мы – Дума, законодательный орган – будем заменять известное министерство. Это путь немислимый» [13, с.107–108], – разъярял оратор.

Вовсе не оспаривая мнение кадетских ораторов (А.Н.фон-Рутцена и Ф.И.Родичева) о пользе подъема культуры для предотвращения голода в будущем, П.А.Гейден призывал прибегнуть к срочным, «чисто практическим мерам». «Надо произвести закупку хлеба немедленно, надо немедленно составить план доставки этого хлеба на места», – обращая внимание на необходимость масштабного финансирования предстоящей работы, он в то же время не рассчитывал на содействие министра финансов В.Н.Коковцова в этом деле, поскольку тот откровенно заявил, что «не находит никаких средств в настоящей смете и не находит возможности ее сократить». В сложившейся ситуации лидер «мирнообновленцев» считал целесообразным «просить бюджетную комиссию Думы рассмотреть смету и найти источники, которые они желали бы сократить, и законодательным путем внести отмену тех расходов, которые должны производиться этими статьями сметы, и таким образом сделать ту работу и тот труд, который не желает принять на себя министр финансов, указывая, что он ничего подлежащего исключению не находит» [13, с.115]. Позиция П.А.Гейдена оказала влияние на исход дискуссии о финансировании помощи голодающим – принятие Думой (23 июня 1906 г.) соответствующего законопроекта, впоследствии одобренного Государственным советом и утвержденного императором [13, с.115].

«Главная задача – примирить страну»

Голос либералов-центристов не потерялся и при обсуждении проблем армии. Прежде всего, для них были неприемлемы огульные обвинения и оскорбления в ее адрес, прозвучавшие в речах кадетов и трудовиков при обсуждении запроса о Белостокском погроме¹⁶. Посланцы Думы, побывавшие на месте трагедии, за-

¹⁶ В результате погрома в Белостоке (Гродненской губ.) 1–3 июня 1906 г. свыше 70 евреев были убиты и около 80 ранены.

клеили с трибуны Таврического дворца не только губернатора, полицейские власти, «подонков населения, хулиганов», но и войско, которое, по их словам, будучи призвано играть «усмирительную» роль, якобы прямо или косвенно участвовало в погроме [13, с.120].

«Я сам был на войне, я видел войну и могу сказать, как солдаты шли на такие ужасы, которые представить здесь себе невозможно. Поэтому я говорю, что это неправда!» [13, с.129] – реагировал на речь трудовика В.Р.Якубсона М.А.Стахович, который в 1904–1905 гг. находился на маньчжурском театре военных действий в качестве уполномоченного по санитарной части. Он указывал на бездоказательность подобных разоблачений и «субъективность чувств расследователей». В то же время для него были очевидны причины такого «пристрастия» коллег по законодательной работе. Это – и «возбужденное настроение, в котором теперь все живут», «исключительная поглощенность борьбой с ненавистным правительством», и чувства сострадания и негодования, всегда затрудняющие поиск истины. Кроме того, М.А.Стахович указывал на то, что сами условия событий, подобных Белостокскому погрому, препятствуют объективному ходу разбирательства, поскольку носят стихийный характер, являются «взрывами из глубины народных недр»¹⁷. А между тем, подчеркивал депутат-«мирнообновленец», «наша главная задача – это примирить страну» [13, с.127].

М.А.Стахович

¹⁷ *Чтобы донести свою мысль до депутатов, М.А.Стахович использовал запоминающийся образ: «Как после извержения вулкана, кроме все сжегшей лавы, есть еще стихийная масса пепла, которая все засыпает глубоко и тяжело, и только много лет позднее тщательными, равнодушными и беспристрастными усилиями науки можно восстановить условия этих событий, можно представлять, пересказывать ту жизнь Геркуланума и Помпеи, которая так внезапно оборвалась, – так и все движения народной стихии должны быть открыты и могут подвергнуться исследованию лучших историков не непосредственно вслед за своим бытием, а только много позже и после долгого и добросовестного труда. И в этом не вина исследователя, а это свойство самих событий» [13, с.125].*

Один из ближайших сподвижников П.А.Гейдена, оратор подчеркивал недопустимость «унижения русской государственности», русской армии, «унижения имени России». Стахович предупреждал о тяжелейших последствиях этого явления для будущего страны, «которая истомилась не только пережитым, но и предчувствием того, что может переживаться еще и как гораздо более страшное и, может быть, окончательно для нее губительное» [13, с.127–128]. Он, по сути, выступил с пророчеством о событиях 1917 г.: «Когда говорят, что не хотят революции, то обыкновенно забывают, что она не зависит от воли отдельных лиц; она даже не зависит от общей воли, она имеет свойства самовозгорания не только против желания, но иногда против ожидания участников или свидетелей» [13, с.126].

«Две категории людей, обязанных найти в себе силу...»

Призывая депутатов не допустить такого сценария, М.А.Стахович напоминал о лежащей на них ответственности: «Если всякому извинится то, что он воспринял общее настро-

ение многомиллионной страны, что и его захватил тот вихрь, который с атмосферической силой пронесется над страной, и он не смог ему противостоять, то есть две категории людей, обязанность которых найти в себе силу или обречь себя на неподвижность, которая бы их застраховала от этого воздействия, – это государственные деятели в настоящем и историк в будущем, когда он станет толковать человечеству значение его великих или ужасных бурь»¹⁸.

Несмотря на то, что речь М.А.Стаховича была встречена «в штыки» многими депутатами, она вовсе не была бесполезной. 7 июля 1906 г., на последнем заседании Думы, где обсуждались белостокские события, депутат В.Р.Якубсон заявил о том, что «не имел намерения оскорбить русскую армию и взял назад свои слова, до нее относящиеся». В мотивах принятого Думой перехода к очередным делам ответственность за трагедию была возложена на местные власти и центральное правительство, а средством предупредить дальнейшее распространение погромов было признано «производство следствия, предание суду всех оказавшихся виновными и выход в отставку Министерства» [13, с.129–130].

¹⁸ В своем выступлении М.А.Стахович ссылаясь на пример «тех римских сенаторов, которых галлы приняли за статуи – так сумели они неподвижно и спокойно сидеть в Сенате среди взятого варварами Рима». «Конечно, это чересчур, к этому нас никто обязывать не может, – добавлял он, – но мы совершенно вправе говорить о том, что к нам обращено ожидание, что Дума найдет то необходимое средство, которым можно умиротворить, успокоить и, может быть, спасти страну» [13, с.126].

**«Армия должна стоять
вне политики»**

Что касается лидеров ПДР, то они еще при обсуждении ответного адреса Думы обратили внимание депутатов на многосложность темы реформирования армии. В.Д.Кузьмин-

Караваев призывал с «наибольшей осторожностью и точностью» подходить к этому «чрезвычайно важному вопросу». Он указывал на объективную причину неспособности «перводумцев» всерьез решать задачи, связанные с военными преобразованиями. Это – отсутствие у них должной профессиональной подготовки и соответствующего опыта¹⁹. В то же время «демреформаторы» неизменно заявляли: «армия должна стоять вне политики». После Манифеста 17 октября 1905 г. главной обязанностью солдата стала охрана конституционного строя и то, что нарушает основы конституции, является «явно преступным», – указывали лидеры ПДР на важнейшее направление «воспитания армии» [12, с.114]²⁰.

Что же касается обеспечения жизненных интересов основной массы трудящегося населения, то с первых дней работы Думы либералы-центристы предлагали обозначить со всей определенностью подходы к решению этой проблемы. Так, в ходе обсуждения ответного адреса именно М.М.Ковалевский заострил внимание депутатов на «необходимости идти на помощь рабочему классу в форме рабочего законодательства и признать невозможной эксплуатацию женского и детского труда» [12, с.18]. Его доводы оказались убедительными, а мнение было учтено в окончательном варианте документа.

**«...решая задачу
с неизвестными
величинами»**

Гораздо сложнее оказался поиск консенсуса в решении аграрно-крестьянского вопроса. Этот процесс так и остался незавершенным к 1917 г., а дискуссии отражали проти-

¹⁹ По мнению В.Д.Кузьмина-Караваева, характерным в этом смысле было выступление кадета Е.Н.Щепкина. «Его заботы – улучшить бытовое положение нижних воинских чинов в сухопутной армии и флоте. А он предлагает установить такой закон, чтобы воинская повинность отправлялась на началах или условиях справедливости и права. Отправление воинской повинности – одно, бытовые условия военной службы – другое, дисциплинарные отношения, на которых покоится все войско – третье», – комментировал оратор, признанный специалист по военно-уголовному праву [12, с.31].

²⁰ Примечательно, что взгляды либералов-центристов находили отклик у авторитетных военных деятелей. Так, в 1906–1907 гг. к ПМО были близки морской офицер П.В.Верховский, генерал-майор В.С.Такайшвили, генерал-лейтенант Д.И.Субботич. А генерал П.Л.Шервашидзе принял деятельное участие в организации Группы прогрессистов в III Думе [11, с.187, 211, 215, 219].

востояние не только политических лагерей, но и внутрипартийные разногласия. Что касается думских либералов, то наряду с кадетами наибольшую активность проявляли «мирнообновленцы»²¹. Они считали «общей бедой» всех без исключения предложений по решению земельной проблемы их научно-практическую несостоятельность. «Нам приходится рассматривать вопрос в общих чертах, мы оперируем без статистических данных, без цифр, без сведений. Мы принуждены вести чисто абстрактное рассуждение, решая задачу с неизвестными величинами» [13, с.70]²², – признавал Н.Н.Львов.

Группа соратников П.А.Гейдена, принявших самоназвание «прогрессисты», обнародовала «основные положения» собственной аграрной программы. Посчитав нецелесообразным даже комментировать соответствующий эсеровский документ (проект «33-х»), отличавшийся крайним радикализмом, они характеризовали как «теоретичные и беспочвенные» предложения трудовиков (проект «104-х»). По мнению «мирнообновленцев», взгляды последних представляли собой «попытку национализации земли» и были утопичны ввиду нехватки в России пригодной земли для наделения всех нуждающихся крестьян по трудовой норме [13, с.53].

«Самый решительный протест» прогрессисты заявили и против кадетской «схемы» аграрной реформы, оценив ее также как «проект частичной национализации земли» [13, с.78]. Большая часть предложений фракции Партии народной свободы оценивалась как направленная «не на поднятие благосостояния населения, а на осуществление абстрактной теории». Подчеркивая, что реализация кадетских устремлений могла лишь обострить аграрный вопрос, прогрессисты указывали на одно из губительных последствий этого – укрепление позиций «старого бюрократического деспотизма, который стремится все уравнивать, беспощад-

²¹ В отсутствие в I Думе А.С.Посникова, главного теоретика ПДР по аграрному вопросу, самостоятельная позиция этой партии (практически совпадавшая со взглядами кадетов по этой проблеме) не была представлена в дискуссиях. Тем более, что М.М.Ковалевский, фактически руководивший депутатской группой «декреформаторов», не разделял подходы к проведению земельной реформы, отраженные в партийной программе. Не было единомыслия и среди других депутатов, примкнувших к ПДР. Так, в думских кулуарах С.Д.Урусов заявлял о своей солидарности с аграрной программой «мирнообновленцев». Критически был настроен по отношению к кадетскому аграрному законопроекту и В.Д.Кузьмин-Караваев: он выступил против навязывания этого документа в качестве «руководства к действию» для думской аграрной комиссии.

²² Накануне начала работы I Думы тревожными размышлениями по тому же поводу делился в частном письме москвич-«декреформатор» В.Ю.Скалон: «Перед нами огромный икс в лице крестьян, которым в Думе будет принадлежать большое влияние. К сожалению, о том, что думает "мужик", мы ничего не знаем» [1, л.25].

но сгладить, не считаясь ни с правами, ни с хозяйственными навыками, ни с бытом населения». Не раз возвращаясь в своих выступлениях к этой мысли, Н.Н.Львов пророчествовал: «Деспотизм не признает ничего и все обращает в пустыню... Бойтесь деспотизма, вашего собственного деспотизма, самого худшего из них – деспотизма голых формул и отвлеченных построений» [13, с.72–73].

Безосновательным представлялся «мирнообновленцам» один из ключевых аргументов авторов кадетского аграрного проекта – якобы его адекватность желанию самого русского народа. «Но кто же будет так смел, чтобы явиться истолкователем народной веры? – восклицал Н.Н.Львов. – Возможно ли утверждать, что верования народные отличаются именно в ту формулу, которая предложена нашему рассмотрению?» [13, с.72]. Даже если допустить, что принцип уравнительного землепользования «вытекает» из общинного быта, подчеркивал оратор, то как же подчинить ему «всю Россию, и Малороссию, и Литву, и Польшу, и Остзейские губернии». В противном случае, по его словам, не может быть и речи об «уважении к национальным особенностям и обычаям народностей, населяющих Российскую империю, если в области, затрагиваемой самые коренные и глубокие свойства народа, мы будем относиться с такой беспощадностью к этим народностям, ломая их хозяйственный быт». В конечном итоге Н.Н.Львов и его соратники считали «простой здравый смысл» лучшим средством для того, чтобы «распутаться в тумане, которым опутан весь аграрный вопрос» [13, с.72].

Признавая гибельность пути реформирования землевладения в России по единому шаблону, «прогрессисты» делали особый акцент на том, чтобы перенести решение проблемы в регионы. В отличие от кадетов и «демреформаторов», «мирнообновленцы» считали целесообразным не регламентировать «сверху» нормы наделения крестьян землей²³, а предоставить это дело на усмотрение местных землеустроительных комиссий²⁴. Что же касается роли самой Думы как законодательного учрежде-

²³ Так, П.А.Гейден отмечал необоснованность предложения кадетов руководствоваться при наделении крестьян землей т.н. «продовольственной нормой». Этот критерий производил на него «впечатление того, что в математике называется уравнением с четырьмя неизвестными, которое нельзя разрешить. В одно уравнение ставят первое неизвестное – сколько надо человеку продовольствия, затем, сколько надо на жилище, сколько ему надо на одежду, сколько на повинность. Это все величины никому неизвестные, и вот эти четыре неизвестные величины надо вставить в эту формулу, чтобы получить окончательный результат. Но когда-то еще эти четыре неизвестные выяснятся, а пока надо разрешить этот вопрос немедленно...» [13, с.78].

²⁴ В то же время П.А.Гейден выступил с критикой инициативы трудовиков о немедленном создании местных комитетов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного

ния, то, по мнению П.А.Гейдена, народным избранникам предстояло выработать и провозгласить лишь «главные руководящие начала реформы».

**«Частная собственность ...
должна уступить
государственной
потребности»**

«Прогрессисты» предлагали положить в основу аграрных преобразований всего лишь два принципа. Прежде всего, они поддержали идею частичного принудительного отчуж-

дения помещичьих земель (с компенсацией их владельцам за счет государства). Убежденность в необходимости этого шага для ликвидации крестьянского малоземелья объединяла их с кадетами и «демреформаторами». «Я думаю, что частная собственность священна и неприкосновенна, но она должна уступить государственной потребности» [13, с.22], – заявлял П.А.Гейден. Он не сомневался в том, что «эта мера успокоения страны» не потрясет никаких «основ», поскольку «право собственности есть создание человеческое и поэтому оно может быть видоизменено теми же человеческими руками» [13, с.34]. Обоснованность такой политики оратор подкреплял ссылкой на общемировой опыт, а также Крестьянскую реформу Александра II. На том же настаивал и М.М.Ковалевский, обращая внимание депутатов на факт, «известный студенту 1-го курса юридического факультета»: «признанию права собственности нимало не противоречит выкуп земель государством в интересах общественной необходимости» [12, с.34].

По словам М.А.Стаховича, в «поднятии народа из нищеты» заключалась «государственная нужда и необходимость», поскольку «народ должен стать плательщиком и потребителем» [13, с.84–86]. Пути решения этой проблемы оратор-«мирнообновленец» видел не только в ликвидации малоземелья, но и в мерах властей по повышению производительности крестьянского труда. Он особо подчеркивал, что такого рода поддержка обернется для государства прямой выгодой, поскольку мелкая собственность повсюду доказала свою конкурентоспособность.

голосования и привлечения их представителей в центр для обсуждения «самых основ земельной реформы». «Мотивы этого проекта заключаются в том, чтобы создать 500 или 1000 Государственных дум и силой их решений на месте давить на Думу и заставлять ее решать вопросы так, как на местах этого желают», – в этом организатор ПМО видел опасную для молодого российского парламента тенденцию [13, с.60].

«ЗАДАЧА НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ В РАЙ, А В ТОМ, ЧТОБЫ...»

**«...не знаем иного,
более сильного двигателя
культуры, чем собственность»**

Вовсе не делая фетиш из частной собственности, соратники П.А.Гейдена твердо стояли на том, что передавать крестьянам землю следовало исключительно на правах собствен-

ности («общинной или личной в зависимости от местных правовых взглядов населения») [13, с.54], а не во временное пользование: «В мире мы не знаем иного более сильного двигателя культуры, чем собственность». Таков был еще один основополагающий принцип аграрной программы прогрессистов.

В конечном итоге, именно позиция по аграрному вопросу обострила и без того напряженное противостояние народного представительства и верховной власти, послужив поводом к роспуску I Думы. Точкой отсчета ее «последнего марафона» стало 13 мая 1906 г. Тогда на заседании нижней палаты председатель Совета министров И.Л.Горемыкин выступил с правительственной декларацией, в которой власть отвергла большинство положений, включенных в текст ответного адреса, в том числе высказалась против принципа принудительного отчуждения частновладельческих земель. Широкий отклик получила возмущенная реакция кадетской фракции на этот документ. Запечатленным в анналах российской истории остался, в частности, патетический возглас члена кадетского ЦК В.Д.Набокова: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной». Однако и поныне «за кадром» остается активная, а в ряде ситуаций – и определяющая, роль лидеров либералов-центристов в думских событиях тех дней. Так, по признанию многих, лучшим выступлением в упомянутом заседании стала речь М.М.Ковалевского [17], в которой он призвал народных избранников выразить недоверие правительству и «стоять до конца». «Мы здесь – уполномоченные народа ... Одна грубая сила может удалить нас отсюда...» [12, с.35] – эти заключительные слова оратора, согласно стенограмме и откликам в печати, были покрыты бурей восторга²⁵.

²⁵ На склоне лет М.М.Ковалевский не только высказался по поводу своей реакции на правительственную декларацию, но и развеял целый ряд слухов, порожденных его выступлением в I Думе: «Горемыкин позволил себе весьма странный прием какого-то отеческого распеkania незрелых умов, поднявших будто бы небывалый вопрос. Мне пришлось напомнить ему, что государственный выкуп был применен Александром II при эмансипации крестьян и что пожелание, высказанное в адресе, имело в виду не более, как восполнение этой меры. Говорил я не без задора, считая себя задетым не менее других членов Думы выслушанным назиданием. А это послужило к созданию легенды, что первый я стал "кричать" на члена правительства. Муромцев, бывший в царскосельских салонах, передал мне однажды недовольство, вызванное в них моей речью» [6, с.365–366].

Разделял негодование депутатов и П.А.Гейден. «Я думаю, что представителями власти должны быть представители современных идей, а не носители тех ветхозаветных мыслей, того ветхозаветного строя, какими являются большинство теперешнего министерства», – «мирнообновленец» предложил правительству И.Л.Горемыкина «уступить место другому, пользующемуся доверием Думы» [13, с.35]. Вместе с тем он призвал коллег не увлекаться резкими формулировками, ставя тем самым под вопрос само существование Думы. Спокойно разясняя свою позицию, П.А.Гейден взывал к благоразумию депутатов: «Я не поддерживаю того заявления, которое будет сформулировано в смысле требования выхода в отставку министерства, и не сделаю этого по двум причинам: не только потому, что это право не принадлежит нам, а еще потому, что, если мы потребуем этого, то мы очутимся в том самом тупике, в котором находится министерство: у нас не будет никакого выхода из того положения, в которое мы себя поставим. Мы резко поставим вопрос и тогда – или мы должны будем уйти, или должно будет уйти министерство. Уход министерства не в нашей власти, но я не желаю, чтобы нынешняя Дума в настоящее время, не совершив ничего, прекратила свою работу». П.А.Гейден предлагал выразить общее мнение «в форме категорической, но законной» и надеялся, что Дума выйдет победителем из очередного конфликта с правительством. Однако несмотря на то, что заключительные слова речи «мирнообновленца» были поддержаны «продолжительными аплодисментами» [13, с.33–35], его пожелания не были услышаны, а опасения оказались пророческими.

«Абсолютно недопустимый прием»

В очередном обращении к Думе (20 июня 1906 г.) правительство подтвердило неизменность своих взглядов по аграрному вопросу, поставив в «повестку дня» принципиально иные (в сравнении с предложениями нижней палаты) основы земельной реформы, впоследствии реализованные в ходе столыпинских преобразований. На сей раз в думских дебатах по поводу министерской декларации фактически главную роль сыграл В.Д.Кузьмин-Караваев. Он вспоминал, что выраженная в документе тенденция подчинить законодательную власть исполнительной привела его, человека уравновешенного, «в состояние бешенства». По его словам, авторы правительственного сообщения продолжали нанесение целенаправленных «ударов» по Думе, применяя «абсолютно недопустимый прием» – полемику с органом народного представительства от имени Монарха, рассчитанную

«ЗАДАЧА НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ В РАЙ, А В ТОМ, ЧТОБЫ...»

на крестьянские массы: «Они пишут: пусть Государственная дума говорит, что ей угодно, а решение земельной нужды придет к вам, но только не от Государственной думы». В такой постановке вопроса В.Д.Кузьмин-Караваев видел «прямой вызов к восстанию», поскольку «после прочтения сообщения невольно возникает среди крестьян вопрос: зачем же существует Государственная дума?» [12, с.38–39]. Логическим следствием ситуации, по мнению оратора, могло стать требование ее ниспровержения.

Характеризуя очередное правительственное сообщение как «провокацию» со стороны верховной власти, В.Д.Кузьмин-Караваев заявил о необходимости не допустить перехода крестьян к насильственным действиям. Единственным способом предотвращения развития событий по такому сценарию он считал выработку Думой «контрсообщения» – обращения к населению с призывом «спокойно и мирно» дожидаться принятия нижней палатой закона о земельном обеспечении. Предложение было принято депутатами, а составление документа поручено аграрной комиссии (ее председатель, кадет А.А.Муханов, разделял позицию автора инициативы).

**«Необходимость
заставляет отступить
от теории»**

К этому моменту В.Д.Кузьмин-Караваев уже окончательно разуверился и в спасительной миссии «либерально-умеренного министерства», и в способности властей к адекват-

ной реакции. В заседании 4 июля, где был доложен проект думского «контрсообщения», он продолжал стоять «на своем», парируя доводы оппонентов – кадетов и «мирнообновленцев», характеризовавших документ как «скороспелый» и «неконституционный», а обсуждаемую меру как «крайне рискованную»²⁶. «Рано сманивать Думу с мирного законодательного пути», – таков был основной посыл речей противников «контрсообщения», призывавших «держаться знамени легальности, борьбы за право не кулаками, не пушками и пулеметами, а во имя права и посредством права» [13, с.176]. В свою очередь, лидер ПДР предложил учитывать уникальность переживаемого момента, когда «необходимость заставляет отступить от теории». «Тактика партии должна отличаться надлежащей осторожностью, но не диктоваться робостью» [18], – заявлял В.Д.Кузьмин-Караваев. По его словам, главным побуждением Думы к

²⁶ Так, Н.С.Волконский был уверен в том, что «никакого успокоения от такого сообщения получить не может», а народ придет к выводу, что «далее не нужно рассчитывать на власть, а действовать самому» [13, с.170].

тому, чтобы напрямую обратиться к народу, являлся ее нравственный авторитет у населения, в массе своей «идейно-анархизированного, в котором нет авторитета власти и в котором теплится вера только в Государственную думу». Убеждая коллег-парламентариев в «практической надобности» подобного рода обращения к населению, «декреформатор» выражал надежду на то, что только «авторитетное слово» Думы сможет внести «успокоение» в русскую деревню [12, с.43–45]. На страницах «Вестника Европы», близкого к ПДР, обращение Думы к населению расценивалось как акт вполне правомерный, своевременный и не содержащий призыва к насильственным действиям.

«Воззвание сыграет роль бомбы»

Примечательно, что на заседании 4 июля впервые был предложен компромиссный вариант выхода из кризиса. С почином выступил Н.С.Волконский, а суть его пожелания

сводилась к тому, чтобы решить вопрос «более мирным и спокойным образом», то есть опубликовать в «Правительственном вестнике» отчет Думы о ее деятельности по решению аграрного вопроса [13, с.171]. Идея была подхвачена кадетами и реализована в виде нового проекта «контрсообщения», представленного «на суд» депутатов 6 июля. Однако и эта вариация на прежнюю тему не устроила «мирнообновленцев». По их мнению, плод кадетского творчества, как и первоначальный проект, содержал «нетактичное» упоминание о «ссоре» Думы с правительством, а потому и в таком виде «воззвание» могло сыграть «роль бомбы» и стать причиной роспуска Думы, который «в настоящую минуту страшен для России» [13, с.179]. В результате соратники П.А.Гейдена выступили против принятия текста «контрсообщения», что, впрочем, не помешало большинству депутатов добиться обнародования документа.

Опасения «мирнообновленцев» оправдались: в ночь на 9 июля 1906 г. Таврический дворец был заперт, а I Дума распущена. Таков был ответ правительства на «революционное выступление» депутатов. В соответствующем манифесте указывалось, что Дума не успокаивала население, а лишь разжигала смуту.

Оценивая действия властей, либералы-центристы выражали расстроенное настроение. «Дума не распущена, а именно *разогнана*», – констатировал В.Д.Кузьмин-Караваев. Он подчеркивал, что правительство нанесло удар, прежде всего, по сторонникам порядка и законности, сыграв на руку лишь реакционерам и революционерам. «Величайшей

«ЗАДАЧА НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ В РАЙ, А В ТОМ, ЧТОБЫ...»

опасностью» представлялось ему ослабление веры в идею «монархического представительного образа правления» [7, с.853]. Более сдержанные и корректные в формулировках «мирнообновленцы», в целом, были солидарны с «демреформаторами». По убеждению лидеров ПМО, не подлежал сомнению тот факт, что «не по внутреннему бессилию, а под влиянием внешних причин безвременно погибла наша первая Дума» [11, с.109].

**«Бесспорная
политическая ошибка»**

Заключительным «аккордом» в истории I Думы стала история с подписанием значительной группой депутатов Выборгского воззвания. Документ содержал призыв к населению

ответить на роспуск нижней палаты актами гражданского неповиновения (отказаться от уплаты налогов и службы в армии). Среди либералов-центристов наиболее последовательную и единомысленную позицию по отношению к данному документу заняли «мирнообновленцы». Они однозначно критически оценили политическую акцию, инициированную кадетами и трудовиками.

Что касается членов ПДР, то они также не скрывали своего отрицательного отношения к содержанию воззвания. В частности, М.М.Ковалевский ответил отказом на предложение кн. П.Н.Долгорукова поддержать очередное обращение к народу. Вместе с тем лидер «демреформаторов» не раз выражал осужденным «выборжцам» деятельное сочувствие, демонстрируя солидарность с ними. Схожей была реакция на протестное выступление «перводумцев» и ряда других видных членов партии – В.Д.Кузьмина-Караваева, Н.А.Меншуткина, К.К.Арсеньева, А.С.Посникова, И.И.Иванюкова.

Не участвовал в Выборгском совещании и не собирался подписывать воззвания и С.Д.Урусов²⁷. Однако он дал согласие на присоединение своей фамилии к подписям под документом, поступив «по старинному

²⁷ С.Д.Урусов так обосновывал свою реакцию на предложение кадеты В.Е.Якушкина подписать Выборгское воззвание: «Я должен был помнить о своей принадлежности к партии, тактика которой предусматривала легальную парламентскую деятельность – проведение нашей программы в конституционных формах. Роспуск Думы не являлся нарушением конституции. Страна при новых выборах могла подтвердить свои требования и придать новому составу Думы двойной авторитет. С другой стороны, обнародование Выборгского воззвания, представлявшего собой наскоро сложенный компромисс между конституционными и революционными партиями, окончательно выводил подписавших из сферы легальности. Поэтому, – заключал мемуарист, – мне казалось, что по соображениям партийной дисциплины, я не должен был присоединяться к воззванию и я вероятно воздержался бы от подписи, если бы присутствовал при его составлении» [22, с.619–620].

правилу», усвоенному им еще в гимназии и «запрещающему обособляться и уклоняться от ответственности за поступки, совершенные товарищеской массой». Характерна реакция на поступок Урусова его партийных соратников. «Никто из них меня не осудил, – вспоминал он, – а некоторые последовали моему примеру, заявив письменно, куда следовало, о своем желании присоединиться к "выборжцам"» [22, с.620]²⁸.

Полемизируя с кадетами, организаторы ПДР признавали воззвание «бесспорной политической ошибкой». Вместе с тем вполне характерным для их настроения был жест примирения, обращенный к друзьям-оппонентам из либерального лагеря в октябре 1906 г., в преддверии выборов во II Думу: «Реальный политик должен быть готовым на бой до конца. Каким оружием будет он биться – дело темперамента. Нетерпеливую, горячую натуру разгул реакции может бросить к "экстраординарным средствам". Кто более владеет собою и не привык действовать, очертя голову, – тот останется верен приемам, которые не так блестящи и не сулят таких чудесных горизонтов, как жгучие порывы, но зато дают устойчивые результаты. Необязательно, чтобы сторонники этих двух приемов борьбы были врагами, действуя каждый под своим флагом. Но они могут возненавидеть друг друга, если слишком уж будут стараться втиснуться на одну платформу, под сень общего знамени» [19].

Уроки «перводумья»

Подводя баланс «плюсам» и «минусам» в работе I Думы, либералы-центристы были единодушны, свидетельствуя о преобладании положительной динамики в ее деятельности.

Как отмечали члены ПМО, несмотря на множество ошибок и «горячих увлечений» народных избранников, «все условия сложились благоприятно для созидательной работы и скоро, может быть, никто уже не мог бы упрекнуть Думу в неработоспособности. Чтобы оставить за ней эту аттестацию, Дума распущена замечательно своевременно – месяца через два–три это было бы, вероятно, уже неудобно» [13, с.16–17].

Наиболее значимыми достижениями первого опыта российского парламентаризма деятели либерального центра признавали ускорение процесса политического «взросления» депутатов, а главное – начало формирования конституционного центра [13, с.29]²⁹. Анализ фактов

²⁸ Судя по сообщениям печати, призыв «выборжцев» нашел отклик у членов ПДР В.К.Федоровского, А.Л.Шемякина, И.П.Лаптева.

²⁹ По словам руководителей ПМО, в I Думе сложились реальные условия для организации оппозиционного центра, опираясь на который, Партия народной свободы могла бы обра-

позволяет скорректировать устоявшееся представление об исключительно определяющей роли кадетов в этих процессах и воздать должное лидерам «демреформаторов» и «мирнообновленцев». Занимавшие «пограничное» положение в либеральном лагере, они отличались самостоятельностью и большей мобильностью, а установка на ценности «здорового смысла» (гуманизм, разум, солидарность) обеспечивала притягательность их взглядов и организационных структур для «умеренно-прогрессивных» элементов (как партийных, так и беспартийных) в Думе и за ее пределами. Расценивая это как своего рода «маркер» востребованности идей «срединного» течения в либерализме, заметим, что исключительно «количественный подход» к определению влияния либералов-центристов (исходя из их численности) не отражает реальной картины. Избегая упрощенной трактовки событий, следует учитывать ряд факторов. Прежде всего, это – специфичность самого феномена политического центризма, высокая лабильность процесса становления российской многопартийности³⁰, а также чрезвычайная динамичность общей политической ситуации в России начала XX в.³¹

В данном контексте показательно наметившееся в I Думе сближение либералов-центристов и депутатов-крестьян, а также особый интерес Группы «демреформаторов» к «наведению мостов» с трудовиками. Эти процессы были обусловлены изначальным «прорастанием» либерального центризма влево, о чем свидетельствовал последовательный демократизм лидеров в подходах к решению аграрно-крестьянского и рабочего вопро-

звать устойчивое большинство и без поддержки трудовиков, тянувших ее влево: «Действительно, в ПМО было 29 членов, кроме того около 30–40 беспартийных, преимущественно крестьян, голосовали с нею. В ПДР, с тяготеющими к ней, было 18 человек. Таким образом, эти две партии могли бы дать около 80 голосов, что со 180 голосами к.-д. составляло уже более половины наличного числа членов Думы» [12, с.12–13].

³⁰ *В прессе тех лет есть множество примеров, свидетельствующих о крайней неопределенности и неустойчивости политических настроений россиян. Так, в период выборов в I Думу сообщалось о том, как быстро порой избиратели Туапсинского округа меняли «свое кредо»: «из национал-либералов (т.е. чуть-чуть не "истинно-русских") многие переходили в партию демократических реформ» [4, т.12, л.76:396]. Относительность привычных политических ярлыков отражена в одном из шаржей на страницах сатирико-юмористического журнала «Плювиум». Изображение беседующих мужчин сопровождалось подписью [сохранена орфография оригинала. – Н.Х.]: «Вы же из Дагестана: как же вы всего только умеренный прогрессист?» «Нэ беспокойся, пажалуста! У нас в Темир-Хан-Шуре умзренными прогрессистами называют сацыял-дэмократов балшевигов» [14].*

³¹ *«Мы живем в эпоху революции. Что будет завтра, что будет через неделю, через месяц, – никто на это ответить не в состоянии, – говорил с трибуны I Думы В.Д.Кузьмин-Караваев. – Смена настроений, смена течений, смена личного торжества, – она может наступить каждую минуту» [12, с.80]. «Таких быстрых перемен не происходило на Западе даже в самые бурные эпохи» [5, с.777], – отмечал К.К.Арсеньев, в начале октября 1907 г. бросая ретроспективный взгляд на истекшие полтора года.*

сов, реформам в области образования и местного самоуправления. Для деятелей ПДР и ПМО, стремившихся к углубленной проработке собственных преобразовательных проектов, было важно услышать «голос земли». Кроме того, особый интерес «демреформаторов» к установлению контактов с Трудовой группой был связан с заметным ростом влияния ее лидеров в Думе. Организаторы ПДР видели в объединении трудовиков зачаток своеобразно-русской, компактной и сильной партии «в истинном смысле этого слова». М.М.Ковалевский вполне сочувственно отзывался об А.Ф.Аладьине, С.В.Аникине, И.В.Жилкине, подчеркивая при этом, что «они сходились в своей аграрной программе с Кузьминым-Караваевым, и последний, по-видимому, не прочь был, опираясь на них, бороться с кадетами» [6, с.369–370]. О намечавшемся встречном движении свидетельствовал высокий личный авторитет М.М.Ковалевского и В.Д.Кузьмина-Караваева у большинства Трудовой группы [5, с.780].

Многообразный думский опыт либералов-центристов убеждал их в необходимости определенной корректировки тактических и программных установок. Так, важный урок «перводумья» М.М.Ковалевский выражал словами Петра I – «промедление смерти подобно»³². Он полагал также, что «чересчур много времени» депутаты потратили на запросы правительству. Этот же факт отмечали и «мирнообновленцы» [13, с.15].

Что касается пересмотра программных установок (прежде всего, по аграрно-крестьянскому вопросу), то итоги работы I Думы поставили такую проблему особенно остро перед организаторами ПДР. Им пришлось признать очевидное: Дума единодушно отнеслась только к принципу принудительного отчуждения частновладельческих земель. По словам В.Д.Кузьмина-Караваева, неожиданностью стало то, что «идея образования государственного земельного запаса [с целью преодоления

³² Мемуарист иллюстрировал свою мысль примерами необоснованной, по его мнению, медлительности в разработке реформ в I Думе. «Наша законодательная деятельность сильно пострадала от желания присвоить себе и задачу кодификации, – указывал он, ссылаясь, в частности, на подготовку законопроекта о личной свободе. – Мы решили на три недели прервать нашу деятельность для того, чтобы дать возможность профессору Лазаревскому пройти по всем томам Свода законов и отметить номера статей, отменяемых нашим законопроектом. Благодаря этому мы не успели внести результаты нашей работы в Думу до ее роспуска. И в комиссии о Наказе работа шла медленно, – подчеркивал М.М.Ковалевский отмеченную им закономерность. – Перед нами имелся проект Наказа, выработанный Муромцевым. Поправки к нему сделаны были секретарем комиссии Острогорским, известным автором двухтомного сочинения "Демократия и политические партии". Кроме того, мы руководствовались переводами Наказов германского Рейхстага, австрийского Рейхсрата и французской палаты депутатов. Они появились в "Журнале Министерства юстиции" и распространены были между нами в отдельных оттисках... мы целые часы проводили в том, чтобы найти наиболее счастливые выражение нашим желаниям, и поэтому оставили дело неоконченным» [6, с.368].

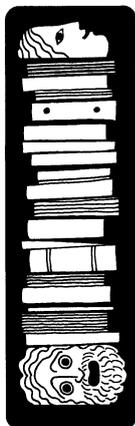
«ЗАДАЧА НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ В РАЙ, А В ТОМ, ЧТОБЫ...»

крестьянского малоземелья. – *Н.Х.*] оказалась далеко не так популярна, как можно было ранее думать» [9, с.855].

С надеждами на «работу над ошибками» и укрепление позиций «умеренно-прогрессивных» сил во II Думе, либералы-центристы приняли активное участие в очередной избирательной кампании.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102. Оп.265. Д.68.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102. Оп.265. Д.83.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.887. Оп.1. Д.103.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.1072 (Собрание материалов по истории выборов в I Государственную думу).
5. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №10. С.777–785.
6. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 784 с.
7. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Из общественной хроники] // ВЕ. 1906. №8. С.853–865.
8. Кузьмин-Караваев В.Д. М.М.Ковалевский [некролог] // Вестник Европы. 1916. №4. С.312–313.
9. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Общественная хроника] // Вестник Европы. 1906. №6. С.853–864.
10. Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 335 с.
11. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В.Шелохаев, сост. Н.Б.Хайлова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 528 с.
12. Партия демократических реформ. Речи членов партии в первой Государственной думе. СПб.: Русская скоропечатня, 1907. 187 с.
13. Партия мирного обновления. Ее образование и деятельность в первой Государственной думе. СПб.: Типо-лит. п/ф «Эл.-тип. Н.Я.Стойковой», 1907. 194 с.
14. Плювиум. 1907. №41. 14 июля.
15. Россия. Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Стенографические отчеты. Т.2. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Б.и., 1906. 35 с. [стб.867–2013].
16. Сборник программ политических партий в России / с предисл. В.В.Водозова. Вып.2. СПб.: кн.маг. «Нашей жизни», 1906. 72 с.
17. Страна. 1906. №72. 14 мая.
18. Страна. 1906. №120. 9 июля.
19. Страна. 1906. № 222. 25 ноября.
20. Страна. 1907. №4. 5 января.
21. Трубецкой Е.Н. Победа хама // Московский еженедельник. 1906. №21. 12 августа. С.4–8.
22. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ.статья, подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б.Хайловой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 856 с.
23. Якушкин В.Е. Аграрный вопрос в Государственной думе // Страна. 1906. №165. 20 сентября.

Любовь Писарькова

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

УДК
930

В статье прослеживается сложный и во многом противоречивый процесс разработки реформ 1880-х – 1890-х гг. местного управления (крестьянского, земского и городского), начиная с сенаторских ревизий 1880 г. и кончая их реализацией при Александре III. Выделяются два этапа разработки этих реформ, в Кахановской комиссии и в Министерстве внутренних дел, занимавших в этом вопросе противоположные позиции. Вопрос о характере преобразований волновал тогда как правительство, так и общество, расколотое на два лагеря. Одни видели выход из кризисного положения дел в дальнейшем расширении общественного начала, другие – в усилении государственной власти на местах. Поставлена задача: рассмотреть преобразования 1880–1890-х гг., известные как «контрреформы», с позиции их исторической обусловленности, выявить степень влияния этих реформ на организацию местного управления.

This article presents an analysis of the complex and largely contradictory process of developing reforms of the local government (peasant, zemstvo and city) performed in the 1880s – 1890s, which has started with the senatorial revisions of 1880 and ended with their implementation under the governance of Alexander III. There are two distinct stages of this development process, performed by the Kakhanov commission and the Ministry of the Interior, holding opposite points of view. The question of the nature of the transformations worried both the government and split into two factions society. The first one hold believe that a way out of the crisis based on the further expansion of the pro bono basis, while the second one saw it in the strengthening of a local government. Presented work aims to consider the process of transformations, known as "counter-reforms" of the 1880-1890s, from the standpoint of their historical conditionality. Also, it reveals the degree of influence of these reforms on the organization of local governance.

Ключевые слова: местное управление; проекты реформ и «контрреформ»; Кахановская комиссия; Министерство внутренних дел; земские начальники; организация земских и городских учреждений.

Key words: local government; reform and "counterreform" projects; Kakhanovskaya commission; Ministry of the Interior; Zemsky chiefs; organization of Zemstvo and city institutions.

E-mail: afanasiev44@list.ru

**Кахановская комиссия
и ее освещение в работах
историков**

Решение о создании Особой комиссии для составления проектов местного управления было принято в апреле 1881 г. по докладу министра внутренних дел гр. Н.П.Игнатьева в сложный

для страны период. Характеризуя общественные настроения в начале царствования Александра III, А.В.Богданович писала: «Сейчас Россия разделена на два лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни – за самодержавие, другие – за кабинет, третьи – за конституцию. В этом хаосе ничего не поймешь»¹ [4, с.73]. Несмотря на разность позиций в правительственных кругах, все признавали необходимость реформирования местного управления. Вопрос заключался лишь в том, какое начало должно возобладать в новой организации: общественное или административное. По этой причине деятельность Кахановской комиссии, состоявшей из единомышленников бывшего министра внутренних дел гр. Лорис-Меликова (Каханов был товарищем министра и ближайшим его помощником), находилась в центре внимания и либералов, и консерваторов. Материалы Комиссии публиковались в ходе ее работы, а в начале XX в., когда вновь возник вопрос о реформе местного управления, многие ее документы были изданы вновь [11; 24].

Деятельность Комиссии, ее состав, проекты и то внимание, какое уделяли ее работе современники, достаточно хорошо изучены историками. О Кахановской комиссии писали авторы обобщающих трудов о внутренней политике России 1880-х – 1890-х гг. и исследователи отдельных реформ царствования Александра III. Ей посвящено и диссертационное исследование В.В.Большова [5].

Работы, написанные на рубеже XIX–XX вв., носят во многом публицистический характер. В них прослеживается откровенное стремление провести резкую грань между преобразованиями 1860–1870-х и 1880–1890-х гг.: «реформами» и «контрреформами» [16, 18]. Эта направленность, свойственная исследованиям современников событий, нашла отражение и в трудах советских историков, где значение Кахановской комиссии оценивалось неоднозначно. Если одни видели в ней «последний осколок "либеральной" эпохи», а начало разработки контрреформ относили к 1886 году [12, с.73, 98], то другие считали, что результаты работы этой Комиссии не имели практического значения, хотя и отмечали, что «именно в недрах

¹ *Запись 8 мая 1881 г.*

Кахановской комиссии родились первые проекты контрреформ» [14, с.417; 5, с.17].

Советские исследователи рассматривали деятельность Комиссии с политической точки зрения и практически не касались причин ее создания, которые заключались в очевидных для современников недостатках в организации местного управления. Иной взгляд высказала В.А.Нардова. Детально изучив материалы Кахановской комиссии о состоянии городского управления, автор пришла к заключению, что ее члены ставили задачу «обеспечить более рациональное функционирование органов городского самоуправления; мотивы политического свойства имели подчиненное значение». Кроме того, Нардова отметила «определенное влияние» трудов Комиссии как на городскую реформу 1892 г., так и на реформу городского управления Петербурга 1903 г. [21, с.184]. Деятельность Особой комиссии прошла бесследно и для земского управления. По оценке А.А.Ярцева, «часть предложений сенаторов и Комиссии вошла в Положение 12 июня 1890 г.» [35, с.228].

В отличие от предшественников, современные исследователи акцентируют внимание не на политической стороне вопроса, а на результатах деятельности Комиссии, направленной на исправление очевидных недостатков в организации местного управления. Они дают более взвешенную оценку не только Комиссии, но и реформам 1880–1890-х гг., рассматривая их в качестве необходимой корректировки реформ 1860–1870-х гг. [27, с.178–234; 32, с.324–344; 34, с.21–35]. Однако общая оценка преобразований в период царствования Александра III в значительной степени остается политизированной.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить сложный процесс подготовки преобразований 1880–1890-х гг. с позиции их исторической обусловленности, а также выявить степень влияния этих реформ на организацию местного управления.

Необходимость создания Комиссии

Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М.С.Каханова учреждена 20 октября 1881 г. Ее создание не было чрезвычайным событием. С начала XIX в. вопрос о преобразовании местного управления постоянно находился в центре внимания законодателей, предлагавших реформировать его устройство путем расширения или, наоборот, ограничения самостоятельности губернских властей. Так, в ходе на-

чайным событием. С начала XIX в. вопрос о преобразовании местного управления постоянно находился в центре внимания законодателей, предлагавших реформировать его устройство путем расширения или, наоборот, ограничения самостоятельности губернских властей. Так, в ходе на-

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

местнической реформы Александра I, воплощавшей идею децентрализации управления, генерал-губернаторы получили широкие полномочия и приравнивались к министрам. Комитет 6 декабря 1826 г., созданный императором Николаем I, признал такую организацию местного управления не отвечающей историческому развитию России и наметил пути преобладания центральной власти над губернскими учреждениями, что и было осуществлено в 1837 г.

27 марта 1859 г. по указанию Александра II была создана Комиссия о губернских и уездных учреждениях (с 24 марта 1870 г. – Высочайше учрежденная комиссия о преобразовании губернских и уездных учреждений). Этой Комиссией (под председательством Н.Е.Милютина, а с апреля 1861 г. П.А.Валуева) разработаны проекты реформ крестьянского управления, полиции, земской реформы 1864 г. и др. С небольшими перерывами эта комиссия работала до создания Кахановской комиссии².

В результате реформ 1860–1870-х гг. в губерниях и уездах создана широкая сеть общественных учреждений (крестьянских, земских, городских), в сферу деятельности которых перешла часть полномочий коронных властей. В отличие от предыдущего периода децентрализация управления была проведена на уровне не администрации центра и губерний, а администрации и общества, что «привело к образованию нового субъекта провинциальной власти» [34, с.29].

Слабые стороны организации городских и земских общественных учреждений проявились в первые годы их существования. Проблемы в крестьянском самоуправлении возникли с упразднением в 1874 г. института мировых посредников и передачи значительной части их полномочий органам самоуправления – уездным по крестьянским делам присутствиям. К концу 1870-х гг. недостатки в системе местного управления стали предметом пристального внимания прессы. Современники отмечали безответственность и бесконтрольность как городских, так и земских органов самоуправления. По их оценке деятельность этих учреждений представляла «почти сплошное печальное повествование о небрежном отношении к делу, о кумовстве, о бесконтрольном транжирении денег на большие жалования друг другу, на предметы ненужные или прямо чуждые целям самоуправления и т.п., и наконец, прямо о расхищении общественных сундуков» [9, с.257]. И это не было вымыслом репортеров. До начала 1880-х гг. Московская городская управа не представляла Думе никаких отчетов, а Дума

² *О масштабах работы этой Комиссии свидетельствуют около 30 изданий ее материалов, опубликованных в 1859–1876 гг. [17, с.75–76].*

не проводила ревизий ее деятельности. Спустя годы, один из членов Московской городской управы (в 1877–1886 гг.) в откровенной беседе признавался, что тогда «каждый преследовал свои личные цели и цели своих присных. Общие интересы являлись ширмами» [3, д.15, л.37 об.].

Критике подвергалась и избирательная система. Главным недостатком Городового положения 1870 г. признавалось преобладание в составе избирателей людей «малообразованных и даже вовсе неграмотных», принадлежавших в основном к торговцам и мелким промышленникам. Эти избиратели «господствуют в разрядных собраниях и, благодаря своей сплоченности и разным маневрам, успевают пробираться в число гласных» [23, с.380]. Не лучшей была ситуация и в земстве. Характеризуя земские выборы 1880-х гг., пресса писала об обострившейся борьбе местных людей за земскую власть. «Вся выборная агитация выродилась в бесконечный ряд подвохов, подкупов и всевозможных интриг ... Все сводится на борьбу за личную наживу»³.

Необходимость переустройства местного управления осознавалась уже правительством Александра II. В 1880 г. Министерство внутренних дел вынуждено было признать, что с каждым годом усиливается «необходимость привести к окончанию Высочайше предуказанное еще в 1856 г. улучшение внутреннего управления в губерниях» [30, с.423].

Сенаторские ревизии 1880–1881 гг., их итоги

В августе 1880 г. для сбора сведений о состоянии дел на местах были направлены сенаторы в девять губерний⁴. Силами чиновников шести ведомств для проведения ревизии было разработано «Особое наставление сенаторам». В 49 пунктах этой инструкции определены «болевые точки» местного управления, о которых правительство было хорошо осведомлено благодаря отчетам губернаторов и представлениям земств. Сенаторам предписывалось обратить особое внимание на политические настроения в губерниях, а также определить степень эффективности местных учреждений и органов самоуправления. В «Наставлении сенаторам» отмечалось, что в связи с замеченным несоответствием «результатов деятельности земских учреждений тем ожиданиям правительства и общества, коими сопровождалось их открытие», необходимо

³ Цит. по: [8, т.3, с.335].

⁴ Губернии ревизовали: Самарскую и Саратовскую – И.И.Шамиин, Киевскую и Черниговскую – А.А.Половцов, Воронежскую и Тамбовскую – С.А.Мордвинов, Казанскую, Оренбургскую и Уфимскую – М.Е.Ковалевский [25, с.166].

установить причины этого явления. Сенаторы должны были выяснить: действительно ли местная администрация парализует их работу и целесообразно ли расширить сферу деятельности земских учреждений. В отношении городского управления сенаторам предписывалось удостовериться в правильности применения Городового положения 1870 г. и выяснить, «не заключает ли оно в себе таких правил, кои не соответствовали бы действительным потребностям городского управления». Сенаторам вменялось в обязанность собрать «возможно полные данные» о потребностях управления, которые содействовали бы «правительству в разрешении сложной задачи преобразования губернского управления». В «Наставлении» намечались и основные направления преобразований: объединение администрации и сокращение числа учреждений; усиление распорядительной власти на местах; сокращение делопроизводства; сохранение государственного и общественного порядка; обеспечение общественных и частных интересов [30, с.419–423].

По словам министра внутренних дел гр. М.Т.Лорис-Меликова, цель ревизии заключалась в том, чтобы «посмотреть, как бы устранить общие неудобства...» и «привести к единству, к согласию все то, что, быть может, не всегда в одном направлении было сделано законодательною властью за последнее время»⁵. Таким образом, сенаторам следовало установить причины выявившихся к 1880 г. недостатков в системе местного управления, созданной в 1860–1870-х гг., и выработать предложения по их устранению.

Судя по итогам ревизий, завершившихся во второй половине 1881 г., наибольшее число нареканий проверяющих вызвали губернские правления и полиция, где почти повсеместно обнаружались беспорядки, злоупотребления должностным положением, канцелярские отписки и волокита. Причину неудовлетворительного состояния управления сенаторы видели в безответственности и безнаказанности администрации [15, с.201, 207]. Что касается органов общественного управления, то наибольшей критике подверглись уездные по крестьянским делам присутствия. Удаленность этих учреждений от сельских обществ, бюрократическая форма ведения дел, всевластие волостных писарей («ворочали всеми делами»), злоупотребления волостных старшин и сельских старост (в 1875–1880 гг. только в одной губернии под судом оказались 720 сельских должностных лиц) – все это указывало на необходимость серьезных преобразований в области сельского управления. Как считали сенаторы, исправить положение можно было путем создания мелкой административно-территориальной единицы, и предлагали осуществить это преобразовани-

⁵ Цит. по: [13, с.238, 244].

ем крестьянской сословной волости во всесословную или разделением уезда на несколько участков. В первом варианте ее глава избирался населением, во втором – назначался администрацией.

В отличие от крестьянского самоуправления, земства получили высокую оценку проверяющих. Признав земские учреждения лучшими в структуре местного управления (после судебных органов), сенаторы отмечали негативное отношение к ним со стороны администрации. Выход из этой ситуации видели в создании «коллегий» – смешанных по составу губернских и уездных учреждений, состоявших из представителей земств и короны (т.е. центральной власти). Ревизоры предлагали расширить сферу деятельности земств и передать под их контроль органы крестьянского самоуправления. Критике подверглась система выборов в земские собрания, которая не обеспечивала равного представительства разных сословий. В составе земских собраний преобладали дворяне, тогда как число крестьян было сравнительно невелико, поскольку крестьяне на своих сходах часто избирали сельских должностных лиц и представителей других сословий.

Сенаторы выявили множество недостатков и в организации городского самоуправления. Они отмечали низкую активность избирателей, бесконтрольность и злоупотребления членов управ и равнодушие гласных к нуждам города. Для исправления этих недостатков предлагалось усилить контроль над деятельностью городских учреждений и внести изменения в избирательную систему. В частности, лишить права участия в выборах приказчиков и плательщиков минимальных налогов и включить в число избирателей съемщиков квартир, представлявших наиболее образованную часть городского населения [7, с.38–55; 36, с.128–192].

Таким образом, в ходе ревизий сенаторы выявили слабые стороны организации губернских и уездных учреждений как административных, так и общественных, и пришли к заключению о необходимости их переустройства.

С выводами сенаторов во многом совпадали и предложения земств о преобразовании местных учреждений, присланные в ответ на предписание Министерства внутренних дел 1880 г. В предложениях большинства земств также отмечалась необходимость создания всесословной волости, расширения полномочий земств и предоставления им права участия в административном управлении на губернском и уездном уровне [6, с.158].

Отчеты сенаторов и предложения с мест стали основными источниками для разработки проектов Кахановской комиссии, во многом определивших их содержание.

Особое совещание Комиссии и его проект

Как уже отмечалось, Особая комиссия для составления проектов местного управления создана 20 октября 1881 г. В ее состав вошли чиновники разных ведомств и сенаторы, ревизовавшие губернии, в общей сложности 17 человек [24, ч.1, с.9]. Перед Комиссией стояли непростые задачи. Ей предстояло разработать проект новой организации управления, в которой надо было объединить административные учреждения и присутствия, чтобы сократить их число и упростить делопроизводство; усилить властные полномочия на местах; установить тесную связь администрации с общественным управлением, определить их права и обязанности [21, с.170]. К концу января 1882 г. Комиссия составила «Общий план» работы и «Перечень предметов занятий», утвержденных

М.С.Каханов

Комитетом министров в апреле 1882 г. Тогда же для разработки первоначальных проектов Комиссия сформировала Особое совещание под председательством Каханова. В него вошли 10 членов Комиссии, включая ревизоров. К ноябрю 1883 г. члены Совещания составили проект «Положений об устройстве местного управления» с «Объяснительными записками» к проекту. Однако в связи с разногласиями, возникшими по отдельным пунктам проекта, работа Совещания завершилась только в феврале 1884 г.

Проект «Положений об устройстве местного управления» состоял из семи частей и предусматривал коренное переустройство как административных, так и общественных учреждений. Особое внимание уделялось крестьянскому управлению. Разработчики проекта предлагали включить в сельское общество наряду с крестьянами представителей других сословий и сделать его всесословным. Сословная организация предусматривалась только для поземельных крестьянских союзов, которые создавались из крестьян, вышедших из крепостной зависимости и ранее принадлежавших одному владельцу. Согласно второму пункту проекта, волость (единица крестьянского управления) становилась административно-территориальной единицей, включавшей не только сельские общества, но и городские поселения, на которые не распространялось Городовое положение 1870 г. Таким об-

разом, волость, как и сельское общество, получала всесословный характер. Возглавлял ее волостель, избираемый уездным земским собранием из жителей губернии, имевших среднее образование. Волостели приобретали значение земских исполнительных органов по земским делам под руководством управы. К ним переходили многие функции уездных по крестьянским делам присутствий (они упразднились) и надзор за крестьянской общиной. В результате влияния земства на крестьянские дела заметно возрастало [12, с.115; 14, с.219–221].

Третий пункт проекта касался городского управления. Совещание признало, что установленные Городовым положением 1870 г. широкие пределы самостоятельности органов городского самоуправления не оправдали себя, поэтому в проекте прослеживается четкая линия на ограничение самостоятельности городских дум и усиление контроля администрации за их деятельностью [21, с.196].

Существенным изменениям подвергалась избирательная система. Слабой стороной закона 1870 г. признавалось преобладание среди городских избирателей и гласных лиц малообеспеченных и несамостоятельных (приказчиков, торговцев, мещан и др.), что объяснялось отсутствием имущественного ценза (право участия в выборах было связано с уплатой налогов с недвижимости и торговли, независимо от их величины). Вместо трехрядной системы (избиратели каждого разряда в совокупности уплачивали 1/3 общей суммы городских налогов) вводилось новое деление избирателей на группы «по представляемым ими интересам»:

- *владельцы недвижимой собственности;*
- *купцы и содержатели торговых и промышленных заведений;*
- *квартиронаниматели.*

Каждая группа избирала равное число гласных. При многочисленности избирателей выборы проводились по территориальным участкам.

Изменения намечались и в земской избирательной системе. Для выборов гласных уездных земских собраний предусматривалось создание трех избирательных курий. В них входили:

- *уездные собственники (по закону 1864 г. только владельцы земли);*
- *городские избиратели;*
- *сельские избиратели, которые должны были выбирать гласных на сходах путем прямого голосования (вместо двухстепенных выборов).*

Проект вносил значительные изменения в организацию уездного управления. Предполагалось упразднить многие учреждения (разные присутствия, распорядительный комитет, училищный совет), а управление делами уезда сосредоточить в Присутствии уездного управления, состоявшем из нескольких отделений:

- *полицейского;*
- *по крестьянским делам;*
- *учебного;*
- *по воинским делам.*

Уездное присутствие должно было состоять из лиц как назначенных от правительства, так и избранных земством. Присутствие возглавлял председатель, который назначался Министром внутренних дел из трех кандидатов, избранных земским собранием; в состав присутствия входили исправник и председатель земской управы.

Смешанное по составу управление вводилось и на губернском уровне. По проекту Сопещения в каждой губернии учреждалось Присутствие губернского управления под председательством губернатора. В состав этого высшего органа губернской власти входили:

- *предводитель дворянства;*
- *вице-губернатор;*
- *прокурор окружного суда;*
- *председатель и один из членов губернской земской управы.*

Присутствие должно было подчиняться не Министру внутренних дел, а Сенату. Одновременно упразднялся ряд губернских учреждений, включая губернское правление. При этом земство сохраняло и даже расширяло полномочия; в его ведение перешли раскладка государственных налогов и сбор статистических сведений [14, с.222–225].

В целом проект был направлен на усиление в местном управлении позиций земских учреждений. Они получали характер не только хозяйственных, но и административных учреждений; к ним переходила значительная часть полномочий действовавших тогда уездных и губернских органов власти. Проект во многом повторял предложения сенаторов, проводивших в 1880 г. ревизии ряда губерний. Тем не менее он не оправдал надежд либеральной общественности, прежде всего земской, ожидавшей от деятельности Кахановской комиссии намного большего [6, с.158–159].

**Обсуждение проекта
«Положений» в Кахановской
комиссии**

Подготовленный Сопещанием проект поступил на рассмотрение Комиссии, которое продолжалось с октября 1884 г. до апреля 1885 г. К 1884 г. число ее членов возросло до 34-х. Из них 19 членов, назначенных из числа петербургских чиновников, и 15 приглашенных с мест губернаторов и предводителей дворянства. С начала обсуждения проекта «Положений» между петербургскими и приезжими ее членами проявились принципиальные разногласия по ключевым пунктам.

Известный публицист В.П.Мещерский, характеризуя «разлад» между двумя этими группами, 22 октября 1884 г. писал: «Кахановский проект толкует о всеословности и о равновесии власти между правительством и обществом, а кахановцы приезжие говорят на основании практики, что никакой всеословности в России нет, что это вздор, ... что теперь нет равновесия, ибо правительственная власть всюду слаба, а нужно теперь не о равновесии думать, а об усилении правительственной власти везде, особенно в уездах...» [19, с.46]. Представление о ходе заседаний дает запись Мещерского от 27 октября 1884 г.: «Бедная Кахановская комиссия, ей не везет: приезжие из России члены бьют ее в каждом сражении. Теперь идет сражение, чуть ли не генеральное, из-за всеословной волости» [19, с.49]. Действительно, многие пункты проекта вызвали острые дискуссии. Большинство членов Комиссии не поддержало предложение Сопровождающего о разделении сельского управления на сельские общества и крестьянские земельные союзы. Пересмотрены были и пункты проекта, предусматривавшие преобразование крестьянских сельских обществ и волостей во всеословные. Не менее спорным оказался вопрос о создании среднего управленческого звена между уездом и сельским обществом. Признавая необходимость такой единицы (волости или участка), члены Комиссии заняли противоположные позиции в отношении ее полномочий и подчиненности. Одни видели в ней исполнительный орган по общему уездному управлению (волость) во главе с избираемым земством волостелем; другие – орган наблюдения за крестьянским управлением (участок) под управлением назначаемого правительством участкового начальника, напомиравшего бывшего мирового посредника. Острые разногласия, возникшие при обсуждении организации крестьянского управления, вполне объяснимы: речь шла о том, под чьей властью окажется 80% населения России – правительства или общества. «Приобретение решающего влияния в крестьянской волости путем создания мелкой земской единицы, – отмечала Н.М.Пирумова, – было постоянным программным требованием земских либералов. Появление же фигуры земского начальника, бравшего под свой контроль все формы крестьянского самоуправления, нарушало либерально-земские планы в столь важном для них вопросе» [26, с.38–39].

В конечном итоге, большинством голосов Комиссия постановила соединить в должности участкового начальника обе функции (общего уездного и крестьянского управления) и сделать ее административной, а не выборной.

Что касается предложенных в проекте Сопровождающего реформ уездного и губернского управления, то Комиссия согласилась с ними, признав, одна-

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

ко, целесообразным назначать председателем присутствия уездного управления предводителя дворянства, а не лицо, избираемое земским собранием [14, с.226–232].

А.Д.Пазухин

Пункты о земской и городской реформах не претерпели серьезных изменений. Комиссия не поддержала предложения алатырского уездного предводителя дворянства (Симбирская губерния) А.Д.Пазухина и его единомышленников о введении сословной организации городских и земских выборов и нераспространении избирательных прав на нанимателей квартир. Вместе с тем, большинство членов согласилось с предложением Пазухина включить в число гласных уездных собраний крупных землевладельцев (от 30 земельных цензов) без их избрания.

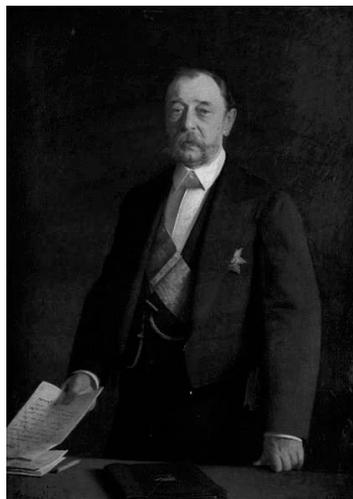
Таким образом, в ходе обсуждения проекта особой критике подверглись предложения Совещания, касавшиеся организации крестьянского управления, которые в конечном итоге и были пересмотрены. Остальные пункты проекта претерпели небольшие изменения, несмотря на попытки части членов Комиссии внести в них существенные поправки.

После обсуждения проекта предполагалось по каждому из семи его пунктов сформировать особую подкомиссию для выработки детальных проектов, затем обсудить их в заседаниях Комиссии и представить на рассмотрение Государственного совета. Но 1 марта 1885 г. по распоряжению императора Комиссии предписывалось закончить работу в двухмесячный срок. 11 апреля 1885 г. состоялось последнее заседание, а 1 мая Комиссия была закрыта. Ее материалы поступили в Министерство внутренних дел, где разработка назревших проектов продолжилась.

Отзывы начальников губерний о состоянии местного управления

В июле 1883 г., еще до окончания работы Совещания, Министерство внутренних дел (с мая 1882 г. его возглавлял гр. Д.А.Толстой) разослало начальникам губерний циркуляр с предписанием прислать мнения о недостатках местных учреждений. Предлагалось ответить на 41 пункт из сформулированных с учетом предварительных результатов работы Совещания. К 1884 г. мнения прислали 30 губернаторов. Большинство из них указали на те же недостатки, что и члены Совещания. Так, губернаторы признавали необходимость переуст-

ройства крестьянского управления, отмечали отсутствие четкого распределения полномочий и пределов власти администрации и земских учреждений, слабую финансовую дисциплину общественных органов, считали необходимым запретить избираться от крестьянской курии представителям других сословий, ввести имущественный ценз и отказаться от трехрядной избирательной системы в городские думы. Однако в отличие от разработчиков проекта «Положений», губернаторы писали об излишней самостоятельности городских и земских учреждений и предлагали не расширять их полномочия, а напротив, усилить контроль правительства за их деятельностью.

Граф Д.А.Толстой

Отмечая недостатки в организации местных учреждений, администраторы не видели оснований для коренного изменения всей системы местного управления, как предполагали члены Совещания [21, с.212; 35, с.318–337].

Отзывы местных администраторов рисовали несколько иную картину состояния местного управления по сравнению с материалами, находившимися в распоряжении Совещания, что дало Министерству внутренних дел еще один повод искать собственные пути к исправлению выявившихся недостатков.

**Разработка проектов реформ
в Министерстве
внутренних дел**

А.А.Половцов, принимавший участие в работе Кахановской комиссии, характеризовал позиции М.С.Каханова и гр. Д.А.Толстого следующим образом: «Один говорит: "Все", другой: "Ниче-

го". Я бы взял из кахановского труда отдельные части и внес бы их на законодательное утверждение» [28, т.1, с.237]⁶. Но этого не случилось. Несмотря на намерение гр. Д.А.Толстого решить вопрос о преобразовании местного управления в 1886 г., первый из проектов, разрабатываемых Кахановской комиссией, а затем Министерством внутренних дел (о земских начальниках), был утвержден только в 1889 г. Еще больше времени

⁶ *Затись 9 июня 1885 г.*

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

потребовалось на принятие законов о земском и городском самоуправлении. Л.Г.Захарова и П.А.Зайончковский в деталях исследовали сложный процесс подготовки, обсуждения и принятия этих законов, отразивший политические пристрастия и личные отношения его участников. Проследим в общих чертах основные этапы этого затянувшегося процесса.

После закрытия Комиссии единственным разработчиком проектов местного управления стал активный критик кахановского проекта А.Д.Пазухин, назначенный гр.Толстым правителем канцелярии Министерства внутренних дел. К марту 1886 г. он подготовил общий проект реформ крестьянского и земского управления, тесно связанных между собой. Проект Пазухина, в отличие от кахановского проекта, в должности

Н.А.Манасеин

земского начальника соединил административные и судебные полномочия, максимально приблизив ее к должности мирового посредника, и упразднил в уездах мировых судей, ставших при такой организации лишним звеном в управлении. В части проекта о земских учреждениях предусматривалось усиление над ними административного контроля, что выражалось в создании вместо управ присутствий по земским делам, состоявших из администрации и выборных гласных.

В апреле 1886 г. с проектом ознакомились члены Государственного совета (К.П.Победоносцев, Н.А.Манасеин, М.Н.Островский) и указали на его слабые стороны. Особенно критичен был министр

юстиции Манасеин, выступивший против надления участковых начальников судебными полномочиями и упразднения мировых судей, которым, по его мнению, следовало передать надзор за крестьянским управлением. Победоносцев поддержал Манасеина, поэтому при доработке проекта этот пункт был снят.

К осени 1886 г. Пазухин по каждой реформе составил отдельный проект. Суть доработанных проектов сводилась к следующему. В отношении крестьянского управления предусматривалось, что надзор за всеми крестьянскими учреждениями, включая волостные суды, должен осуществлять земский начальник, назначаемый министром внутренних дел (по представлению губернатора) из местных дворян, отвечавших условиям возрастного, имущественного и должностного цензов. Новые органы в первой

инстанции являлись единоличными, а во второй – коллегиальными, составляя съезды уездных земских начальников под председательством предводителя дворянства. В должности земского начальника совмещались административные и судебные полномочия (по мелким судебным делам). Однако в отличие от первоначального проекта здесь уже не стоял вопрос об отмене института мировых судей.

В проекте реформы земских учреждений в полном объеме сохранялась их компетенция. Изменению подверглась избирательная система, которая по сравнению с Положением 1864 г. получила более четкий сословный характер. В уездах вместо избирательных съездов землевладельцев и горожан создавались два избирательных собрания: дворян (потомственных и личных) и остальных избирателей, кроме крестьян сельских обществ. Выборы гласных от сельских обществ проводились на волостных сходах, в которых могли участвовать только крестьяне, избравшие непосредственно гласных. Из их списка губернатор утверждал положенный комплект гласных от сельских обществ. По оценке А.А.Ярцева, введение сословного принципа «с точки зрения либеральной доктрины» было, «безусловно, регрессивным ходом». «Однако в определенном смысле он способствовал защите корпуса гласных от крестьян от проникновения в него чуждых элементов, далеких от желания отстаивать крестьянские чаяния» [35, с.332].

По сравнению с Положением 1864 г. повышался имущественный ценз для городских слоев населения, владевших недвижимой собственностью (с 3-х до 15 тыс. руб.), и мелких собственников земли, участвовавших в выборах через уполномоченных (с 1/20 до 1/10 полного ценза). Это, по мнению гр. Толстого, лишало избирательных прав самую ненадежную часть сельского населения (мелких промышленников, ростовщиков, кабатчиков, кулаков и др.). Лишались избирательных прав арендаторы земли и духовенство. Вместе с тем, епархиальное начальство получало право назначать представителей духовенства в земские собрания. Проект усилил неравномерность представительства в земских собраниях разных сословий. По проекту Пазухина дворяне избирали одного гласного от 20 земельных цензов (по закону 1864 г. от 30 цензов), а крестьяне – от 4000 ревизских душ (по закону 1864 г. от 3000 душ). Предусматривалось включать в число уездных гласных крупных землевладельцев без их участия в выборах. В состав губернских земских собраний, помимо гласных (их избирали уездные земства из своего состава), входили уездные предводители дворянства (всего 359 чел.), крупные землевладельцы уездных земских собраний, представители духовенства и городской думы. Помимо изменений в избирательной системе, проект предусматривал заметное усиление контроля администрации над хозяйственной и финансовой дея-

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

тельностью земств. Этой задаче отвечало создание вместо уездных и губернских управ земских присутствий, члены которых назначались администрацией и получали права государственной службы.

Для обсуждения проектов при Министерстве внутренних дел было созвано Особое совещание из 10 губернаторов и губернских предводителей дворянства под председательством тов. министра кн. К.Д.Гагарина. С начала сентября 1886 г. до января 1887 г. члены Совещания провели 17 заседаний, на которых обсудили и одобрили оба проекта.

18 декабря 1886 г. гр. Д.А.Толстой представил императору всеподданнейший доклад, в котором изложил содержание проектов, ставших предметом обсуждения Особого совещания, и очередность их реализации. В отличие от Каханова, Толстой не видел необходимости в переустройстве всех отраслей местного управления и предлагал ограничиться давно назревшими реформами в области крестьянского, земского и городского управления. Определяя базовые начала намечаемых преобразований, министр внутренних дел писал: «При осуществлении реформы надлежит руководствоваться не отвлеченными принципами или чуждыми нам идеалами западноевропейской государственной теории и практики, а ясным пониманием коренных, самостоятельных основ русской государственной жизни... Власть русских Самодержцев и есть то основание нашего государства, к которому должны быть подведены и с которым должны быть связаны все органы управления». Далее, анализируя состояние местного управления, Толстой отмечал обособленность общественных учреждений от правительственных и разобщенность различных отраслей управления, что препятствовало обеспечению порядка и законных интересов населения. По мнению министра, действовавшая система управления не отвечала социально-экономическим условиям жизни страны. «Редкое население России, разбросанное на огромной территории, неизбежная вследствие сего отдаленность от суда, низкий уровень экономического благосостояния народа и патриархальные обычаи жизни нашего земледельческого класса – все это такие условия, которые требуют установления власти, не стесненной в своих действиях излишним формализмом, способной быстро восстановить порядок и дать, по возможности, немедленную защиту нарушенным правам и интересам населения» [20, с.171–173]. Путь к исправлению недостатков действовавшей системы местного управления он видел в единстве власти, что достигалось приданием всем учреждениям правительственного характера и установлением их тесной связи с центральным управлением. Доклад гр. Толстого, определивший идейную платформу намеченных преобразований, получил одобрение императора.

**Обсуждение проекта закона
о земских начальниках**

5 февраля 1887 г. проект Положения о земских участковых начальниках поступил на рассмотрение Государственного совета (опасаясь критики, Толстой не стал одновременно представлять и подготовленный проект Положения о земских учреждениях). Проект был разослан в разные министерства, где получил много замечаний. Большинство из них касалось совмещения в этой должности административных и судебных полномочий. Н.А.Манасеин вновь повторил ту мысль, что при такой организации надзор за крестьянским управлением вместо земского начальника мог осуществлять и мировой судья. Министр финансов И.А.Вышнеградский считал, что при наделении земского начальника судебными функциями следовало упразднить мировой суд, так как в противном случае в сельской местности будут одновременно действовать четыре суда: волостной, мировой, окружной и земского начальника. В то же время он признавал, что подобная реформа необходима, и проект отвечает поставленным задачам. Государственный контролер Д.М.Сольский опасался, что передача части судебных дел земским начальникам может стать причиной упразднения мирового суда. Особенно критично отнесся к проекту М.С.Каханов. В отзыве он писал о необходимости преобразования всего местного управления, а не отдельных его отраслей. Слабой стороной проекта Каханов считал нераспространение полномочий земских начальников на дела общего управления (здоровоохранение, образование, пожарная и строительная часть, средства сообщения и др.), находившиеся в ведении уездного управления. В данном случае наблюдается очевидное стремление приравнять земского начальника к волостелю, а участок – к волости (административно-территориальной единице) и реализовать один из пунктов проекта Кахановской комиссии. Как и другие члены Государственного совета, Каханов критиковал проект за сословный ценз для кандидатов на должность земских начальников; он считал недопустимым наделение судебными полномочиями служащих Министерства внутренних дел, что противоречило Судебным уставам 1864 г. Нарушение принципа разделения властей – российские законодатели его неукоснительно придерживались – во многом определило отношение к этому проекту современников, а вслед за ними – и исследователей. «Историки традиционно усматривают реакционный смысл закона о земских начальниках, – отмечает И.А.Христофоров, – в объединении в их руках судебной и административной власти. При этом не учитывается, что

и в европейской практике на низших уровнях управления этот принцип очень часто не соблюдался» [32, с.337].

Несмотря на критические отзывы влиятельных членов Государственного совета, Министерство внутренних дел отстаивало основные положения проекта. По распоряжению императора сторонам предписывалось прийти к соглашению до рассмотрения проекта в Государственном совете. В январе – марте 1888 г. такие совещания проводились, но они ни к чему не привели. В результате, обсуждение проекта было перенесено на осень. Толстой не без основания полагал, что в надежде на близкую его кончину (он был неизлечимо болен), его противники специально затягивали рассмотрение проекта [31, с.267].

К концу 1888 г. на проект Положения о земских начальниках поступило еще несколько отзывов, в том числе министра императорского двора И.И.Воронцова-Дашкова, который не только раскритиковал проект Толстого, но и предложил свой вариант реформы местного управления. По его мнению, для решения накопившихся проблем необходимо учредить должность уездного начальника и сосредоточить в его руках все отрасли административного управления уездом, а власть участковых начальников (его помощников), не наделяя их судебными полномочиями, распространить на все население участков. При такой организации управления, наминавшей проект, составленный Кахановской комиссией, мировой суд сохранял свои позиции в неприкосновенности. К предложению министра Двора многие члены Государственного совета отнеслись положительно. В конце 1888 г. противники принятия проекта гр. Толстого, в их числе государственный секретарь А.А.Половцов и председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич, провели большую работу среди членов Совета в пользу предложения Воронцова-Дашкова о составлении контрпроекта [28, т.2, с.117–137].

16 января 1889 г. при рассмотрении проекта закона о земских начальниках в Общем собрании Государственного совета проект поддержали только 13 членов, а 39 проголосовали против. Однако Александр III согласился с мнением меньшинства и предписал Совету завершить работу над окончательным проектом до начала летних вакансий. Более того, в резолюции император выразил желание упразднить в уездах мировых судей, а их полномочия распределить между земскими начальниками, волостными и окружными судами [29, т.2, с.151–158, 485]. Таким образом, император вернул в проект положение об упразднении мирового суда, входившее в 1886 г. в первоначальный проект закона. Об этом решении члены Государ-

ственного совета узнали в заседании 30 января 1889 г. По словам Половцова, прочтение «неожиданной и беспримерной резолюции произвело почти оцепенение среди членов» [28, т.2, с.159].

Резолюция Александра III поставила точку в той борьбе, которая велась в Государственном совете вокруг проекта этого закона. «О прежней ожесточенной оппозиции не было и помина, – писал Е.М.Феоктистов, – и самым надежным союзником графа Толстого явился А.А.Абаза, который всегда находился во враждебных к нему отношениях; в благодарность за это граф выхлопотал ему орден Андрея Первозванного» [31, с.270]⁷. В дальнейшем велась лишь доработка отдельных пунктов проекта. В частности, был решен вопрос об объеме судебных полномочий новых администраторов, введен образовательный ценз (высшее образование) для кандидатов на эту должность.

12 июля 1889 г. проект Положения о земских участковых начальниках получил силу закона [29, т.9, №6196]. В этом законе во многом реализовался первоначальный проект А.Д.Пазухина: над крестьянским управлением была установлена правительственная опека в лице земского начальника, наделенного административными и судебными полномочиями. Однако идея о предоставлении этой должности исключительно поместному дворянству не получила полного воплощения. Закон разрешал в случае необходимости определять в земские начальники и личных дворян (ст. 7), а при недостатке местных дворян министр внутренних дел мог назначать на эту должность и других лиц с образованием не ниже среднего (ст. 15). Не было высоких требований и к имущественному положению земских начальников. Для потомственных дворян в возрасте не менее 25 лет, прослуживших три года предводителями дворянства, не требовалось ни имущественного, ни образовательного ценза. Для тех, кто имел высшее образование и служил мировым посредником или мировым судьей, достаточно было владеть землей в размере ½ ценза, необходимого для участия в выборах в уездные земские собрания по первой курии. Для личных дворян ценз повышался вдвое, но при наличии высшего образования или должностного ценза они могли не иметь земли, а владеть только усадьбой. На практике требование образовательного ценза далеко не всегда соблюдалось. Так, в начале XX в., по сведениям о земских начальниках 10-ти губерний, из 584 человек 124 (21%) не имели среднего образования, а 28 (ок. 5%) не были дворянами [14, с.398 (примеч.)].

⁷ Абаза получил этот орден 9 апреля 1889 г. [33, с.30].

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

К 1894 г. закон 1889 г. действовал в 36 губерниях европейской России; в последующие годы процесс его распространения продолжался.

Обсуждение проекта Земского положения 1890 г.

Проект, представленный в начале января 1888 г. в Государственный совет, был разослан на отзыв министрам и также вызвал множество критических замечаний. Наряду с частными изменениями, признавалось недопустимым включать крупных землевладельцев в число гласных без выборов, отменять выборное начало исполнительных учреждений и превращать управы в земские присутствия; высказывались мнения и против усиления надзора губернской администрации за деятельностью земств. Полученные замечания предполагали внесение в проект существенных изменений. К тому времени умер гр. Д.А.Толстой (в апреле 1889 г.), а с его уходом упало значение А.Д.Пазухина. Доработкой проекта занялся новый министр внутренних дел – И.Н.Дурново. В новом варианте проекта уже не было пунктов о замене управ земскими присутствиями с назначаемыми членами и о введении без выбора в состав уездных собраний крупных собственников земли. Вместе с тем, для разрешения наиболее важных вопросов по земскому управлению и хозяйству и более правильного надзора за деятельностью земских учреждений предусматривалось создание в каждой губернии нового коллегиального органа под председательством губернатора – губернского по земским делам присутствия. В феврале 1890 г. исправленный проект поступил в Государственный совет, где вновь вызвал ряд замечаний, касавшихся, прежде всего, пределов самостоятельности земских учреждений. Члены Совета пришли к заключению, что губернатор должен утверждать не все постановления земств, а только наиболее важные. Кроме того, право губернаторов останавливать их исполнение ограничивалось теми случаями, когда постановления нарушали закон или наносили ущерб интересам государства и населения. И еще одно важное изменение: земства получили право обжаловать решения губернских по земским делам присутствий в Сенате. В новый закон не вошла 6-я статья Земского положения 1864 г., гласившая, что «земские учреждения в кругу вверенных им дел действуют самостоятельно». Вместе с тем, появилась 5-я статья, согласно которой «губернатор имел надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений». Неизменной осталась избирательная система, предусмотренная проектом Пазухина. 12 июня 1890 г. проект был утвержден императором [29, т.10, отд-е 1, №6927].

Б.Б.Веселовский, характеризуя отношение общества и прессы к изданию нового Положения, писал, что его появление «ожидалось с большой тревогой». «Судя по слухам, – пишет хроникер "Русского богатства", – публика ждала ... существенного нарушения самых принципов земства, его избирательного и всесословного начала реформа 12 июня 1890 г. была встречена в умеренно-прогрессивных слоях общества с чувством облегчения. "Высочайший указ 12 июня, – писали "Русские ведомости", – основное начало земского самоуправления оставляет ... в неприкосновенности". В таком же духе высказывалось и большинство остальных прогрессивных органов... справедливо подчеркивалось, что закон 12 июня фактически оставляет почти все по-старому. Приветствовалось новое Положение и консервативной прессой ... "Московские ведомости" провозглашали наступление новой земской эры» [8, т.3, с.349–350].

Усиление надзора администрации над деятельностью земских учреждений способствовало сокращению числа привлечений членом земских управ к суду по делам о денежных злоупотреблениях. Если в 1860-е гг. возбуждалось в среднем 2 таких дела в год, в 1870-е гг. – 4,9, а в 1880-е гг. – уже 5,7 дел, то в 1890-е гг. число дел составляло только 1,8, в 1900-е гг. – 1,9 судебных случаев в год [8, т.3, с.329]. Очевидно, что усиление контроля со стороны администрации положительно сказалось на финансовой дисциплине земских учреждений. В этом отношении ситуация напоминала начальный период деятельности земств, когда их членами двигали лучшие помыслы и побуждения.

Изменения произошли и в составе земских гласных.

Таблица 1

Состав губернских и уездных земских собраний по Положениям 1864 и 1890 гг.

Сословно-социальные группы	Выборы 1883 года (абс./%)					Выборы начала 1890-х гг.** (абс./%)				
	Дворяне чиновники	Городские сословия Купцы и прочие	Духовенство	Крестьяне	Всего	Дворяне чиновники	Городские сословия Купцы и прочие	Крестьяне	Всего	
Губернские собрания	1862/81,5	255/11,2	10/0,4	157/6,9	2284/100,0	1448/89,5	141/8,7	29/1,8	1618/100,0	
Уездные собрания	5595/42,4	2223/16,9	305/2,3	5073/38,4	13196/100,0	5647/55,2	1415/13,8	3174/31,0	10236/100,0	
Всего	7457/48,2	2478/16,0	315/2,0	5230/33,8	15480/100,0	7095/59,9	1556/13,1	3203/27,0	11854/100,0	

Примечания:

*После 1890 г. духовенство в выборах не участвовало;

**Сведения о гласных губернских собраний (1618 чел.) взяты за 1897 г.

Составлено по: [12, с.153]. Таблицы автора (5 и 6) мною объединены в одну.

С введением Положения 1890 г. общее число гласных сократилось, а соотношение разных сословных групп изменилось в пользу дворян и чиновников, хотя и в 1880-е гг. они занимали лидирующее положение, особенно в губернских земских собраниях. Действительно, после 1890 г. представительство этих гласных в губернских земствах возросло с 81,5 до 89,5%, а с учетом уездных земств – с 48,2 до 59,9%. В этом отношении законодатели решили поставленную задачу. Увеличение числа дворян, представлявших тогда наиболее образованную часть населения, способствовало повышению образовательного уровня состава земских собраний. По подсчетам Н.М.Пирумовой, среди губернских гласных 25-ти губерний (1111 чел.), избранных в ходе первых выборов по новому закону, дворяне (потомственные и личные) составляли около 87%, а число лиц с высшим и средним образованием приближалось к 85% [26, с.80–81]⁸. Преобладание в земских собраниях профессионально подготовленных гласных благотворно сказалось на деятельности земств [8, т.1, с.476]⁹. По оценке Веселовского, «...именно с 90-х гг. в земской жизни начинает наблюдаться значительный подъем практической деятельности, а затем и усиление оппозиционного настроения. Почему это произошло...? Изменились окружающие условия, переменялась общественная атмосфера, и это не могло не отразиться на земстве» [8, т.3, с.351].

**Разработка и обсуждение
Городового положения 1892 г.**

По намеченному ранее плану после утверждения Земского положения Министерство внутренних дел приступило к разработке нового Городового положения. Циркуляром 2 июля 1890 г. местным начальникам предписывалось прислать отзывы о действовавшей организации городского самоуправления и предложения по ее усовершенствованию. С циркулярным письмом губернаторы получили проекты Кахановской комиссии и свод «мнений» губернских начальников, собранных в 1883 г. Губернаторам предлагалось решить следующие задачи:

- *согласовать Городовое положение 1870 г. с Земским положением 1890 г.;*

⁸ В подсчеты автора вкралась досадная неточность: число гласных с высшим и средним образованием составляло не ок. 90, а ок. 85 %.

⁹ За 3 года (1895–1898) в России было открыто свыше 3-х тыс. земских школ (их число достигло 16,4 тыс.); ранее для этого потребовалось 15 лет (1878–1894), тогда число школ возросло с 10 тыс. до 13).

- *учесть недостатки действовавшего городского закона и наметить способы их устранения;*
- *найти способы обеспечить правильное ведение городского хозяйства.*

Министерство рекомендовало губернаторам привлечь к этой работе «лиц, которые могли бы принести наибольшую пользу делу по своей опытности и познаниям» [2, д.2496, л.81 об.]. Таким образом, новый городской закон не был произведением только бюрократической мысли; в его подготовке участвовали и представители общества. Но в отличие от 1860-х гг., когда для разработки Городового положения 1870 г. было учреждено 509 местных комиссий [21, с.16], она не стала шумной кампанией.

К концу 1891 г. в Министерство поступили 42 отзыва местных начальников о недостатках в городском управлении и предложения по их исправлению. В этих отзывах не было ничего принципиально нового по сравнению с тем, о чем писали сенаторы в 1880 г., губернаторы в 1883 г. и что обсуждали члены Кахановской комиссии в 1884–1885 гг. Большинство администраторов считало необходимым сократить число избирателей путем введения имущественного ценза и лишения избирательных прав малоимущих слоев населения, как менее образованных и менее заинтересованных в городских делах. Высказывались предложения и о включении в число избирателей нанимателей дорогих квартир [2, д.2497, л.144–144 об.]. Многие губернаторы предлагали вместо курий ввести территориальные избирательные участки. Но были среди них как защитники куриальной системы, так и сторонники сословной организации выборов. Для исправления недостатков предлагалось установить правительственный контроль не только за законностью, но и за правильностью действий городских дум и управ [2, д.2497, л.127–1128 об.]. Многие губернаторы считали необходимым по примеру Земского положения 1890 г. присвоить права государственной службы городскому голове, его товарищу, членам управы и секретарю [2, д.2497, л.207]. Эти предложения (за исключением предложения о наделении избирательными правами нанимателей квартир) нашли отражение в проекте нового Городового положения, который был разработан чиновниками Хозяйственного департамента к весне 1891 г.

Проект заметно усилил контроль администрации за городским управлением. В него не вошла ст. 5-я Городового положения 1870 г., утверждавшая, что «городское общественное управление в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно». Вместе с тем в проекте появилась 4-я статья, по которой губернатор получал право не

только контролировать законность и правильность действий городских учреждений, но и давать им свои предложения. Значительные изменения вносились в избирательную систему. Право участия в выборах было связано уже не с уплатой городских налогов (независимо от их величины), а только налогов с недвижимой собственности определенной стоимости. В столицах избирательные права получали владельцы имущества стоимостью не менее 3000 рублей, а в уездных городах – не менее 300 рублей. Из торгово-промышленных слоев населения, не владевших недвижимой собственностью, избирательные права получали только купцы 1-ой гильдии. Такая мера должна была привести к резкому сокращению числа избирателей и изменению их состава. Изменения коснулись и системы выборов. Вместо трех избирательных собраний (по числу разрядов) создавалось одно. Однако в том случае, когда лица негородских состояний (дворяне и чиновники) насчитывали не менее 1/5 общей численности избирателей, они составляли особое избирательное собрание. Такая оговорка служила своего рода данью общей установке на внедрение в систему выборов сословной организации. Важным новшеством стало введение в небольших поселениях (с менее чем 100 избирателей) упрощенной формы городского общественного управления. В таких поселениях вместо городских дум создавались собрания уполномоченных в составе 10–15 человек под председательством старосты.

1 марта 1891 г. проект поступил в Государственный совет и был разослан в министерства для ознакомления. Проект вызвал множество нареканий, особенно статьи об избирательной системе. 25 мая 1891 г. в заседании Совета, посвященном рассмотрению проекта, у членов Совета возникли сомнения в целесообразности столь существенных изменений в избирательной системе. Потребовались дополнительные сведения о возможных изменениях в составе избирателей после введения новых правил. По этой причине обсуждение проекта было отложено до конца января 1892 г. В конце 1891 г. Министерство внутренних дел представило в Государственный совет сведения по 472 городам 46 губерний, указывающие на резкое сокращение числа избирателей по всем городам.

В ходе обсуждения проекта в Государственном совете он претерпел существенные изменения. Прежде всего, это касалось взаимоотношений администрации с городскими учреждениями: губернатор, осуществляя надзор за законностью и правильностью их действий, не должен был вносить в Думы свои предложения и таким образом вмешиваться в их деятельность. Члены Совета сочли необходимым ограничить ценз оседлости 1 годом вместо 2-х лет, предусмотренных законом 1870 г., и со-

Актуальный архив

хранить избирательные права за купцами 2-ой гильдии (за исключением столиц), что способствовало некоторому увеличению числа избирателей. Из проекта был исключен и пункт о создании особых избирательных собраний для лиц негородских состояний. В ходе проведения выборов создавалось одно избирательное собрание, которое при многочисленности избирателей подразделялось на территориальные участки. После внесения еще ряда изменений и поправок проект был одобрен Государственным советом, а 11 июня 1892 г. утвержден Александром III [29, т.12, №8708]¹⁰.

Следующая ниже таблица позволяет судить о влиянии Городового положения 1892 г. на состав гласных.

Таблица 2

Состав городских гласных по Городовым положениям 1870 и 1892 гг. (абс./ %)

В 568 городах 49 губерний Европейской России	Конец 1880-х гг.				После 1892 г.****			
	Дворяне чиновники	Купцы почетные граждане	Мещане, ремеслен., крестьяне	Всего	Дворяне чиновники	Купцы, почетные граждане	Мещане, ремеслен. крестьяне	Всего
В 54 губернских и портовых	1478/ 37,0	1888/ 47,2	630/ 15,8	3996/ 100,0				
В 514 уездных	3468/ 15,9	7234/ 33,2	11066/ 50,9	21768/ 100,0				
Всего гласных*	4946/ 19,2	9122/ 35,4	11696/ 45,4	25764/ 100,0				13255 /100,0
Состав гласных городов восьми губерний**								
8 губернских	204/ 36,6	276/ 49,5	78/ 13,9	558/ 100,0	142/ 38,9	192/ 52,6	31/ 8,5	365/ 100,0
51 уездному***	330/ 14,2	873/ 37,7	1113/ 48,1	2316/ 100,0	150/ 13,6	509/ 46,0	446/ 40,4	1105/ 100,0
Всего в 59 городах	534/ 18,6	1149/ 40,0	1191/ 41,4	2874/ 100,0	292/ 19,9	701/ 47,7	477/ 32,4	1470/ 100,0

Примечания:

*Всего в России насчитывалось 27834 гласных [27, с.176];

**Сведения о составе городских гласных Воронежской, Калужской, Киевской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Уфимской и Ярославской губерний;

***из 78 уездов этих губерний сопоставимые сведения имеются по 51 городу;

****Сведения о основном составе гласных установить не удалось.

Составлено по [2, д.2496, л.407–416] (сведения 1880-х гг.); [22, с.35, 40–41, 44] (сведения начала 1890-х гг.).
Подсчитано мною.

¹⁰ Подробно см.: [14, с.415–427]; [21, с.220–248].

С введением Городового положения 1892 г. число гласных сократилось почти вдвое (с 25764 до 13255 чел.), что объяснялось значительным сокращением численного состава городских дум (во многих городах, как губернских, так и уездных, в 2 раза), что не могло не сказаться и на словном составе гласных. В конце 1880-х гг. существовали значительные отличия в составе губернских и уездных дум. Удельный вес дворян и чиновников среди гласных губернских городов более чем в 2 раза превосходил их представительство в уездных думах. Но абсолютное большинство их состава принадлежало к торгово-промышленным слоям населения. При этом в отличие от губернских, в уездных городах преобладали гласные из низших сословных групп, которые занимались в основном мелкой торговлей и промыслами (50,9% уездных гласных). На сокращение их числа и был направлен закон 1892 г.

Проследим влияние нового Городового положения на состав городских гласных восьми губерний. В 1880-е гг. в их составе прослеживается такое же соотношение сословных групп, как и в городских думах 49 российских губерний, поэтому логично признать, что статистические сведения начала 1890-х гг. о составе гласных 8 губерний отражают общую картину, характерную для всей России. С введением Городового положения 1892 г. соотношение между сословными группами гласных изменилось. За счет сокращения числа гласных из низших городских сословий (с 41,4 до 32,4%) усилилось представительство более обеспеченных торгово-промышленных слоев населения, владевших недвижимой собственностью (с 40 до 47,7%); при этом удельный вес гласных из дворян изменился незначительно (с 18,6 до 19,9%). В отличие от Земского положения 1890 г., упрочившего позиции дворянства, Городовое положение 1892 г. способствовало росту числа гласных из торгово-промышленного класса.

Различия в сословном составе земских и городских общественных учреждений, сформированных в ходе первых выборов по этим законам, обусловили и различия в уровне их образования. Напомним, что среди гласных губернских земских собраний насчитывалось около 87% выпускников высших и средних учебных заведений (см. выше). В составе городских гласных губернских городов (с населением свыше 100 тыс.) их число составляло около 55%, но таких городов было немного; в небольших городах картина была иной. В целом по России из 13255 гласных дипломы о высшем и среднем образовании имели только 17% всех гласных (2255 чел), подавляющее их большинство получили низшее или домашнее образование, а 4% (532 чел.) были вовсе неграмотными [22, с.44]¹¹.

¹¹ Подсчитано мною.

Тем не менее изменения в организации городских общественных учреждений способствовали развитию их хозяйственной деятельности. Важным показателем ее эффективности является рост городских бюджетов. К 1892 г., за 20 лет действия Городового положения 1870 г., общий бюджет российских городов вырос с 21 до 62 млн. руб. (ежегодный прирост 2 млн.); в 1901 г. бюджет составил 117 млн. (прирост 6 млн. в год), в 1904 г. – 153 млн. (прирост 12 млн. в год), в 1913 г. – 297 млн. (прирост 16 млн. в год) [27, с.335].

Иными словами, в результате реформы 1892 г. развитие российских городов не замедлилось, а, напротив, ускорилось.

* * *

Исходной точкой преобразований, намеченных правительством Александра II, стали сенаторские ревизии 1880 г., конечной – реализация проектов реформ крестьянского, земского и городского управления, разработанных Министерством внутренних дел при Александре III. На протяжении всего этого периода повестка законодательской работы оставалась неизменной, так как необходимость преобразований в местном управлении осознавалась как правительством, так и обществом, но способы их осуществления предлагались разные. Остроту вопросу придавала не только актуальность назревших реформ, но и сложность внутриполитической обстановки, сложившейся в стране после убийства Александра II. Либерально настроенная часть правящей элиты (в начале 1880-х гг. она составляла большинство), продолжая линию, намеченную проектами Лорис-Меликова, видела выход в широком привлечении общественных сил, прежде всего, земств, во все сферы местного управления, включая административную. На такой идейной платформе разрабатывались проекты Кахановской комиссии, предусматривавшей одномоментную перестройку всей системы местного управления. Противоположную позицию в этом вопросе занимало Министерство внутренних дел во главе с гр. Д.А.Толстым, предлагавшим поэтапное решение накопившихся в местном управлении проблем путем усиления правительственного контроля и возрождения сословного начала, в первую очередь, роли помещичьего дворянства. Однако и те и другие проекты реформ во многом носили теоретический характер и далеко не всегда отвечали политическим и социально-экономическим условиям жизни страны. Нереальность введения для крестьян всесословной организации подтверждали итоги земских выборов 1870–1880-х гг. по крестьянской курии, когда вместо крестьян часто избирались лица других сословий. Малопродуктивной была в 1880-е гг. и идея возрождения сословной организации и роли дворянства. Уже в

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

1870-е гг. многие сторонники этой идеи осознавали ее нереальность. Как заметил кн. А.А.Щербатов, возглавлявший в 1860-е гг. Московскую думу, если «сословное начало было однажды отменено в какой бы то ни было области общественной жизни, возвращаться вспять невозможно» [1, д.11, л.4]. Неслучайно именно эта сторона проектов, разработанных Министерством внутренних дел, подверглась ожесточенной критике оппонентов. В конечном итоге, принятые в 1880–1890-е гг. законы далеко отошли от первоначальных проектов, что отмечают все историки, изучавшие этот период. Но в историографию эти законы вошли под общим названием «контрреформы» и стали определением отдельного периода российской истории. Наиболее реакционным признается закон о земских начальниках, который разрабатывался на пике политических разногласий в правящем классе. Однако закон 1889 г. лишь возрождал хорошо зарекомендовавший себя институт мировых посредников с их административно-судебными полномочиями в отношении крестьянского управления. Лица, занимавшие должность земских начальников, не были изгоями общества. Именно земские начальники, наряду с почетными мировыми судьями, составляли наиболее многочисленную часть гласных губернских земских собраний [26, с.83]. Изменения в области земского и городского общественного управления также не вызвали отторжения у большей части общества, и лучшие его представители плодотворно работали в земских собраниях и городских думах.

Представляется справедливой оценка тех историков, которые не противопоставляют реформы 1860–1870-х и 1880–1890-х гг., а рассматривают их как взаимосвязанные звенья законотворческого процесса, требующего в изменившихся условиях определенной корректировки для исправления выявившихся недостатков. Такую задачу и решали законодатели 1880-х гг. И задача эта была тогда решена, так как, несмотря на новые политические реалии начала XX в., законы, принятые при Александре III, с некоторыми изменениями действовали до 1917 г. и были отменены вместе с российской государственностью.

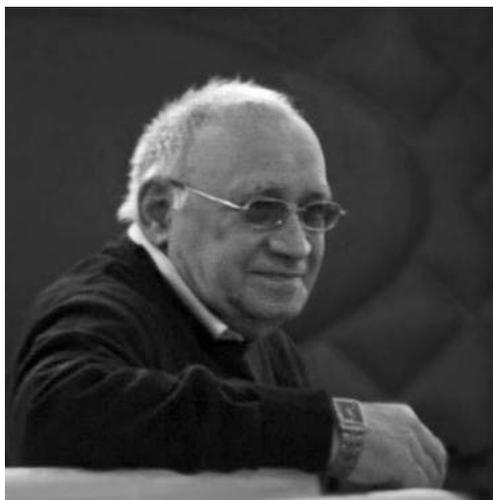
Библиографический список

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.70. Оп.74.
2. Российский государственный исторический архив. Ф.1287. Оп.38.
3. Центральный исторический архив Москвы. Ф.1334. Оп.1.
4. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
5. Большов В.В. Кахановская комиссия (1881–1885). К вопросу о внутренней политике самодержавия первой половины 80-х гг. 19 в. Автореферат на соискание уч. степени к.и.н. М.: МГУ, 1978. 19 с.

6. Большов В.В. Кахановская комиссия на страницах русской периодики и исторической литературы // Проблемы истории СССР. Вып. 4. М.: МГУ, 1974. С.155–172.
7. Большов В.В. Материалы сенаторских ревизий 1880–1881 гг., как источник по истории местного управления // Вестник Московского университета. Серия история. М.: МГУ, 1976. №4. С.38–55.
8. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т.1–4. СПб.: Из-во О.Н. Поповой, 1909–1911.
9. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. №6. С.254–258.
10. Жукова Л.А. Земское самоуправление и самодержавие в конце XIX – начале XX века // Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. Кн.1. С.234–254.
11. Журналы Высочайше учрежденной Особой комиссии под председательством статс-секретаря Каханова для составления проектов местного управления. 1881–1885. Т.2. СПб., б/г. Разд. паг.
12. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: МГУ, 1968. 156 с.
13. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: МГУ, 1964. 510 с.
14. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 443 с.
15. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. Т.4. СПб.: Сенатская типография, 1911. 529 с.
16. История России в XIX веке. Изд-во Бр. Гранат. Т.V. Ч.3: Эпоха реакции. Отд.1. СПб., 1909. 330 с.
17. Каталог: Русские официальные и ведомственные издания XIX – начала XX века / Сост. Е.К.Авраменко, Н.Е.Кашенко, Н.Г.Маркова. СПб.: Блиц, 1995. Т.2. 190 с.
18. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Ч.3. М.: М. и С. Сабашниковых, 1918. 331 с.
19. Мещерский В.П. Письма к императору Александру III. 1881–1894 / Сост. Н.В.Черникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 804 с.
20. Министерство внутренних дел 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. 225 с.
21. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л.: Наука, 1984. 258 с.
22. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 158 с.
23. Наше городское представительство. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1882. №6 (ноябрь–декабрь). С.378–384.
24. Обзор трудов Высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря М.С.Каханова Особой комиссии для составления проектов местного управления / Сост. М.В.Иславин. СПб., 1908. Ч.1. 217 с., Ч.2. 159 с.
25. Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX– начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Сб. статей. Л.: Ленинградский университет, 1967. С.147–175.
26. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 287 с.
27. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф, 2010. 735 с.

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ И РЕФОРМЫ 1880–1890-х гг.

28. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т.1–2. М.: Наука, 1966. Т.1: 1883–1886 гг. 550 с. Т.2: 1887–1892 гг. 577 с.
29. Полное собрание законов. Российской империи. Собрание 3-е. Т.1–33. СПб.: 2-е отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, 1885–1917.
30. Сенаторские ревизии 1880 года // Русский архив. 1912. №11. С.417–429.
31. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы 1848–1896. Воспоминания. М. Новости, 1991. 464 с.
32. Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.
33. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Био-библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.
34. Шутов А.Ю. Земское реформирование в России // Земское самоуправление в России: К 150-летию земской реформы. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С.21–35.
35. Ярцев А.А. Государственная власть и земские учреждения. 1864–1890. СПб.: Нестор, 2003. 366 с.
36. Ярцев А.А. Сенат и земство: административная юстиция и местное самоуправление в дореволюционной России. 1864–1890. Калининград, 2008. 235 с.

Памяти

*Альберта Павловича
Ненарокова*

*(2 сентября 1935 –
3 мая 2020)*

Альберт Павлович – ученый с мировым именем. Нет такого специалиста по истории социал-демократии, истории меньшевизма, который не был бы знаком с работами Ненарокова. Он дружил с М.Левиным, Л.Хеймсоном, А.Рабиновичем, З.Галили... Аспиранты, диссертанты, докторанты... Кажется, что и он знал всех, занимающихся этими проблемами.

А.П.Ненароков родился в Ростове-на-Дону в семье педагогов (его родители окончили МГПИ им. В.И.Ленина), но детство провел в Москве. Отец ушел на фронт и не вернулся. Пятилетнего Алика, как и других детей, вывезли из Москвы и поместили в детдом. Школу он заканчивал в Ростове-на-Дону. Переживания войны, смена исторических эпох... Сама жизнь сформировала интерес к исторической науке. В 1956 г. Альберт Павлович окончил исторический факультет МГПИ. В.Н.Дьяков рекомендовал его в аспирантуру для продолжения изучения истории Древнего Рима, но, как и всех выпускников, его направили на работу в школу. Спустя два года Альберт Павлович поступил в аспирантуру МГПИ к академику И.И.Минцу (который в 1930-е гг. был секретарем редакции «Истории гражданской войны в СССР», руководимой И.В.Сталиным, а в 1950-е гг. «сослан» в МГПИ).

«Школа Минца» – это приобретенный опыт не только исторического, но и политического мышления. Под его руководством в 1962 г.

А.П.Ненароков защитил кандидатскую диссертацию «Восточный фронт в 1918 г. и вопросы строительства Красной армии».

Смелость диссертанта заключалась в исследовании «острой» темы: «строительство» армии проводилось Л.Д.Троцким, никто из командующих на Восточном фронте тогда еще не был реабилитирован. После этого Альберт Павлович работал в возглавляемом Минцем Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

В 1968 году он подготовил книгу «1917. Краткая история, документы, фотографии» (переиздана в 1976, 1977, 1988), переведенную на многие иностранные языки. В ней были собраны и воспроизведены важнейшие документы революционной эпохи и фотографии, передающие «дух времени». Позднее он замечал: «Археограф должен уметь чувствовать и делать доступным и понятным для окружающих тот "климат эпохи", который заложен в представляемом им документе. "Климат эпохи" – это удивительно точное определение специфики времени, воплощенного в любом документе, любом виде источников».

Эти мысли А.П.Ненароков развивал в публикациях – «Историческая наука и художественная литература: образы коммунистов – героев Октября и гражданской войны в художественной литературе последнего десятилетия» (в соавт. с Ю.А.Поляковым; М., 1986), «В поисках жанра: записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями» (в 2-х книгах; М., 2009).

Военная история была одной из главных тем в творчестве ученого. Его заслуги в этой области получили признание: в 1995 г. Альберта Павловича избрали академиком Академии военных наук.

Другая тема, захватившая на долгие годы уже зрелого историка, – национально-государственное строительство в 1917–1924 гг. В 1983 г. в соавторстве с А.В.Проскуриным вышли книги: «Волей народов» (к юбилею создания СССР) и переведенная на многие иностранные языки «Решение национального вопроса в СССР».

В 1989 г. состоялась защита докторской диссертации – «К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924 гг.» (М., 1991).

В 1989 г. А.П.Ненароков перешел на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на должность заведующего сектором, а с 1991 г. стал руководителем исследовательской программы Центра

политической и социальной истории России в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (РНИСиНП).

В 1989 г. он – один из инициаторов международного научного проекта по истории РСДРП: трехтомника «Меньшевики в 1917 году» (в 4-х кн., М., 1994–1997), получившего продолжение в публикации «Меньшевики в большевистской России. 1918–1924» (в 4-х т., М., 1999–2004), отмеченной Государственной премией РФ в области науки и техники (2002). В эти годы Альберт Павлович сфокусировал внимание на изучении истории 1917 года, приняв участие в подготовке справочника «Политические деятели России. 1917 год» (М., 1993; автор и член редколлегии).

С 2002 г. А.П.Ненароков – главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Он продолжил изучение истории меньшевизма и революции 1917 г. Им были задуманы и подготовлены публикации документов: «Е.П.Николаевская. Жизнь не имеет жалости (письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж)» (М., 2005), «И.Г.Церетели. Впечатления детства (по записям Элико Церетели-Демолон, Бориса Николаевского и черновикам И.Г.Церетели)» (М., 2006), «Меньшевики в эмиграции: протоколы Заграничной Делегации РСДРП, 1922–1951 гг.» (в 2-х ч., М., 2010; при участии А.Либиха), «Из архива Б.И.Николаевского. Переписка с И.Г.Церетели. 1923–1958» (в 2-х вып., М., 2010–2012), «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 (т.4. М. 2014; при участии Р.М.Гайнуллиной), «А.Н.Потресов. Рубикон. 1917–1918. Публицистика» (М., 2016; при участии Р.М.Гайнуллиной, И.С.Розенталя), «Революция 1917 года глазами современников» (в 3-х т., М., 2017; редактор-составитель 2-го тома). Значимыми событиями в историографии стали монографии А.П.Ненарокова: «Последняя эмиграция Павла Аксельрода» (М., 2001), «История одного письма: политическое завещание Павла Аксельрода» (М., 2008), «Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии» (М., 2012).

С 1999 г. Альберт Павлович – постоянный автор и бескорыстный, искренний друг журнала «Россия XXI». Его сотрудничество с нашим изданием началось в 1999 г. (статья о патриархе российской социал-демократии П.Б.Аксельроде), а закончилось публикацией не известной ранее рукописи лидера грузинской социал-демократии

И.Г.Церетели о тюремных очерках революционера и ученого В.С.Войтинского (3 статьи 2017 г.). В 2001 г. (№2) вышла заметка «Апелляция к разуму», посвященная памяти Церетели, в 2011 г. (№2) – текст под заголовком «Опубликовано, но не освоено» (о выступлении Церетели на открытии Учредительного собрания). Статья об экономических взглядах Войтинского появилась в 2005 г. (№6), а письма Войтинского периода эмиграции (1933–1939 гг.) А.П.Ненароков опубликовал в 2006 г. (№2, №3).

Специальное исследование он посвятил особой ценности писем как источника (2002, №6). Мысли Альберта Павловича о значимости наследия российской социал-демократии, актуальности изучения работ отдельных ее представителей (например, Р.А.Абрамовича) отразились в публикациях 2007 (№5) и 2009 (№5) годов. Будучи ученым мирового масштаба, Альберт Павлович вел переписку с коллегами из разных стран. В 2013 г. он предложил нашему журналу воспоминания М.Левина о Великой Отечественной войне, которые тот присылал ему в письмах (№2).

Почти двадцать лет мы знакомили читателя с творчеством этого замечательного историка и прекрасного человека... Были еще обширные совместные планы, которым теперь уж не сбыться... Очень горько.

Светлая память Вам, дорогой Альберт Павлович!

*Друзья,
Редколлегия,
Редакционный совет*

**Публикации А.П.Ненарокова
в журнале «Россия XXI»**

1999

1. Политическое завещание П.Б.Аксельрода №6

2001

2. Апелляция к разуму №2

2002

3. «Письма – исторический документ; ... их нужно печатать как таковые» №6

2003

4. Как российские социал-демократы отмечали свой четвертьвековой юбилей №2
5. Две открытки, три года молчания и письма, хранимые всю жизнь №5

2005

6. Экономические взгляды В.С.Войтинского №6

2006

7. В.С.Войтинский – Гарви и гарвятам. Письма 1933–1939 гг.: о времени, событиях и политиках №2, №3

2007

8. Наследие российской социал-демократии №5

2009

9. «Не все золото, что блестит»:
о некоторых аспектах современного
изучения послеоктябрьского меньшевизма №5

2011

10. Опубликовано, но не освоено №2

2013

11. По тропинкам прошлого. Из Attachments Моше Левина №2

2017

12. «Сибирские марксисты» об экзамене
революцией 1905 года №2, №3, №4

Наши авторы

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии
и международных отношений
ГОУВПО ЛНР «Луганский Национальный Университет
имени Владимира Даля»,
г.Луганск, ЛНР/Украина

Груздинская Виктория Сергеевна

аспирант кафедры современной отечественной истории
и историографии Омского государственного университета
им. Ф.М.Достоевского (Омск, Россия)

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

Лапин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории
Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор,
заведующий кафедрой истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX – начале XX в.»,
Институт российской истории Российской академии наук

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Our authors

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D., historian, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of the Ukrainian National University of Lugansk "Lugansk Vladimir Dal University", Lugansk, Lugansk People's Republic of Ukraine / Ukraine

Gruzdinskaya Viktoriya Sergeevna

post-graduate student of Department of Modern National History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. historian, Leading Researcher, Institute of Russian History, RAS

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian, Professor of European University (Saint Petersburg), the Head of department New history of Saint Petersburg Institute of History (RAS),

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at the Center "History of Russia in XIX–early twentieth century", FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.**

**© «Россия XXI», 2020.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 05.05.2020. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

2.2020 march-april

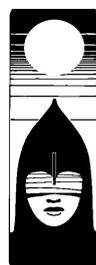
Pages of History

Igor' Tatarinov

The Problems of Delimiting Russian-Ukrainian
Territories in the Mid-1920s _____ **6**

Viktoriya Gruzinskaya

Anniversary of the USSR Academy of Sciences
in 1945 in the Mirror of Foreign
Congratulatory Addresses _____ **26**

National Doctrine

Salavat Iskhakov

“India Must be Liberated by the Muslim Proletariat
with the Help of Soviet Russia, and Certainly Before
the Revolution in London ...”:
Muslim Cominterns in 1919–1920 _____ **42**

Labels and Myths

Vladimir Lapin

“Conquerors of Turkestan”. The Main
Persons of the Accession of Central Asia
in the Historical Memory of Russia ___72

Andrey Yurganov

About Two Models of “Leninism” in the
Internal Party Struggle of the Mid-20s__98

Topical Archive

Nina Khailova

“The Task is not to Turn Russia
into Paradise, but to Prevent it from
Turning into Hell”:
Centrist Liberals in the First Duma ___122

Lyubov' Pizar'kova

Kakhanovskaya Commission and
the Reforms of the 1880s –1890s____156

РОССИЯ XXI